

21 ВЕК ВОДНИЙ ВЕСТНИК

информационно-аналитический журнал

70 лет

1⁽⁵⁴⁾/2015

70 лет

*Уважаемые
читатели!*

**Номер журнала
«Вестник Зодчий.
21 век», который
вы держите сейчас
в руках, открывает
цикл, посвященный
сразу нескольким
знаменательным
датам. Главная из
них – 70 лет Победы
в Великой Отече-
ственной войне
1941–1945 гг.**

М

Мы от всего сердца говорим спасибо тем, кто откликнулся на призыв Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга и издательства «Зодчий» и принял участие в его подготовке. Только благодаря вашему труду этот номер получился таким, каким мы его видим – глубоким, интересным, объединяющим историю и актуальные проблемы современности.

Это наш общий вклад в историю реставрации и дань подвигу специалистов – архитекторов, реставраторов и градостроителей, работавших в военные и послевоенные годы. Надеемся, что все остальные специальные выпуски будут такими же яркими и интересными.

**Поздравляем вас с Днем Великой
Победы и желаем счастья, мира и
созидания!**

Комитет по государственному контролю,
использованию и охране памятников
истории и культуры Санкт-Петербурга
Администрации Санкт-Петербурга,
редакция журнала
«Вестник «Зодчий.21 век»

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

А.Г. Леонтьев, Ю.Ю. Бахарева. Битва за Ленинград	4
Шпили в маскхалатах.....	20
Н.С. Третьяков. Дворцы-музеи пригородов Ленинграда. Война. Потери. Возрождение	22
А.И. Орт. Деятельность органов архитектурно-строительного надзора и экспертизы Ленинграда в 1941–1943 гг. Блокада	32
А.В. Никифорова. Петергоф в летописи войны	40
Ю.В. Зеленианская. Эвакуация музейных ценностей Петергофа и Ораниенбаума в июне-сентябре 1941 года	41
П.П. Котляр, А.С. Трапезникова. Территория эвакуации.....	46
К.А. Пугачева, С.В. Бондарев. Груз особого назначения.....	48
П.В. Петров. Деятельность органов управления города Ленинграда по обеспечению начального этапа восстановления дворцов и парков г. Петродворца в 1944 году.....	49
А.В. Бардовская. Дворцы города Пушкина в годы испытаний.....	52
А.Н. Гузанов. Павловский дворец-музей в 1941–1944 годах. Эвакуация. Освобождение. Начало восстановительных работ.....	62
Е.Н. Типикина. Памяти Павлова. Победителям.....	70
Н.Н. Ефремова. Город спас свои сокровища... ..	74
Петропавловская крепость во время войны.....	78
Н.В. Буров. Архитектурный облик блокадного Ленинграда.....	80
Р.Н. Чумак. Блокадный Ленинград – город оружейников.....	84
В.А. Гусев. Эвакуация и сохранение экспонатов Русского музея в годы Великой Отечественной войны	86
Участие преподавателей и курсантов ВИТУ в Великой Отечественной войне	92
М.О. Логунова. Герои Дороги жизни	98
Поколение победителей (НИПИИ «Ленметрогипротранс»)	102
Возраст мудрости. Юбилей Н.В. Варламова.....	110

**«Вестник. «Зодчий. 21 век» –
информационно-аналитический
журнал**

Часть 1. Май 2015 года

ISSN – **2070-6774**

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» – **88171**

Издательство «ЗОДЧИЙ»®

Главный редактор Элеонора Шевченко

Редакция Екатерина Саксонова
Елена Каретникова
Татьяна Щербук
Екатерина Закревская
Николай Холопов
Ольга Усольцева
Вера Вольнова

Дизайн Александр Виноградов
Верстка Дмитрий Сазонов

Менеджмент Ирина Никифорова
проекта

Издание Союза архитекторов
подготовлено России,
при содействии НИИТИАГ РААСН,
Союза архитекторов
Санкт-Петербурга,
А.Г. Леонтьева,
Ю.Ю. Бахарева,
В.А. Маслака,
В.Л. Быкова

Учредители ЗАО «Издательство
«ЗОДЧИЙ»
и коллектив редакции

Адрес 190020, Санкт-Петербург,
Лифляндская ул., 3
Контактные + 7 (812) 332-42-15
телефоны + 7 (812) 677-91-29
E-mail zodchiy21vek@yandex.ru
www.zodchiy21.ru

Издание зарегистрировано
Территориальным управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и
Ленинградской области.
Свидетельство ПИ №2-4715
от 14.09.2000

Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных материалов.

Перепечатка материалов возможна
только с письменного разрешения редакции.

Тираж сдан в печать: май 2015 г.

Отпечатано в типографии ООО «Цветпринт»:
191119, г. Санкт-Петербург,
ул. Роменская, д.10, лит. К,
тел.: (812) 336-92-12 (доб. 306)

Установочный тираж 5000 экз.
Цена свободная

Уважаемые друзья!

В этом году мы отмечаем 70-летие Великой Победы – священный для всех нас праздник, дорогой сердцу каждого россиянина, каждого петербуржца.

Мы безмерно благодарны нашим отцам и дедам за их мужество и самоотверженность, за то, что отстояли в ожесточенных сражениях честь и независимость нашей Родины, освободили мир от фашизма. Мы чествуем в эти дни всех, кто приближал победный май 1945-го года: фронтовиков и тружеников тыла, ополченцев и участников партизанского движения. В общей победе никогда не померкнет подвиг защитников и жителей блокадного Ленинграда, отстоявших от врага наш прекрасный город.

Преодолевая невероятные испытания, ленинградцы проводили колоссальную работу, спасая от вражеских обстрелов уникальные памятники архитектуры, – закрывали маскировочной сеткой купола великолепных соборов, зарывали в песок бесценные скульптуры. После войны ленинградские реставраторы совершили трудовой подвиг, шаг за шагом возвращая потомкам величайшее архитектурное наследие города.

Празднуя Победу, мы празднуем торжество всемирно известной ленинградской школы реставраторов, отмечающей в этом году свое 70-летие.

Мы всегда будем бережно хранить память о подвигах наших предков, свято чтить наши духовные и культурные традиции. Сегодня Петербург делает все, чтобы достойно встретить День Победы.

9 мая состоится торжественное открытие Триумфальной арки, в сооружении которой приняли участие тысячи петербуржцев. Этот замечательный современный памятник станет еще одним украшением Северной столицы. И это еще один знак того, что в нашем городе никто не забыт и ничто не забыто.

Сердечно поздравляю Вас с праздником Победы! Желаю благополучия, счастья, оптимизма, мирного неба, больших жизненных успехов!

A stylized, handwritten signature in black ink, which appears to read "Полтавченко".

Губернатор Санкт-Петербурга
Г.С. Полтавченко

С.В. МАКАРОВ,
председатель Комитета по
государственному контролю,
использованию и охране
памятников истории и культуры
Санкт-Петербурга

Каждая годовщина Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. всегда будет для нас особенной. Героизм бойцов на разных фронтах воодушевлял защитников и жителей блокадного Ленинграда, самоотверженно спасавших его бесценное наследие. Дорогой ценой была завоевана Победа. И не менее дорогой ценой невероятных усилий был совершен «подвиг века» – подвиг восстановления прекрасного и всегда юного города Петра. Специалистам Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга известно, сколько труда, сколько жизнью это стоило.

Традиции нашего коллектива всегда были неразрывно связаны с историей Санкт-Петербурга. Впервые образованный в Петрограде 15 ноября 1918 г., Отдел по делам музеев и охране памятников стал прямым предшественником сегодняшнего КГИОПа. Исторически так сложилось, что с момента создания государственный орган охраны памятников истории и культуры призван был спасти наш город от жестокого запустения: сначала после революционной разрухи, а далее – в 1941–1944 гг., когда этот суровый опыт пригодился и специалистам ГИОП пришлось сохранять памятники в тяжелейших условиях 900-дневной блокады города. Тогда был создан аварийно-восстановительный батальон, бойцы которого выполняли обмеры, фотофиксацию, консервацию и посильный ремонт поврежденных зданий, день за днем ведя повседневную работу по противоаварийным мероприятиям, составлению планов будущих реставрационных работ.

После снятия блокады основу коллектива составили фронтовики, демобилизованные из армии, и бойцы аварийно-восстановительного батальона. С большой благодарностью вспоминаем мы коллег, создавших обмерную группу и организовавших систематическое изучение исторической застройки и архивных материалов. Благодаря этой работе была создана уникальная база данных. Так, в первые послевоенные годы сотрудники ГИОП вместе с реставраторами, музейными и научными работниками заложили основы ленинградской школы научной реставрации памятников. Их опыт лег в основу общегосударственной практики дела охраны и реставрации.

Вот уже более 90 лет КГИОП обеспечивает сохранение как отдельных памятников и ансамблей, так и исторической застройки Петербурга в целом.

Санкт-Петербург особенный город. Историческое наследие имеет для него такое же значение, как для других регионов – природные ресурсы, месторождения нефти и алмазов. Наследие включено во многие социальные процессы и является источником духовного обогащения не только петербуржцев, но и всех россиян.

Любые потери наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению общества в целом. Они не могут быть компенсированы ни развитием современной культуры, ни созданием новых значительных произведений. А это значит, что сберечь такое колоссальное богатство – наша самая главная задача.

Самоотверженная борьба за спасение художественных ценностей началась с первых часов Великой Отечественной войны, в ночь на 23 июня 1941 года, под вой сирен – сигнала первой воздушной тревоги.

А.Г. ЛЕОНТЬЕВ,
первый заместитель председателя
КГИОП, Санкт-Петербург

Ю.Ю. БАХАРЕВА,
начальник отдела КГИОП,
Санкт-Петербург

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД

страной. Начались 900 суровых дней ленинградской блокады.

Каждый день городские кварталы и площади методически обстреливались дальнобойной вражеской артиллерией. Усиливалась интенсивность налетов немецкой авиации.

В эти дни наряду со строительством оборонительных рубежей, сооружением дотов и дзотов широко развернулись работы по ликвидации завалов, возникавших в зданиях после бомбежек и обстрелов, и предотвращению гибели памятников архитектуры и художественных произведений. В противоаварийных работах вместе с бойцами противовоздушной обороны (МПВО) непосредственное участие принимали сотрудники Городского архитектурно-планировочного управления, члены Союза архитекторов и Союза художников.

Все мероприятия по защите и консервации художественных ценностей Ленинграда координировала Государственная инспекция по охране памятников (ГИОП), в подчинении которой находились аварийно-восстановительный батальон, бригады верхолазов и обмерщиков. Проводились научные исследования памятников, их фотофиксация, строительные и маскировочные работы.

В начале войны одной из задач инспекции стала консервация незавершенной реставрации, доведение работ до той стадии, на которой в дальнейшем можно будет их продолжить и избежать негативных последствий их прерывания.

Большую роль сыграла ГИОП в привлечении к работе по сохранению памятников ленинградских архитекторов.

Начальник ГИОП Н.Н. Белехов

Под сенью Ангела

В сентябре гитлеровские захватчики оккупировали Гатчину, Павловск, Пушкин и Петергоф. 4 сентября противник произвел первый обстрел Ленинграда из 240-миллиметровых орудий; 6 сентября фашистская авиация впервые прорвалась к городу, разбомбив два дома на Невском проспекте, а через два дня фашисты дважды совершили массированные налеты на Ленинград, сбросив 6327 зажигательных бомб, которые вызвали 178 крупных пожаров. В тот же день была прервана железнодорожная связь со

Их знания и опыт нашли применение в проведении аварийно-восстановительных мероприятий, укрытии и маскировке памятников, их обмерах, в подготовке наглядной агитации, а в дальнейшем – в составлении проектов восстановления и реставрации пострадавших архитектурных ансамблей. К работе также были привлечены художники, искусствоведы, историки, ученые: Г.Г. Гримм, Л.А. Ильин, В.К. Макаров, Л.В. Руднев, Л.М. Тверской, В.В. Формаковский, В.Д. Двораковский, В.М. Конашевич, А.В. Каплун и др.

В начале войны ГИОП возглавлял А.В. Победоносцев, в июле 1941 года ушедший на фронт. Его заменил Н.Н. Белехов, руководивший инспекцией до 1956 года. Имя Николая Николаевича Белехова (1904–1956) заслуженно вписано в историю сохранения культурного наследия Ленинграда – Санкт-Петербурга. Руководитель государственного органа охраны памятников в суровые годы войны и блокады Ленинграда, инициатор послевоенного возрождения пригородных дворцово-парковых ансамблей, он всю свою недолгую жизнь посвятил этому благородному делу.

В первые же дни войны в Ленгорисполкоме ГИОП инспекцией был представлен

план защиты монументальной и декоративной скульптуры. Предложения по маскировке высотных доминант города – шпильей Петропавловского собора, Адмиралтейства и Инженерного замка, куполов Исаакиевского, Владимирского и Никольского соборов, других памятников, служивших ориентирами для вражеских обстрелов, были разработаны к 1 июля 1941 года. Задача оказалась не из легких. Решение пришло не сразу.

Крайне сжатые сроки, отсутствие необходимых материалов и рабочей силы не позволили устанавливать строительные леса. Неудачными оказались и попытки использовать аэростаты для укрытия шпильей чехлами. Молодая сотрудница ГИОП – рай-

онный архитектор Н.М. Устольская, размышляя о маскировке высотных зданий, вспомнила о своих довоенных занятиях альпинизмом и высказала коллегам свою идею о возможности использования альпинистов для восхождения на шпили. Выслушав предложение Натальи Устольской, Н.Н. Белехов задумался, а на следующий день заявил ей: «Снимаю Вас со всех Ваших объектов. Давайте альпинистов!».

В результате было решено привлечь к маскировке ленинградских спортсменов-альпинистов – участников спортивной секции ДСО «Искусство»: пианистку О.А. Фирсову, секретаря ДСО А.И. Пригожеву, сотрудника киностудии «Ленфильм» А.А. Зембу, младшего лейтенанта М.М. Боброва, виолончелиста М.И. Шестакова, художницу Т.Э. Визель. Руководили маскировочной спецбригадой Отдела охраны памятников архитектор С.Н. Давыдов и инженер Л.А. Жуковский. В ней также в 1941–1945 годах работали Ю.П. Спегальский, В.И. Кабанов, А.Н. Сафонов, Н.М. Милорадов.

При маскировке Адмиралтейства большую помощь оказало военное командование. Летчик В.Г. Судаков на специальном привязном воздушном шаре сумел закрепить на самом вершине шпиля, у флюгера-кораблтика, трос, по которому затем поднимались альпинисты.

В зависимости от метода золочения применялись различные способы маскировки. Шпили Адмиралтейства и Инженерного замка, Крестовоздвиженской церкви, купола Никольского собора, церкви Спаса на Сенной площади, Владимирской церкви, покрытые сусальным золотом, были защищены в чехлы. Купола Исаакиевского и Петропавловского соборов, при золочении которых использовалась техника гальваноластики, окрашивались серой шаровой масляной краской.

Эти мероприятия проводились в 1941–1942 годах в несколько этапов. Так, летом

1942 года продолжили маскировочные работы на колокольнях и куполах церкви Иоанна Предтечи, Владимирской церкви, Великокняжеской усыпальницы, Спасской церкви на Сенной площади. В дальнейшем верхолазам еще не раз приходилось преодолевать эти вершины, так как в годы блокады требовалось постоянное поддержание технического состояния маскировочных чехлов и окраски, их ремонт или замена.

Работы проводились в тяжелейших условиях. Подъем и работа на высоте до 122 м, на пронизывающем ледяном ветру и морозе каждый раз требовали значительных физических усилий, поддерживать которые в блокадном городе было почти невозможно. Неоднократно во время работы членов спецбригады, находившихся в это время на куполах и шпилях, заставляли авиационные налеты и артобстрелы, когда негде было укрыться от бомб и пулеметных очередей.

В 1945 году участники маскировочных бригад вновь поднялись на шпили и купола для их демаскировки. К сожалению, не все из них дожили до победы. В блокадном городе погибли А.И. Пригожева и А.А. Земба.

Оружием архитектуры

Другой первоочередной задачей руководства города стала маскировка промышленных, оборонных и стратегически важных объектов. Еще до войны, летом 1940 года, АПУ было поручено разработать предложения по этому вопросу. Главным архитектором Ленинграда Н.В. Барановым, назначенным в начале войны начальником специальной службы, был произведен рекогносцировочный полет над Ленинградом.

В том же году были составлены схемы укрытия Смольного и Таврического дворцов, Охтинского моста, главной водопроводной станции. Кроме того, как писала архитектор Э.Г. Левина, «мастерские Театра оперы и балета имени С.М. Кирова выполнили макеты, позволявшие проверить в натуре приемы маскировки. Непосвященным говорили, что готовятся киносъемки». В начале 1941 года Архитектурно-планировочным управлением (АПУ) были представлены на рассмотрение Исполкома Ленгорсовета проекты генеральной схемы технической маскировки всего города (арх. Н.В. Баранов, М.В. Морозов и А.И. Наумов), одного из микрорайонов, а также главной водопроводной станции.

За основу был взят принцип объемной маскировки, решавшей проблему светотеней и не позволявшей обнаружить с различных высот и точек объект, который визуально сливался с окружающей застройкой или ландшафтом.

Отдельные постройки и целые участки «превращали» в зеленые массивы, застройку, руины, зрительно «продлевали» улицы.

Окраска декораций изменялась в соответствии со сменой времен года. Осуществляли эти «преобразования» архитекторы, работники театров, художники, студенты Академии художеств.

Так, например, маскировка Смольного была поручена архитектору А.И. Гегелло, замаскировавшему архитектурный ансамбль под зеленый массив с помощью сетей, которые натягивались над зданиями, а поверх нашивались аппликации в виде желтых, зеленых и коричневых пятен, имитировавших листву. Укрытие главной водопроводной станции было поручено М.Я. Розенфельду, нефтебазы «Ручьи» – Г.Е. Александрову и Е.С. Хмелевской, вокзалов – И.Г. Явейну, мостов – Д.М. Шпрайзеру, А.А. Грушке, К.А. Игнатову и А.М. Соколову. Ленинградские архитекторы также решали эти задачи при строительстве оборонных рубежей и военных сооружений. В частности, Л.Ю. Гальперин, В.А. Каменский и М.А. Шепилевский выполняли эти работы на Ладужской ледовой трассе; Ф.Ф. Олейник составлял проекты маскировки огневых точек, окопов, блиндажей и др. Группа архитекторов скрывала корабли Балтийского флота, стоявшие на Неве. Всего в годы войны в этой области трудилось около 300 архитекторов.

Маскировка городских монументов и садово-парковой скульптуры

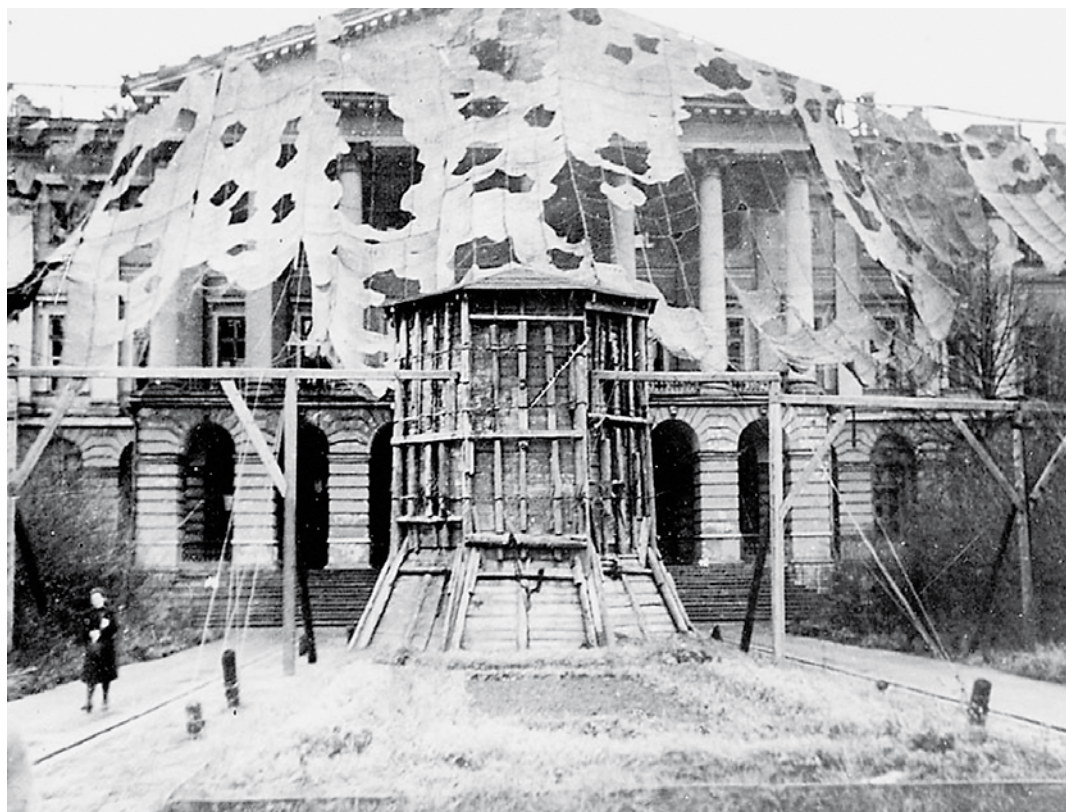
25 июня 1941 года (на четвертый день войны) решением Исполкома Ленгорсовета был утвержден план мероприятий по защите городских монументов и садово-парковой скульптуры, подготовленный ГИОП. Его осуществлением под руководством И.В. Крестовского занимались скульпторы, архитекторы, художники, студенты и преподаватели Академии художеств и Института инженеров коммунального строительства, сотрудники Музея городской скульптуры. В каждую бригаду входили скульптор, архитектор и техник-строитель. Перед укрытием или снятием с постаментов памятники обмеряли и фотографировали. При этом фиксировалось их местоположение относительно соседних зданий, чтобы в случае повреждения или смещения памятника его можно было восстановить на прежнем месте.

Способы маскировки ленинградских памятников были самые разнообразные.

Вокруг монументов, остававшихся на местах, устанавливали специальные сооружения, состоявшие из деревянного каркаса, заполненного песком или мешками с песком. Так были укрыты «Медный всадник», памятники Николаю I, С.М. Кирову, В.И. Ленину у Финляндского вокзала. Памятники

И.Ф. Крузенштерну, И.А. Крылову, сфинксов у Академии художеств, часть скульптуры Летнего сада скрывали деревянные футляры.

Некоторые памятники снимали с постаментов и закапывали в землю. Так, были спрятаны в саду Аничкова дворца «кони Клодта». Памятник Петру I работы К.Б. Растрелли закопали недалеко от постаментов в сквере перед Инженерным замком. Во дворе Русского музея укрыли памятник Александру III, а в музейном саду – статую Анны Иоанновны с арапчонком. Скульптуры пригородных дворцово-парковых ансамблей в Петродворце, Пушкине, Павловске и Гатчине также спрятали в земле, а места их

Смольный институт. Маскировка здания и памятника В.И. Ленину. Фотография 1941 г.

захоронения отметили на планах. В Летнем саду были составлены подробные схемы захоронения статуй.

Особая защита потребовалась уникальному мозаичному панно «Полтавская баталия», созданному М.В. Ломоносовым и находившемуся на парадной лестнице в здании Академии наук. Для ее сохранения была сооружена защитная стенка из кирпича.

К укрытию монументов и скульптур приступили в июле 1941 года. Не все в работе шло так, как было задумано. С самого начала сказывалась нехватка рабочей силы, транспорта и инструмента, большая загрузка строительных организаций другими оборонными работами, проблемы с поставкой материалов. И все же, несмотря на трудности, многие работы сумели завершить в течение осени. Но суровой зимой 1941–1942 года укрытие памятников было приостановлено и возобновилось лишь летом 1942 года.

Работа предстояла огромная, а угроза памятникам вплоть до снятия блокады в январе 1944 года ничуть не уменьшалась. Некоторые памятники, включенные во вторую очередь защитных работ, так и остались открытыми: А.В. Суворову, М.И. Кутузову, М.Б. Барклаю де Толли, матросам миноносца «Стерегущий». В середине 1942 года было решено их не укрывать, так как они имеют особое значение, являясь монументальной пропагандой исторических побед России. И все же вопрос о необходимости их маскировки в дальнейшем поднимался неоднократно и Отделом охраны памятников, и Музеем городской скульптуры.

В годы войны защитные устройства постоянно ремонтировались и подновлялись. Планировалось их постепенное совершенствование и замена более сложными конструкциями из дерева и песка, а в перспективе – кирпичными и железобетонными сооружениями (по примеру Англии).

Но этим планам не суждено было осуществиться. В тяжелейших условиях блокады города немалые трудности представляло собой и элементарное поддержание существующих устройств, их усиление и ремонт. Не хватало материалов, отсутствие электричества вынуждало поднимать и засыпать песок вручную или с применением простейших подъемных устройств. Проблемой была и сама доставка песка, который подвозился на трамвайных платформах. Но проведенные с таким невероятным трудом и напряжением сил работы не были напрасными, и городские монументы и парковая скульптура благополучно пережили в своих укрытиях эти страшные годы.

Плечом к плечу

Угроза повреждения или уничтожения архитектурных и скульптурных памятников вызвала необходимость срочного проведения их обмеров, организовать которые Ленгорисполком поручил ГИОП в октябре 1941 года. К этой деятельности было привлечено более 100 архитекторов, студенты Академии художеств, Ленинградского инженерно-строительного и Московского архитектурного институтов. С сентября 1942 года техническое, научное и художественное руководство этим процессом было возложено на Л.А. Ильина, а после его гибели – на В.Ф. Твельмейера.

В 1941 году были составлены списки объектов, подлежащих фиксации в первую очередь. В них вошли памятники, подвергавшиеся наибольшей угрозе в связи с их местоположением или размещением в них военных организаций; наиболее ценные сооружения в случае отсутствия их чертежей (в том числе авторских), деревянные постройки, а также здания, которым были нанесены поражения. К работам были привлечены крупные ленинградские архитекторы: обмером Инженерного замка руководил Л.В. Руднев, Строгановского дворца – Л.А. Ильин, Меншиковского дворца – А.П. Удаленков, дворца Бобринских – Ф.А. Корзухин, Воронцовского дворца и Мальтийской капеллы – Я.О. Рубанчик.

Одними из первых были обмерены памятники Николаю I и Петру I («Медный всадник»), скульптурные группы на Аничковом мосту, Атланты у Эрмитажа, Лютеранская церковь Св. Петра, Шуваловский дворец на наб. Фонтанки, костел Св. Екате-

рины, дворец Строганова на Невском проспекте, Инженерный замок, Меншиковский, Каменноостровский и Таврический дворцы и др. В декабре 1942 года началась фиксация художественных плафонов, над которыми нависла угроза уничтожения в результате пожаров и прямых попаданий снарядов, а также поврежденных и требующих реставрации. В I полугодии 1943 года были сняты эталоны и чертежи плафонов в Горном институте, особняке Лаваля на Английской набережной, на даче Безобразова «Жерновка».

Л.М. Тверской разработал новый метод фотообмера, позволявший фиксировать здание на снимках с определенных точек, а затем выполнять чертежи уже в условиях мастерских. По этой методике в 1943 году были составлены чертежи фасадов Александринского театра.

В марте 1943 года разрозненные бригады были объединены в Обмерный цех производственной группы ГИОП, состоявший из семи, а затем восьми архитектурно-творческих мастерских, руководство которыми поручили Я.О. Рубанчику, А.П. Удаленкову, С.Е. Бровцеву, Л.М. Тверскому, А.М. Соколову, В.П. Яковлеву, В.В. Степанову, Н.Н. Белехову.

Аварийно-восстановительные мастерские

Важная роль отводилась архитекторам в проведении аварийно-восстановительных мероприятий, где особенногодились их

профессиональные навыки и знания. Они включали в себя составление технических заключений по пострадавшим зданиям, консервацию и фиксацию разрушений после бомбежек, а с весны 1942 года – подготовку и проведение ремонта зданий и коммуникаций. С 1941 года архитекторы участвовали в маскировке следов артобстрелов, когда в оперативном порядке места поражений зданий закрывались фанерными щитами с нарисованными на них разрушенными частями, чтобы не позволить немцам зафиксировать места попаданий бомб и снарядов.

Такие декорации были установлены на домах № 30 и 68 по Невскому проспекту, на здании банка рядом с Домом книги, на фасадах Гостиного двора.

В сентябре 1941 года архитектурно-художественные мастерские «Ленизо» были реорганизованы в аварийно-восстановительные мастерские Отдела по делам искусств Ленгорисполкома. В них в разные годы работали архитекторы К.Д. Халтурин, С.Н. Давыдов, Я.Д. Гликин, И.И. Варакин и др. Мастерская осуществляла профилактические действия по защите памятников, мероприятия МПВО, оперативную ликвидацию повреждений зданий-памятников и предотвращение дальнейшего их разрушения. Проводились ремонт поврежденных крыш, укрепление живописи и элементов декора, сохранение деталей отделки, зашивка оконных и дверных проемов.

Аварийно-восстановительные мастерские осуществляли оперативную ликвидацию повреждений зданий-памятников и предотвращение дальнейшего их разрушения. Проводились ремонт поврежденных крыш, устройство временных кровель, укрепление перекрытий, живописи и элементов декора, сохранение деталей отделки, зашивка оконных и дверных проемов. Также в поврежденных особняках и дворцах (например, в Адмиралтействе, Шуваловском дворце) снимались скульптурные и другие ценные элементы отделки, которым угрожала гибель, и передавались в Музей городской скульптуры и в другие хранилища. Для этого в АВМ была создана специальная служба.

Объем работ был очень значительным. Как следует из отчетов, к концу сентября 1942 года из 300 зданий-памятников около 200 имели различные повреждения. Наиболее крупные поражения получили около 37 из них. Так, только в здании Сената было зафиксировано пять попаданий бомб и снарядов.

Спаси и сохрани

С начала войны архитекторы, художники, искусствоведы занимались подготовкой к эвакуации, консервацией и укрытием ценностей из музеев и исторических зданий, в которых располагались научные учреждения, творческие союзы, клубы, учебные за-

Научно-техническая конференция

Отдела охраны памятников «Методы и техника архитектурных обмеров» в зале библиотеки Академии художеств СССР. Фотография А.К.Григорьева. Июль-август 1942 г.

ведения, а также учетом и охраной личных коллекций и художественных собраний. Всего к концу 1941 года обследовали около 100 зданий. В некоторых из них (Академии наук, Казанском соборе, костеле Св. Екатерины, Военно-Морском училище им. М.В. Фрунзе

и др.) были подготовлены к эвакуации художественные предметы. В других (например, Строгановский и Аничков дворцы) производилось укрытие художественных ценностей на местах. Бригады архитекторов и художников участвовали в упаковке коллекций Эрмитажа и Русского музея, а также эвакуации ценных в художественном отношении вещей из пригородных дворцов.

На личные коллекции, взятые под государственную охрану, выдавались охранные свидетельства. Перед этим составлялись описи собраний и библиотек, обмеры ценной мебели и других предметов убранства.

Охрана деревянных построек

Летом 1942 года перед сотрудниками Инспекции по охране памятников встала новая задача. По решению Ленгорисполкома в целях подготовки города к зиме и изыскания новых источников топлива предполагалось провести инвентаризацию деревянных сооружений для разборки их на дрова. Инспекции было поручено выявить деревянные постройки, представляющие художественную и историческую ценность. На эти здания составлялись охранные свидетельства, а на фасадах предполагалось поместить соответствующие информационные таблички.

По инициативе ГИОП была организована фотосъемка отдельных домов, а также документальная киносъемка подлежащих сносу кварталов с деревянной застройкой.

Как часовые на посту...

Одну из важнейших сторон в жизни ГИОП в годы войны составляла повседневная работа, выполнявшаяся районными архитекторами. В разные периоды блокады Ленинграда эти обязанности выполняли О.Н. Шилина, М.М. Налимова, Е.П. Наумова, Н.Д. Зезин (погиб в результате обстрела в 1941 году), Н.М. Устольская, А.Ф. Рюмин, Е.К. Коржавина, И.Г. Капцюг, Е.Н. Рахманина, О.А. Остроумова, Н.П. Чайка, В.А. Варданянц и др. В начале войны их заботой прежде всего стало предохранение памятников от поражений и принятие неотложных мер по ликвидации разрушений. Необходимо было обследовать состояние зданий, проверить коммуникации, провести профилактические действия по защите памятников, мероприятия ПВО. Чердачные балки пропитывались специальными химическими составами, предохраняющими дома от пожаров при поражении их зажигательными бомбами, и водостойкими пропитками.

После начала обстрелов и бомбардировок города районные архитекторы выезжали вместе с представителями аварийных мастерских на места поражений памятников, фиксировали разрушения, определяли виды и очередность необходимых работ по их ликвидации. Серьезной проблемой было состояние зданий-памятников, которые часто переходили «из рук в руки»: в них размещали госпитали, военные организации, эвакуационные пункты. Сотрудники инспекции следили за их использованием, сохранностью зданий и предметов их художественного убранства.

«А музы не молчали...»

В условиях блокированного города не прекращалась творческая и научная деятельность архитекторов, художников, реставраторов, искусствоведов. С начала войны они приняли активное участие в развертывании наглядной агитации, а затем, с конца 1941 года, – в различных творческих соревнованиях.

Одним из первых в декабре 1941 года был объявлен конкурс на составление проектов монументально-художественного оформ-

ления площадей Ленинграда, расположенных в центре города и в рабочих районах, и магистралей, от которых начинались пути войск на фронт (у Финляндского вокзала, у Александро-Невской лавры, Сенной площади, угла Невского проспекта и Садовой улицы, Нарвской площади). Организаторами конкурса являлись ГИОП, Музей городской скульптуры и Ленинградское отделение Союза советских архитекторов (ЛОССА). В нем приняли участие такие известные зодчие, как А.С. Никольский, А.С. Гинцберг, В.Ф. Твельмейер, В.А. Каменский, Л.В. Руднев и др.

Этот конкурс явился частью развернувшейся работы по «монументальной пропаганде». Начало ей положило Положение «О творческом соревновании на архитектурно-монументальное оформление магистралей и площадей города Ленинграда», утвержденное Управлением по делам искусств Ленгорисполкома 19 ноября 1941 года, и Распоряжение Ленгорисполкома от 19 декабря 1941 № 23 года «О развертывании работ по монументальной пропаганде». Большое значение этой деятельности придавали в

организации охраны памятников. Начальник ГИОП Н.Н. Белехов отмечал в одном из своих докладов в ноябре 1941 года: «Сейчас идет борьба за Ленинград, так как же бойцу не объяснить, что такое Ленинград, что такое город, за который он борется».

Летом 1942 года по поручению Горкома ВКП(б), ЛОССА и ГИОП объявили конкурс на агитплакат, обличающий разрушение фашизмом культурных ценностей. Плакат, выполненный архитектором А.К. Барутчевым, занявший I место, в дальнейшем был издан массовым тиражом. Еще ранее, в конце 1941 года, Инспекция организовала конкурс на политический лубок и открытку.

В ноябре 1942 года архитекторы и художники приняли участие в оформлении надгробий великих русских полковод-

Дом Агамини (набережная Мойки, 1), разрушенный фугасной бомбой. Фотография С.Г. Гасилова. 1943 г.

цев: Петра I в Петропавловской крепости, Александра Невского и А.В. Суворова в Александро-Невской лавре, М.И. Кутузова в Казанском соборе. Работа проводилась по решению Военного совета Ленинградского фронта и Ленгорисполкома и была связана с тем, что у этих захоронений должны были приносить присягу бойцы, отправлявшиеся на фронт. К выполнению задания были привлечены Музей городской скульптуры, Музей революции, ГИОП, Музей истории религии и другие организации. В оформлении надгробий участвовали архитекторы Я.О. Рубанчик, И.Г. Капцог, А.В. Васильев, Н.И. Смирнов, В.И. Яковлев, А.М. Соколов художники Н.М. Суетин, А.А. Лепорская, П.Д. Магнушевский, В.А. Петров, Л.А. Рончевская, М.Ф. Островская.

В 1942 году Инспекция по охране памятников начала работу по изданию альбомов автолитографий и рисунков с видами разрушенных памятников. Вскоре вышел в свет альбом автолитографий художника В.А. Успенского

«Разрушения здания Академии художеств», а затем автолитографии В.М. Конашевича, В.Д. Двораковского, Л.С. Хижинского.

21 июля – 4 августа 1942 года состоялась организованная ГИОП научно-техническая конференция «Методы и техника архитектурных обмеров». На ней с докладами выступили Л.А. Ильин, Б.Н. Николаев, Л.М. Тверской, Г.Г. Гримм.

В 1943 году Инспекция приняла участие в подготовке мероприятий, связанных с празднованием 240-летия со дня основания города. В частности, совместно с Союзом архитекторов в фойе Филармонии, где проходил открытый вечер-концерт, была организована выставка «Петербург–Ленинград в графическом искусстве». Дом Красной Армии организовал для бойцов и командиров экскурсии по городу, которые проводили сотрудники ГИОП.

В годы войны в Ленинграде проходили многочисленные выставки, участниками которых были и архитекторы. Произведения ленинградских мастеров неоднократно

экспонировались и в Москве. Важное место среди представленных материалов занимали разделы, посвященные организации охраны ленинградских памятников. Всего за годы войны ГИОП принял участие в организации и проведении восьми таких выставок.

У творческой и научной работы военной поры была еще одна важная цель – она помогла многим ленинградским архитекторам, художникам, ученым выживать, возвращаясь к привычной работе, заставляя отвлекаться от тяжелых повседневных забот, найти себе место в новых условиях. Архитектор Э.Г. Левина писала: «Убивали пули, убивал голод. Были люди, которых к гибели приводила пассивность. Работа стала орудием защиты, стержнем духовной стойкости. Чем больше отдавал человек городу, искусству, людям – тем дальше уходила смерть».

Научная работа по охране памятников, которой занимались архитекторы и историки архитектуры Г.Г. Гримм, Л.А. Бубнов,

В.И. Пилявский, Л.А. Медерский, Е.Н. Глезер, В.А. Таубер, И.А. Бартенев и др., предполагала обследование поврежденных зданий, сбор документов для восстановительных и реставрационных работ, подготовку исторических справок и паспортов памятников и многое другое. В.К. Макаров, Л.А. Ильин, А.Н. Петров занимались изучением зарубежного опыта охраны памятников и художественных ценностей в условиях войны, что оказало неоценимую помощь при организации подобных мероприятий в Ленинграде. В дальнейшем эта работа продолжилась, но уже в связи с подготовкой к реставрации и восстановлению архитектурных ансамблей.

Архитектурные конкурсы в Ленинграде (1941–1945)

В конце 1930-х годов перед ленинградскими архитекторами стояли масштабные задачи, связанные с осуществлением Генерального плана развития города. Разрабатывались проекты преобразования и застройки целых городских районов: Московского шоссе, Автово, Малой Охты, Шемиловки. Значительные изменения намечались и в исторической части города, в частности, реконструкция Сенной и Обуховской площадей, Крестовского острова, района Смольного. Началась застройка но-

вого административного центра на юге города, где возводился Дом Советов. С 1 августа по 1 сентября 1941 года планировалось провести конкурс на проект застройки части Международного проспекта (сегодня – Московский пр.)...

Великая Отечественная война прервала этот активный творческий процесс. 27 июня 1941 года было принято Обращение ответственного секретаря Правления ССА СССР К.С. Алаяна ко «Всем организациям Союза советских архитекторов СССР». В нем, в частности, говорилось: «...Сейчас в Советском Союзе нет больше мирных профессий. Отныне все граждане СССР работают только на оборону, только на защиту своей социалистической отчизны...»

Важной задачей было строительство убежищ и укрытий для населения. Архитекторы работали на этом ответственном участке в качестве проектировщиков, экспертов и консультантов по строительству и оборудованию газо- и бомбоубежищ, щелей и полевых укрытий. В 1941 году в АПУ был организован Сектор спецсооружений, которым руководил Д.Л. Кричевский, а после его гибели в 1942 году – А.С. Гинцберг. За годы войны отдел спроектировал и построил более 500 объектов.

Однако все эти работы не могли заменить традиционную архитектурную практику.

Ситуация кардинально изменилась в начале 1942 года, после победы советских войск под Москвой и освобождения ряда городов, послуживших точкой отсчета для восстановительного строительства. Для ленинградских зодчих мощным стимулом этого процесса, начавшегося весной 1942 года, стал прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 года. Одной из главных целей архитекторов становится подготовка проектов восстановления освобожденных городов и населенных пунктов, а также территорий, еще находившихся в то время за линией фронта.

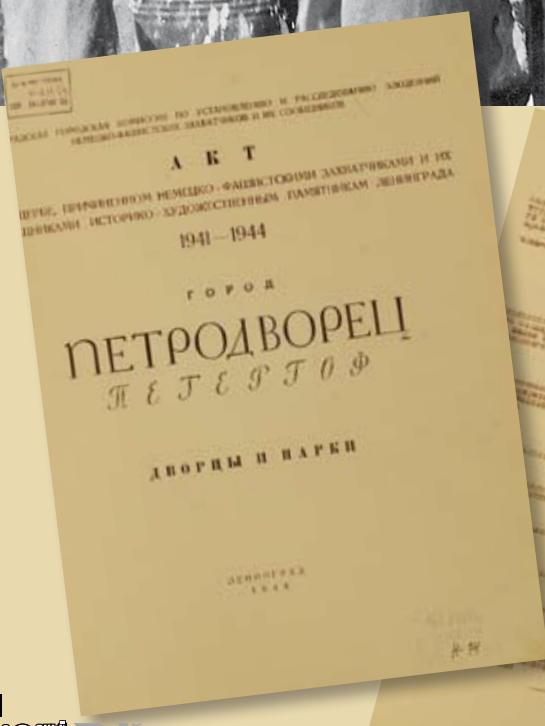
Реставрация скульптуры на здании Адмиралтейства. 1943 г.

Фотография А.К. Григорьева

Возникают новые задачи, такие как составление генеральных планов возрождаемых городов, разработка типовой застройки, создание грандиозных монументов, посвященных Великой Отечественной войне, и др. Одной из форм работы над этими задачами стало проведение творческих конкурсов.

В Ленинграде к проведению архитектурных конкурсов приступили осенью 1942 года. Однако подготовка к ним велась еще с весны 1942 года, когда началась работа над планом восстановления и развития Ленинграда. В мае 1942 года главным архитектором города Н.В. Барановым была представлена первая докладная записка об основных направлениях разработки этого проекта. В феврале того же года приступают к воссозданию мастерских Ленпроекта. За каждой из мастерских, руководство которыми было поручено наиболее авторитетным зодчим, закрепили отдельные районы города.

При разработке архитектурных и градостроительных проектов перед архитекторами ставится новая задача – не только вернуть Ленинграду былой облик, но и улучшить его планировку и застройку. Как писал в 1944 году Н.В. Баранов, «в основу проектных работ, которые проводятся с 1942 г., положен принцип не механического воспроизводства того, что разрушено, а улучшения архитектурно-планировочных факторов застройки города. В процессе восстановления Ленинграда необходимо сделать город еще более красивым, еще более величественным. Героическая эпопея защиты Ленинграда дала право ленинградцам, отстоявшим город от немецких захватчиков, именно так решить эту ответственную градостроительную задачу». Первый из архитектурных конкурсов, по теме «Монумент защитникам Ленинграда», был организован ЛОССА и являлся ленинградским туром объявленного в сентябре 1942 года Комитетом по делам искусств при СНК СССР и правлением ССА СССР всесоюзного конкурса проектов монументов, посвященных Великой Отечественной войне. Второй конкурс, объявленный в ноябре того же года ЛОССА совместно с ГИОП, был посвящен составлению эскизных проектов восстановления художественно-исторических зданий-памятников и ансамблей Ленинграда, пострадавших в военное время в результате воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Конкурсантам предлагались три объекта: Гостиный двор (в ансамбле со

Хроника основных событий и фактов восстановления Ленинграда

1942 год

25 января. СНК СССР принял постановление о восстановлении Волховской ГЭС.

1 апреля. Бюро ГК ВКП(б) приняло постановление «О подготовке кадров квалифицированных рабочих массовых профессий для восстановительных и ремонтных работ».

15 апреля. В городе началось регулярное трамвайное движение. На маршрутные пути вышло 116 трамваев.

4 мая. Возобновили работу школы. Начались занятия учащихся с 1-го по 4-й классы. Учащиеся 5–10 классов приступили к занятиям с 15 октября.

Июнь. На заводе «Большевик» вступил в строй прокатный цех с нагревательной печью.

Октябрь. Восстановлена подача тока для освещения 20 крупных столовых рационального, детского и диетического питания.

Декабрь. Государственная инспекция по охране памятников организовала сбор и научную обработку материалов, необходимых для реставрации пригородных дворцов-музеев.

1943 год

Январь. В Ленинграде началось частичное восстановление промышленных предприятий, в частности заводов «Большевик», «Электросила», Невского машиностроительного им. В.И. Ленина, и др.

26 марта. «Ленинградская правда» опубликовала сообщение о приезде на гастроли в Ленинград Большого драматического театра им. М. Горького, эвакуированного в г. Киров, Постановлением бюро ГК ВКП(б) от 14 апреля театр оставлен в Ленинграде на постоянную работу.

Апрель. Плановая комиссия Ленгорсовета разработала «План первоочередных восстановительных работ по городскому хозяйству Ленинграда на 1943 г.».

1 июня. Возобновило работу музыкальное училище при Государственной консерватории им. Римского-Корсакова.

4 июня. «Ленинградская правда» опубликовала сообщение об отправке в Сталинград 40 вагонов строительных материалов для восстановления города.

5 июня. Открылся общегородской молодежно-спортивный клуб.

21 августа. На заводе «Большевик» начала действовать первая восстановленная в городе мартеновская печь.

13 сентября. Исполком Ленгорсовета и бюро ГК ВКП(б) приняли совместное постановление «О подготовке высококвалифицированных кадров строительных рабочих для восстановительно-реставрационных работ в г. Ленинграде». Постановление предусматривало организацию своевременной подготовки мастеров по архитектурной отделке зданий.

Сентябрь. ГКО поручил заводу «Электросила» изготовить турбогенераторы для электростанций Донбасса.

28 октября. «Ленинградская правда» опубликовала сообщение о результатах восстановления коллекции тропических и субтропических растений Ботанического сада, где собрано уже 12 тыс. экземпляров растений.

Октябрь. В Смольнинском районе закончилась посадка деревьев. На проспектах и улицах высажено 150 тополей и 1000 кустов сирени.

зданием Городской Думы), улица Пестеля около Пантелеймоновской церкви и дом на Невском проспекте, 68 (угол с наб. реки Фонтанки). Также были подготовлены проекты восстановления ансамблей Апраксина двора, Машкова переулочка, площадей: Никольской, Восстания, Труда, Искусств. В результате проведенных конкурсов были найдены принципиальные решения возрождаемых или реконструируемых зданий и ансамблей, которые легли в основу дальнейшего проектирования.

Со временем характер архитектурных конкурсов изменился. От проектирования отдельных зданий и ансамблей перешли к работе над проектами восстановления и реконструкции значительных городских территорий. ЛОССА последовательно объявляются конкурсы на разработку эскизных проектов застройки Суворовского проспекта (в то время Советского пр.) в апреле 1943 года, затем, через месяц – на составление эскизных проектов реконструкции Международного проспекта на участке от Технологического института до Обводного канала, в сентябре – реконструкции Мытнинской набережной. В апреле-мае следующего года состоялся конкурс на составление эскизных проектов архитектурного решения углов пересечения Международного проспекта с 5-й

Красноармейской улицей и Кировского проспекта с проспектом М. Горького. В сентябре 1944 года Ленинградским управлением по делам архитектуры и Областным отделом архитектуры, в соответствии с решением правления ЛОССА, был проведен конкурс на составление проектов типовых малоэтажных жилых домов массового строительства. Это соревнование являлось ленинградским туром конкурса, объявленного Управлением по делам архитектуры при СНК РСФСР и Институтом архитектуры массовых сооружений Академии архитектуры СССР.

Постепенно повышается требовательность к конкурсам. Все чаще начинают звучать призывы к развертыванию архитектурной критики, большей требовательности к конкурсным программам, работе жюри, а также к проектным предложениям. При разработке условий конкурсов предлагалось учитывать реальные возможности послевоенного восстановительного строительства, что предполагало в ряде случаев минимальные реконструкции существующей застройки, поэтапность осуществления необходимых реконструктивных мероприятий, а также принимать во внимание острую нехватку специалистов, строительных материалов и техники, сжатые сроки восстановительных работ.

Восстановление ограды Таврического дворца, разрушенной фугасной бомбой. 1943 г. Фотография А.К. Григорьева

Значительное место среди конкурсов военного времени занимала мемориальная тема. В блокадном городе первым в этой области был упомянутый выше ленинградский тур всесоюзного конкурса на монументы, посвященные героям Отечественной войны, на тему «Монумент защитникам Ленинграда» в октябре 1942 года. В 1943 году, к XXV годовщине Красной Армии, прошел конкурс на составление эскизных проектов монумента, посвященного прорыву блокады Ленинграда, а через месяц – на проект надгробного памятника комиссару Георгию Журбе. Еще через год, в мае 1944 года был объявлен товарищеский конкурс на составление проектов надгробного памятника председателю Колпинского Совета депутатов трудящихся А.В. Анисимову, а в июле – на проект памятника рабочим Кировского завода, погибшим в дни Великой Отечественной войны. В начале 1945 года проходило творческое соревнование на составление проектов памятников на местах братских захоронений на ленинградских кладбищах.

Проекты-победители памятников комиссару Г. Журбе и рабочим Кировского завода были приняты к осуществлению и продолжалась их дальнейшая детальная проработка. В частности, модель памятника Г. Журбе, выполненная скульптором Л.А. Дитрих и архитектором В.А. Каменским, дважды обсуждалась на заседаниях Правления ЛОССА, участниками которых вносились

многочисленные исправления в принятый проект, вплоть до изменений «линии шинели, древка и линии правой руки».

Об интересе архитекторов к проводимым конкурсам свидетельствуют данные о количестве представленных проектов. Так, например, на конкурс по составлению проекта монумента, посвященного прорыву блокады Ленинграда в феврале 1943 года, были представлены 44 проекта (в закрытом соревновании участвовал 21 автор), в проектировании памятника комиссару Г. Журбе принял участие 31 архитектор, на конкурс по реконструкции Мытнинской набережной были поданы 14 проектов, Международного проспекта – 11, а в конкурсе на проектирование типовых малоэтажных жилых домов массового строительства ленинградские архитекторы представили 42 проекта.

Большинство творческих соревнований сопровождалось выставками и общественными просмотрами. Затем многие из представленных проектов экспонировались на выставках в Москве и Ленинграде.

Архитектурные конкурсы, проведенные во время войны и блокады в Ленинграде, особенно в первые годы, по сути, представляли собой «бумажную архитектуру». И это роднит их с творческими конкурсами 1920-х годов, когда перед советской архитектурой также остро стояли вопросы поиска путей дальнейшего развития, соотношения новаторства и традиций, когда архитектурное творчество во многом было проникнуто пафосом победы, идеями создания новых условий для жизни, достойной народа-победителя.

Как отмечали сами архитекторы, в предшествующие мирные годы значительный размах нового строительства и сжатые сроки его реализации не давали возможности проанализировать предполагаемые и уже осуществленные архитектурные и градостроительные замыслы, что подчас приводило к ошибкам. В годы войны, благодаря конкурсам, ленинградские архитекторы получили возможность заранее проанализировать возможности и принципиальные направления восстановления и развития города в дальнейшем, заранее подготовиться к практическому воплощению задуманного как в общем, так и в частностях.

Архитектор И.З. Масеев записал в дневнике 20 марта 1942 года о начале своей работы в АПУ: «Какое оздоровительное действие оказывает на нас работа. Прийти в сектор, стать членом коллектива, объединенного общей работой, целеустремленной, направленной на сохранение жизни людей. Увидеть перед собою лист ватмана, рейшину, услышать постукивание деревянных треугольников – значит, забыть о непрекращающемся чувстве голода, жить иными интересами».

Значение архитектурных конкурсов, проведенных в блокадном Ленинграде, было высоко оценено еще в военные годы, а дальнейшая архитектурная практика в полной мере доказала их значимость в процессе подготовки восстановления и дальнейшего развития города как с практической, так и с теоретической точки зрения.

В дальнейшем ленинградских архитекторов ждала большая и разнообразная работа.

Необходимо было восстанавливать разрушенное, возрождать памятники архитектуры, осуществлять новый Генеральный план города.

Памятникам быть

С весны 1942 года начались ремонтно-восстановительные работы на зданиях-памятниках, и к началу сентября уже были проведены ремонты в Театре музыкальной комедии, Филармонии, Адмиралтействе, Эрмитаже, Сенате и Синоде, Исаакиевском соборе, Инженерном замке, Николо-Богоявленском морском соборе, Таврическом дворце. В ходе проведения консервационных работ и подготовки к реставрации зданий проводились архео-

логические исследования: выявлялись первоначальные части или отдельные конструктивные элементы и позднейшие архитектурные наслоения.

Их результаты учитывались при составлении проектов восстановления памятников. Такие исследования проводились, например, в Шуваловском дворце, Гостином дворе, Юсуповском дворце на Фонтанке, Адмиралтействе.

После прорыва блокады Ленинграда основной задачей в деле охраны памятников стали предохранение пораженных зданий-памятников от дальнейшего разрушения, начало их реставрации, консервация сохранившихся элементов отделки и архитектурных деталей. В 1943–1944 годах проводились ра-

7 ноября. Пущена в действие турбина на 1-й ГЭС.

Ноябрь. Началось восстановление наружного освещения в городе.

В Ленинграде частично восстановлено 85 крупнейших заводов и фабрик. Начали работу 18 клубов и домов культуры.

1944 год

26 февраля. Город награжден орденом Ленина.

28 января. На Кировском заводе пущена мартиновская печь.

29 января. Началось регулярное движение пассажирских поездов по линии Ленинград – Колпино.

4 февраля. В Ленинграде образована комиссия по руководству охраной и восстановлением памятников искусства.

28 февраля. ГКО принял постановление «О восстановлении производства станков на заводе револьверных станков и автоматов».

Февраль. Фабрика «Красный Октябрь» приступила к производству своей основной продукции – пианино.

21 марта. Открылся прямой путь по главной железнодорожной магистрали Ленинград – Москва.

29 марта. ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.»

25 апреля. Исполком Ленгорсовета и бюро ГК ВКП(б) приняли совместное постановление «О восстановлении и организации сети ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения в 1944 г.»

30 апреля. Открылась выставка ленинградских художников «Героическая оборона Ленинграда».

23 мая. Вошла в эксплуатацию первая троллейбусная трасса.

27 июня. Ижорский завод дал первую плавку стали.

1 июля. После трехлетнего перерыва открылся Центральный парк культуры и отдыха им. С.М. Кирова.

19 июля. Из эвакуации возвратилась Всероссийская Академия художеств.

6 августа. Закончилось восстановление купола башни петровской Кунсткамеры, сгоревшего от зажигательных бомб осенью 1941 года.

10 августа. На киностудии «Ленфильм» состоялось совещание партийного, хозяйственного и творческого актива, наметившее конкретные сроки восстановления отдельных объектов и выпуска новых фильмов.

1 сентября. Государственный академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова впервые после эвакуации открыл новый сезон.

3 сентября. Состоялось открытие сезона возвратившегося в июне из эвакуации Государственного академического драматического театра им. А.С. Пушкина.

7 сентября. Из Новосибирска в полном составе возвратился коллектив Ленинградской государственной филармонии. Первый концерт был дан 29 ноября.

20 сентября. Исполком Ленгорсовета и бюро ГК ВКП(б) приняли совместное постановление «Об организации обучения рабочих и служащих предприятий и учреждений строительным специальностям в порядке получения второй профессии».

28 октября. Вступила в строй вся теплофикационная сеть города общей протяженностью 120 км.

боты в Адмиралтействе, Горном институте, Академии художеств, Юсуповском дворце на Мойке, Музее этнографии, особняке Лаваль на Английской набережной, Почтамте, Аничковом дворце, Кунсткамере и др.

Среди руин

С мая 1943 года ленинградские архитекторы принимали участие в Городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и по учету причиненного ими ущерба, организованной по решению Ленгорисполкома от 6 мая 1943 года. В ее состав входили представители руководства города, ученые, художники, архитекторы, сотрудники музеев, артисты, писатели.

В деятельности комиссии и рабочих групп, насчитывавших более 200 чел., участвовали главный архитектор Ленинграда Н.В. Баранов, члены-корреспонденты Академии архитектуры СССР А.И. Гегелло, Е.А. Левинсон, А.А. Оль, начальник ГИОП Н.Н. Белехов, историки архитектуры Г.Г. Гримм, В.К. Макаров, архитекторы В.В. Степанов, В.И. Пилявский, А.П. Удаленков, Н.П. Гундобин, А.М. Соколов, С.М. Дребезгов, сотрудники ГИОП М.М. Налимова, С.С. Твардовская, В.А. Варданыц, С.В. Попова-Гунич, И.Г. Капцог и др. В их обязанности входило обследование и экспертиза поврежденных и разрушенных зданий и сооружений, сбор документальных материалов, заявлений и сви-

детельских показаний очевидцев, определение суммы ущерба, а также необходимых восстановительных работ.

Постоянно велась фиксация разрушений памятников. Проводилась их техническая паспортизация, составлялись схемы поражений зданий, обмеры. Большую работу по фотофиксации причиненного памятникам ущерба выполняли фотографы С.Г. Гасилов, А.К. Григорьев, М.А. Величко, В.В. Стрекалов, А.С. и В.А. Рахмилович, А.К. Короткевич. Также по поручению ГИОП известные художники, такие как В.А. Успенский, В.М. Конашевич, Л.С. Хижинский делали зарисовки разрушенных памятников.

По оценкам комиссии ущерб, причиненный фашистскими захватчиками памятникам истории и культуры Ленинграда и его пригородов, составил свыше 20 млрд руб.

Будущие реставраторы

Колоссальные объемы предстоящего восстановительного строительства требовали подготовки квалифицированных кадров. Для этого в Ленинграде уже в 1943 году организовали несколько специализированных профессиональных училищ. В ноябре 1943 года в системе АПУ открыли Училище по архитектурной отделке зданий, готовившее специалистов в области реставрации декоративной живописи, лепки, дерева, естественного камня, мрамора, художественно-

го металла, мозаики. Первыми учениками стали 160 юношей и девушек, которые были возвращены из эвакуации. Училище возглавили архитекторы И.А. Вакс и Л.С. Катонин, а преподавателями стали архитекторы В.И. Пилявский, В.Д. Голли, И.Д. Кондратьев, искусствовед Н.М. Оль, художник-реставратор В.А. Щербаков, скульптор Л.А. Дитрих, мастера А.П. Большаков, П.П. Смирнов, Д.А. Спишин, А.П. Стрижев, Д.Ф. Оржанов. С начала обучения воспитанники принимали участие в реставрации здания АПУ на улице Зодчего Росси, Кировского (Мариинского) театра, дворца Белосельских-Белозерских на Невском проспекте, Русского музея, в консервации деталей отделки дворцов в Павловске, Пушкине, Петергофе. В 1945 году это учебное заведение было преобразовано в Высшее художественно-промышленное училище.

Восстать из пепла

27 января 1944 года город был полностью освобожден от вражеской блокады. 29 марта Государственный комитет обороны СССР принял Постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства г. Ленинграда в 1944 г.». В том же году приступили к восстановлению пригородов. 23 апреля 1944 года было принято решение Исполкома Ленгорсовета № 112-22 «О первоочередных

мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев». Проводились работы по консервации дворцово-парковых ансамблей, сбор научных материалов для их реставрации, обмеры и фотофиксация.

1 июля 1945 года была организована Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская Управления по делам архитектуры Ленгорисполкома, руководителями которой были назначены архитекторы-реставраторы Л.М. Анолик и К.Д. Халтурин.

Начинался новый этап восстановления и реставрации памятников Ленинграда, основы которого были заложены в самый драматический период его истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кормильцева О. М., Леонтьев А. Г., Петрова М. А. *Успеть поработать для вечности...* СПб., 2009.
2. Баранов Н. В. *Силуэты Блокады. Записки главного архитектора города. Л.*, 1982. С. 16.
3. Бобров М. М. *Хранители Ангела. Записки блокадного альпиниста.* СПб., 1998.
4. Подр. об этом конкурсе см.: Бахарева Ю. Ю. *Архитектурный конкурс 1942 года. Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда: материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2002 г. / сост. Б. М. Матвеев.* СПб., 2003. С. 237–248; Бахарева Ю. Ю. *Архитектурные конкурсы в блокадном Ленинграде. Гостинный двор // Реликвия. 2005. № 1(8). С. 30–35.*
5. ЦГАЛИ СПб., ф. 341, оп. 1, д. 96, л. 36; д. 100, л. 26.
6. Цит. по: Из истории советской архитектуры. 1941–1945 гг. *Документы и материалы.* М., 1978. С. 50.
7. ЦГАЛИ СПб., ф. 341, оп. 1, д. 99, л. 4; д. 89, л. 13, 22.
8. *Восстановление памятников архитектуры Ленинграда / А. А. Кедринский, М. Г. Колотов, Б. Н. Ометов, А. Г. Раскин.* Стройиздат, Лен. отд-е, 1983. 312 с., ил.
9. Левина Э. Г. *Оружием архитектуры // Строительство и архитектура Ленинграда. 1975. № 4. С. 10.*
10. ЦГАЛИ СПб., ф. 341, оп. 1, д. 140, л. 6.
11. *Возрождение. Воспоминания, очерки и документы о восстановлении Ленинграда / сост. В. А. Кутузов, Э. Г. Левина.* Лениздат, 1977.

Петергоф. Работы по расчистке Верхнего сада. Фотохроника ЛенТАСС. 1944–1945 гг.

Октябрь. Завод «Ленстанколит» выпустил первые отливки крупных деталей гидротурбин для Рыбинского гидроузла.

14 ноября. Состоялось открытие сезона Государственного академического Малого оперного театра.

23 ноября. Бюро ГК ВКП(б) приняло постановление «О проведении подготовительных работ по возобновлению строительства метрополитена в г. Ленинграде».

25 ноября. Возобновил работу Ленгосцирк. Введен в строй коксогазовый завод.

В работы по восстановлению ленинградской промышленности вложено 443 млн руб.; в городское хозяйство – 297 млн руб.

1945 год

26 января. За выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады, Президиум Верховного Совета СССР наградил город Ленинград орденом Ленина.

Январь. Завод «Металлист» освоил 7 видов приборов первого класса точности.

10 марта. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина вновь открылся зал для научных работников.

Март. В городе Пушкине началось строительство нового вокзала вместо разрушенного. Химико-фармацевтический завод № 1 освоил изготовление пенициллина.

Апрель. На киностудии «Ленфильм» закончились восстановительные работы первой очереди. Начались съемки трех фильмов.

Май. На заводе «Большевик» пущен в действие новый мартеновский цех. Завод «Красногвардеец» возобновил выпуск медицинской аппаратуры и инструментов.

12 июня. Металлический завод получил правительственное задание по проектированию 6 турбин мощностью 75 тыс. кВт для возрождающегося ДнепроГЭСа.

15 июля. На Аничковом мосту вновь установлены конные группы Клодта.

Июль. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина подготовила свыше 100 тыс. томов книг по различным отраслям знаний для научных и публичных библиотек прибалтийских республик.

Август. В городе возобновлено автобусное движение.

1 сентября. Начались занятия в 54 техникумах города, в том числе и во вновь открытых – газовом и авиаприборостроения.

В трубном цехе Ижорского завода пущен мощный трубопрокатный цех.

7 октября. Состоялась закладка парков Победы в Московском и Приморском районах.

6 ноября. После окончания восстановительных работ вновь открылись для посетителей филиал музея В. И. Ленина и Государственный Эрмитаж.

31 декабря. На заводе «Электросила» восстановлена турбина мощностью 50 тыс. кВт для Дубровской ГЭС.

Завод «Электросила» достиг довоенного уровня по выпуску турбогенераторов.

Число научных учреждений в Ленинграде достигло довоенного уровня.

ШПИЛИ В МАСКХАПАТАХ

За неделю Фирсова и Пригожева скрепили чехол и прочно обмотали его реп-шнуром. Укрыв Адмиралтейство, альпинисты принялись за маскировку шпиля Инженерного замка, а затем – собора Петропавловской крепости. Недоедание и невероятно тяжелая работа на ветру и морозе погубили здоровье Алоиза Зембы, или Люси, как ласково прозвали застенчивого парня его друзья-альпинисты. Блокадного пайка явно не хватало для восстановления сил. Уже не поднимался с постели отец Зембы. Слегла мать. У самого Алоиза началась цинга, открылась старая рана, полученная на Финской войне, и он подолгу лежал, отдыхая. Но, преодолевая слабость, снова и снова взваливал на плечи рюкзак с альпинистским снаряжением и, прихрамывая, брел к Петропавловке.

Вот письмо, отправленное Алоизом Зембой на Кавказ, в альпинистский лагерь «Рот-Фронт» его друзьям Александру Сидоренко и Георгию Одноблюдову.

«Ленинград 28.12.41 года. Добрый день, Саша и Юра! Наконец собрался написать вам пару слов. Как видите, я еще жив, ну и почти здоров. Если вы живы и здоровы, то

разрешите вас поздравить с Новым Годом, пожелать в Новом году успеха в работе, в жизни и хорошего здоровья. У вас, как мне известно, в этом году сезон сорвался. Ну да это ничего. Отгоним немцев – опять заживем по-старому.

Уезжая, Володя Кабанов шутил, что, мол, вы не скучайте и занимайтесь в городе

альпинизмом, покоряйте еще не взятые вершины, как-то: Исаакиевский собор, Петропавловский шпиль, Адмиралтейскую иглу и Михайловский шпиль. Ну, конечно, посмеялись и распрощались. Но смех смехом, а меня в конце августа пригласили в отдел охраны памятников и предложили покорить ранее названные вершины.

Применяя всю высшую альпинистскую технику, кроме крючьев, карабкался на эти вершины. Михайловский шпиль очень сложный, хотя высота всего 58 метров. Адмиралтейская игла тоже была сложна, высота 72 метра. Петропавловский шпиль – 122 метра. И самый простой – это Исаакиевский собор, высотой он 106 метров. Первые две вершины покорены мною, и сделано первое советское восхождение на третью вершину. До меня лазал какой-то маляр. Это было 78 лет тому назад. Я до того ослаб, что не знаю: выживу или нет. Вы себе можете представить, какое нужно питание для такой работы и какое я имел. Вот встретимся, так я вам расскажу – вы вытаращите глаза и, наверное, не поверите. Ну, надеюсь, что скоро должно улучшиться положение с продовольствием. Как только разобьют врага под Мгой (это узловая станция, через которую проходят три линии: Кировская ж. д., Северная ж. д. и Октябрьская ж. д.), ну так, думаю, что с тех краев что-нибудь и подкинут. Но если недели две-три затянется, то я вряд ли выживу. Все мышцы отстали от костей. А кости все видать, и не требуется рентгена. Ну, об этом кончу. Более радостных вестей нет никаких...

Напишите, как вы чувствуете войну и как она отражается на вашей жизни. Жду вашего ответа с нетерпением. Пишите все подробно и, пожалуйста, ответьте побыстрее, потому что мы живем как на пороховой бочке.

Ну, счастливо! Желаю вам хорошего здоровья, жму крепко руку и не теряю надежды увидеть вас. С приветом, Люся».

Сколько бы ни рассказывали о войне, понять эту трагедию до конца разум людей, выросших в мирное время, не может. М.М. Бобров был свидетелем тому, как его друг, надежный и испытанный верхолаз, Алоиз Земба влюбился в красивую девочку – официантку в столовой Петропавловской крепости, где они питались. Однажды туда попала бомба. Когда разгребли развалины, нашли только руку этой девушки. Алоиз как младенца прижал эту страшную находку к груди и долго ходил с ней...

Сейчас даже трудно представить, как они, истощенные и измученные, подняли на высоту Адмиралтейской иглы чехол из мешковины весом в полтонны, как закрыли ее, покрасили шпиль Петропавловки и купол Исаакия. Они выполнили долг перед Родиной, ленинградцами, перед самими собой.

Ему не удалось дожить до Победы... Умер отец. Весной 1942 года друзья усадили совершенно ослабевших Алоиза и его мать в поезд, который 29 марта отправился на Борисову Гриву, к Ладоге. По ледовой дороге их должны были вывезти на Большую землю. Но на

конечный пункт они не прибыли. Пропали без вести. Скорее всего, погибли во время полета на эшелон гитлеровских самолетов.

После окончания маскировки шпиля Петропавловского собора Михаила Боброва отозвали на фронт. Купола собора Николая Морского и церкви Иоанна Предтечи маскировали Ольга Фирсова и Александра Пригожева. Не раз поднимались они на шпили Адмиралтейства и Инженерного замка, восстанавливая маскировку, разрушенную ветром, дождем, осколками снарядов. Страхуя друг друга, раскачиваясь на тоненькой дощечке, закрепленной на веревке, отважные девушки, не обращая внимания на артобстрелы и бомбежку, вновь и вновь зашивали разорванный чехол на Адмиралтейской игле. За время блокады его пришлось заменить более чем наполовину.

– Тяжело рассказывать про эти работы, – вспоминала Ольга Афанасьевна. – Помню ужасное физическое истощение. Казалось, руку уже не поднять после рабочего дня. И не представляешь, как завтра сможешь пойти вверх и делать то же самое. И Алё (Александра Пригожева) говорила мне: «Перед началом работы никак не могу оторвать ногу от балкона, уйти на высоту, лишиться опоры. Мне приходится каждый раз себя заставлять».

И все время думаешь: «А что делать, когда начнется бомбежка?» Ведь не было дня без бомбежки. А на высоте ты совсем беззащитен...

ГИОП. Н.Н. Белехов

В июне 1941 года Н.Н. Белехова назначили начальником Инспекции охраны памятников (ГИОП), которая в блокадные годы стала штабом спасения памятников города.

В первые же дни войны инспекцией в Ленгорисполком был представлен план защиты зданий, монументальной и декоративной скульптуры, а уже к 1 июля разработаны предложения по маскировке высотных доминант города – шпилей колокольни Петропавловского собора, Адмиралтейства и Инженерного замка, куполов Исаакиевского, Владимирского и Никольского соборов. Решение было найдено не сразу. Некоторые горячие головы в руководстве города предложили разобрать эти доминанты, служившие прекрасными ориентирами для вражеской артиллерии. Но эти предложения были сразу отвергнуты.

Как вспоминает в своей рукописи «Блокада 1941–1942 гг.» районный архитектор ГИОП Наталья Михайловна Уствольская, «поскольку большинство ориентиров были памятниками архитектуры, реализация маскировки была возложена на Инспекцию

по охране памятников, и Николай Николаевич делал в те дни все, что мог...». Купол Исаакия решено было закрасить специальным составом, который разработали химики, а вот с остальными памятниками было сложнее. Н.М. Уствольская, приведенная в инспекцию в начале войны отцом, давним другом и помощником Белехова, известным юристом М.М. Уствольским, была тогда молодым сотрудником. Размышляя о маскировке шпилей, она вспомнила о своих довоенных занятиях альпинизмом в добровольно-спортивном обществе «Искусство». Свою идею о возможном использовании техники альпинистов для восхождения на шпили она высказала старшему товарищу по инспекции О.Н. Шилиной, которая посоветовала, не стесняясь, обратиться прямо к начальнику. Белехов заявил ей: «Снимаю вас со всех ваших объектов. Давайте альпинистов!» Накануне он рассказал об этом варианте маскировки начальнику Управления по делам искусств Ленгорисполкома О.И. Загурскому. В результате маскировка была выполнена.

В этих работах участвовали О.А. Фирсова, архитектор Ю.П. Спегальский и др. Под руководством скульптора И.В. Крестовского были укрыты памятники монументальной скульптуры. Из участников той самоотверженной работы сегодня в живых только М.М. Бобров.

Редакция благодарит главного научного сотрудника М.О. Логунову и коллектив Государственного музея истории Санкт-Петербурга за предоставленные материалы

1939 год был пиком в развитии всех форм работы пригородных дворцов-музеев предвоенного времени. Была понята ошибочность их использования лишь как культпросветовских учреждений, как мест развлечения. От мысли «здесь развлекалась знать, теперь здесь развлекаются победившие трудящиеся массы» постепенно отказывались. Больше внимания уделялось использованию массово-воспитательной, научно-музейной, зрелищной работы.

Естественно, что элементы хозяйственно-го расчета, складывавшиеся в учреждениях культуры в 1930-е годы, заставляли сотрудников дворцов-музеев и парков искать пути экономической эффективности и самостоятельности – пути, позволявшие им самостоятельно зарабатывать деньги и сокращать дотацию, получаемую от государства.

Дворцы-музеи пригородов Ленинграда. Война. Потери. Возрождение

Н.С. ТРЕТЬЯКОВ,
доктор исторических наук,
директор ГУ «Санкт-Петербургский
историко-мемориальный музей «Смольный»,
директор ГМЗ «Гатчина» (1983–1996),
директор ГМЗ «Павловск» (1996–2011)

Коренной перелом, на наш взгляд, наступил в 1939 году, когда на научно-музейные нужды впервые стали обращать больше внимания, чем прежде, и Управление культурно-просветительских предприятий Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся (УКППЛ) стало выделять не 10-ю часть бюджета дворцов-музеев, как в 1938 году, а около пятой части бюджета². Это дало возможность научным коллективам дворцов-музеев начать углубленное изучение коллекций, активным образом включиться в генеральную инвентаризацию музейных фондов, заняться переустройством экспозиций, зачастую страдавших от вульгаризаторских попыток показа художественных коллекций через призму экономического положения русского государства в XVIII – начале XIX века.

Успехи, достигнутые в перестройке деятельности пригородных дворцов-музеев в 1938–1939 годы, были учтены при разработ-

ке планов на три года (1940–1942), которые составлялись на рубеже 1939–1940 годов. В январе 1940 года в Управлении культурно-просветительных учреждений Исполкома Ленсовета прошло заседание музейного совета. Здесь впервые за послереволюционные годы шла речь о проведении ставших необходимыми реставрационных работ, об изучении истории создания дворцовых интерьеров в комплектовании художественных коллекций, о восстановлении музейного убранства³.

В последние предвоенные годы экспозиции дворцов-музеев Петергофа, Пушкина, Гатчины и Павловска являлись исторически подлинными комплексами. Здесь сохранялась обстановка последних лет царствования со множеством бытовых вещей и деталей, при этом не нарушалась уникальная архитектурно-декоративная отделка. Эти комплексы, насыщенные глубоким историческим содержанием, включали также бога-

тейшие художественные коллекции. Исторический отрезок времени, наиболее полно представленный в пригородных дворцах-музеях, определялся примерно 200-летним периодом. Начало XVIII века было наиболее полно представлено в Петергофе, середина – в Пушкине, конец этого столетия – в Гатчине и Павловске⁴. Ненарушенные историко-бытовые комплексы представляли XIX и первые десятилетия XX века во всех дворцах-музеях. В них были созданы дополнительные или вводные выставки, где были акцентированы исторические проблемы тех периодов, которые нашли отражение в музеях («Армия Павла I и А.В. Суворов», «Самодержавие Николая I и восстание декабристов», «Крестьянская реформа 1861 г.», «Рабочее движение 80–90-х гг. XIX в.» и ряд других).

Еще к концу 1930-х годов стало ясно, что уникальные архитектурно-парковые комплексы пригородов Ленинграда не могут далее существовать без проведения в них реставрационных работ. После многочисленных комиссий, обсуждений этих вопросов в самих музеях 9 ноября 1938 года проблема состояния дворцов-музеев была вынесена на обсуждение Президиума Исполкома Ленгорсовета.

Президиум Ленгорсовета постановил просить Совнарком РСФСР об отпуске спецассигнований на восстановление пригородных дворцов-музеев в сумме 15 052 900 руб., из которых 7 820 500 руб. – в 1939 и

7 162 400 руб. – в 1940 году, с обеспечением этих работ строительными материалами. Одновременно ходатайствовалось перед Совнаркомом РСФСР о выделении в декабре 1938 – январе 1939 года 100 000 руб. на проектно-сметные работы⁵.

26 ноября 1938 года было принято решение Президиума Ленгорсовета, в котором предписывалось «для укрепления работы по охране памятников революции и культуры» и в соответствии с постановлением ВЦИК от 5 июня 1938 года функции государственной охраны памятников возложить на Отдел по охране памятников, организованный в составе Управления по делам искусств при Ленсовете⁶.

В середине 1930-х годов, особенно после первых известий о варварствах в Китае, Эфиопии, Испании, после бомбардировки Герники стало ясно, что в случае войны не будут пощажены историко-культурные ценности, хранящиеся в музеях страны. Именно поэтому уже с 1936 года в музеях системы Управления культурно-просветительских предприятий Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся (УКППЛ) действовал секретный план «разгрузки» музейных ценностей. Был составлен список музейных предметов, предназначенных к вывозу в случае войны. Предполагалось эвакуировать из дворцов-музеев Пушкина, Петергофа, Слуцка (Павловска), Красногвардейска (Гатчины) 4871 экспонат⁷. Исходя из этого списка, уже

в 1936 году было определено и необходимое количество железнодорожных вагонов для вывоза указанного числа предметов. Всего расчетная потребность представлялась в количестве восьми вагонов. Разгрузку музеев предполагалось провести за четыре дня⁸. Следует отметить, что в своей работе Комиссия по «разгрузке», очевидно, учитывала лишь вывоз самых редчайших уникальных памятников, и только для гарантий их сохранности от возможных последствий бомбардировок с воздуха. Исходя в целом из незначительного числа предполагаемых к вывозу музейных вещей, Наркомхозом РСФСР были намечены и отведены базы в городах Горький и Сарапул (Удмуртская ССР).

В 1938–1939 годах при проведении генеральной инвентаризации музеи составили списки для эвакуации большего числа экспонатов. Они были разбиты на три категории по степени исторической и художественной ценности. В списки были включены все ценные произведения живописи, графики, скульптуры, всех видов декоративно-прикладного искусства. При этом оказалось, что количество экспонатов, достойных вывоза, далеко превысило списки, составленные комиссией в 1936 году⁹. Таким образом, и на 1941 год в действии оставался старый вариант разгрузки: 4900 экспонатов, 8 вагонов, 4 дня¹⁰.

Лето 1941 года изменило жизнь многих миллионов людей. Ав лексиконе сотрудников пригородных музеев – Петергофа, Пушкина,

Павловска, Гатчины, – появилось слово «эвакуация». К этому времени уже существовали секретные планы «разгрузки» самого ценного. Они хранились в запечатанных сургучом конвертах в директорских сейфах каждого из дворцов-музеев. Открывать их полагалось лишь в том случае, если поступит специальный сигнал из Управления культурно-просветительских предприятий Исполкома Ленгорсовета, и только лично директором в присутствии секретаря партийной организации. Во всех дворцах к этому моменту насчитывалось 72 554 предмета, великолепных произведений XVIII, XIX веков...

Сложной была судьба музейных коллекций. Удалось спасти 22–23% художественных предметов¹¹. Самых лучших – с учетом их художественной, исторической, мемориальной ценности. И, конечно, тех вещей, которые можно было снять со стены, демонтировать и, не разрушая предмет, упаковать и вывезти.

Как же происходила эвакуация? 29 июня, на четвертый день мобилизации, Управление Ленинградской железной дороги предоставило Петергофу под погрузку музейных ценностей один американский вагон. С этого момента началась эвакуация. Независимо от устаревшего плана 1936 года Наркомхозу РСФСР было передано телеграфное ходатайство об отводе дополнительных эвакобаз¹². Вопрос пришлось решить телеграфной перепиской между Ленгорисполкомом и горсоветами Сарапула и Горького, которым фактически пришлось принять все, что отправляли музеи из Ленинграда¹³. При этом ни автомашины, ни рабочая сила для упаковки и погрузки не была предоставлена теми организациями, которым полагалось это сделать по плану, все организовывали сами музеи.

Упаковка и подготовка музейных ценностей к отправке началась немедленно после объявления войны, в ночь с 22 на 23 июня 1941 года. И только с прекращением всякой связи Ленинграда с пригородами 10–19 сентября 1941 года все работы были прерваны. Вывозили несколькими очередями, по мере предоставления музеям транспорта.

Перевозка вещей на автомобилях происходила в самых тяжелых условиях под обстрелами. В таких же условиях проводилась упаковка и погрузка. Из научных работников, принимавших активное участие в эвакуации ценностей и хранивших музеи во время военных действий, прежде всего, следует отметить С. Балаеву и И. Янченко (Гатчинский дворец-музей), Т. Попову, В. Лемус, Е. Турову (Пушкинский дворец-музей); А. Зеленову и Н. Вейса (Павловский дворец-музей), А. Чубову и Т. Цветкову (Петергофские дворцы-музеи)¹⁴.

Что же и как удалось вывезти из пригородных дворцов Ленинграда?

Первые очереди вывезенных музейных произведений представляли собой лишь наилучшие образцы самых ценных коллекций живописи, фарфора, тканей, мебели и других видов музейных экспонатов. Таким образом, удалось вывезти:

- из Петергофских дворцов-музеев:
 - все экспонаты из благородных металлов или экспонаты, отделанные благородными металлами;
 - живопись павильонов «Эрмитаж», «Марли», «Монплеизер» и Коттедж;
 - все мелкие предметы обихода, посуду и одежду, принадлежавшую Петру I;
 - образцы всех гарнитуров мебели из указанных павильонов и Большого дворца;
 - живописные коллекции Дж. Райта, Г. Бухгольца, Ф. Гаккерта, резные панно работы Н. Пино, за исключением двух;
 - свыше 60% фонтанной скульптуры – 151 фигуру и 78 скульптур¹⁵;
- из Пушкинских дворцов-музеев:
 - все экспонаты из благородных металлов, также отделанные золотом, серебром, самоцветами;
 - бронзовую утварь из обоих дворцов;
 - парковую бронзу, за небольшим исключением;
 - всю живопись бельэтажа Екатерининского дворца и экспозиционных залов Александровского дворца (работы Д. Тенирса, А. ван Остаде, П. Перуджино, В. Сурикова, А. Нестерова, Н. Рериха, Н. Репина, В. Васнецова и др.);

– все рисунки, чертежи и гравюры, относящиеся к Царскому Селу или его окрестностям;

- все узорные ковры и ткани;
- весь китайский фарфор из обоих дворцов, все ценные китайские лаки из Китайского театра и Екатерининского дворца-музея;
- все восточное оружие и убранство Турецкой комнаты Александра II;
- весь гардероб Екатерининского и Александровского дворцов (костюмы XVII–XX вв.);
- образцы всех гарнитуров мебели и многое другое;
- из Павловского дворца-музея:
 - все экспонаты из благородных металлов;
 - коллекцию русского, западноевропейского и китайского фарфора;
 - все гобелены, гобеленовые обивки (фабрики Савонери и Бове);
 - значительную часть ручных вышивок;
 - почти все бронзовые изделия;
 - все архитектурные документы XVIII века, в том числе большой фонд рукописей императорской фамилии;
 - все чертежи Ч. Камерона, В. Бренны, К. Росси, Т. де Томона, П. Гонзаго, А. Воронихина, Дж. Кваренги;
 - коллекции миниатюр и образцы гарнитуров мебели;
- из Гатчинского дворца-музея:
 - все экспонаты из благородных металлов, гобелены (работы К. Одрана и П. Козетта);
 - все оружие XVI – начала XIX века;
 - всю коллекцию миниатюр;
 - всю экспозиционную живопись (Г. Терборха, Ж. Верне, Г. Робера, С. Тончи, П. Ротари, И. Гроота, А. Рослина, О. Верне, А. Мартынова, С. Щедрина, И. Крамского, И. Репина и др.);
 - всю выставку костюмов XVIII–XIX веков;
 - более 2500 единиц китайского фарфора, кантонских эмалей и пекинских лаков;
 - лучшие образцы западноевропейского и русского фарфора;
 - всю бронзу;

Екатерининский дворец. г. Пушкин

– образцы всех гарнитуров мебели и целый ряд уникальных одиночных предметов, как, например: мозаика Ломоносовской мастерской 1762 года, английские телескопы XVIII века, слоновые бивни, кроме того, эвакуирован весь архитектурский архив, а также многочисленные рисунки и акварели А. Садовникова, Л. Премацци, М. Зичи и др.¹⁶

Еще в конце 1940 – начале 1941 года Управлением были приняты меры для сохранности экспонатов, не предназначенных к вывозу, от возможных бомбардировок авиацией противников. (Мысли о том, что противник может захватить пригороды Ленинграда, даже не возникало.) В подвальных помещениях каждого дворца были оборудованы специальные хранилища, в которых предполагалось сосредоточивать наиболее ценные из оставшихся экспонатов. Консервационные и противопожарные меры в зданиях-памятниках сводились к следующему: чердаки дворцов и павильоны снабжали бочками и баками с водой, кучами песка, совками, лопатами, ведрами и щипцами для тушения зажигательных бомб. Чердачные перекрытия частично были покрыты суперфосфатом. Оконные проемы нижних этажей во дворцах в большинстве своем были заколочены досками (толщиной 1–2 дм), а в некоторых даже заложены кирпичом. К моменту ухода сотрудников из Гатчинского дворца 9 сентября 1941 года здание уже значительно пострадало. Часть стены в нижнем этаже Арсенального кара (Гостинная Александры Федоровны) была пробита артиллерийским снарядом.

Дворцы-музеи Пушкина были оставлены 16 сентября 1941 года. Уже была повреждена снарядом Малая столовая и Рабочий кабинет Александра I, при этом пострадали оконный переплет и кирпичная кладка у окна, лепка в комнате и плафон работы А. Брюллова, полностью были выбиты оконные стекла. В тот же день одним снарядом был поврежден один из пяти куполов Дворцовой церкви¹⁷.

А вот парки к моменту эвакуации дворцов-музеев были уже значительно разрушены бомбардировками и артобстрелами противника¹⁸.

Особенного внимания заслуживает самоотверженный и героический труд музейных сотрудников, оказавшихся в Ленинградском хранилище, размещенном в Исаакиевском соборе. Они оставили пригородные дворцы-музеи только в самый последний момент перед фашистской оккупацией, до последнего часа занимаясь эвакуацией музейных ценностей из своих дворцов.

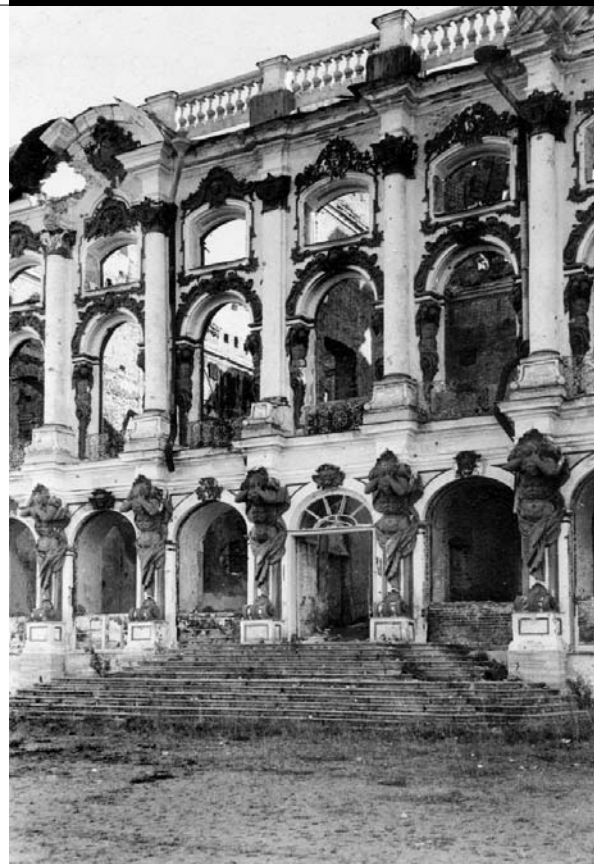
Только беспредельная любовь к искусству и своему делу помогли ленинградцам-музейщикам в столь суровое время до конца остаться на своем посту и справиться со своей благородной задачей. Решением Совета Народных Комиссаров СССР от 22 мая 1943

года за № 57 Ленинградскому хранилищу с филиалами в городах Новосибирске и Саяно-Пулге, обладавшему ценнейшими художественными коллекциями, было присвоено звание музея первой категории¹⁹, вместе с пятью самыми крупными музеями страны – Государственным Эрмитажем, Государственной Третьяковской галереей и т.д.

Немецкое вторжение в нашу страну и оккупация огромных территорий сопровождалась разрушениями и вывозом различных, в т.ч. музейных, ценностей.

Для оценки и определения размеров нанесенного врагом ущерба созданная еще 2 ноября 1942 года специальная комиссия (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР) с середины 1943 года начала собирать соответствующие материалы²⁰. Для описания и оценки утраченных или похищенных фашистскими оккупантами произведений искусства и памятников культуры 8 сентября 1943 года было организовано Бюро экспертизы при ЧГК. Одним из первых документов на эту тему стал составленный 6 октября 1943 года «Акт о варварском разрушении немецко-фашистскими захватчиками Старого Петергофа и их злодеяниях над мирными жителями города». Прежде чем приступить к оценке ущерба, нанесенного памятникам Ленинграда, Оценочное бюро Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков утвердило 31 августа 1943 года «Инструкцию по определению стоимости уникальных художественных и имеющих историческое значение произведений прикладного искусства»²¹. Еще 15 августа 1943 года Ленгорисполком своим решением №9719 утвердил «Инструкцию для экспертов по определению восстановительной стоимости уникальных художественных и имеющих историческое значение зданий, пострадавших от вражеских бомбардировок, а также пожаров и прочих причин, вызванных условиями военного времени»²².

Страшную картину рисуют нам акты комиссии по определению ущерба. В январе 1944 года, после освобождения пригородных дворцово-парковых комплексов, выяснилось, что памятникам Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины фашисты нанесли урон, несравнимый с ущербом, нанесенным памятникам Ленинграда. 3 сентября 1944 года в центральной «Правде» и в ленинградских газетах было опубликовано сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О разрушениях памятников искусств и архитектуры в городах Петродворце, Пушкине

и Павловске»²³. В документе указывались конкретные виновники разрушения дворцов и расхищения дворцовых музейных ценностей. Чрезвычайная государственная комиссия установила, что разрушение памятников искусства в Петродворце, Пушкине и Павловске произведено по прямому указанию германского правительства и верховного военного командования офицерами и солдатами немецкой армии и что они должны нести за это ответственность. В процессе расследования комиссия зафиксировала из допроса работниками Управления контрразведки капитана медицинской службы 61-й пехотной дивизии Хельмута Антеса, захваченного в плен 8 февраля 1944 года, что еще в 1941 году в Германии была создана специальная служба «Кунсткомиссион», в задачи которой входило производить оценку дворцового имущества в оккупированных районах России и все ценное вывозить в Германию. По показаниям Антеса, в период оккупации это подразделение в 1941–1942 годах прибыло в Гатчину и Пушкин и вывезло из дворцов в Германию все ценное. Кроме этого, он дал показания о том, что немецкие военнослужащие вывезли Янтарную комнату²⁴.

При виде обутлившись развалин пригородных дворцов их восстановление многим казалось фантастическим и абсолютно невыполнимым. На собрании в Доме архитекторов архитектор А. Щусев, призывая к возрождению пригородных дворцов, сказал: «Если не сделаем этого мы, современники, знавшие и помнящие эти дворцы во всем их

блеске, следующее поколение никогда восстанавит их не сможет»²⁵. По определению Государственной чрезвычайной комиссии, общая сумма ущерба, причиненного памятникам архитектуры Ленинграда и пригородов, составила 20 млрд руб.²⁶, и если в Ленинграде речь шла в основном о реставрации пострадавших зданий, то в пригородах – уже о воссоздании уничтоженных, – когда было необходимо заново возводить конструкции, стены, перекрытия, не говоря уже об отделке, декоративном убранстве, живописи, лепке и возвращении музейного убранства. Расследование проводилось на основании документальных материалов, заявлений и свидетельских показаний очевидцев, немецких военнопленных и тщательного расследования на местах. Представители комиссии въезжали в пригороды Ленинграда практически одновременно с войсками фронта и незамедлительно приступали к работе. Из показаний жителей Гатчины было выяснено, что гитлеровцы систематически расхищали ценности дворца-музея. Так, С.Н. Никитин, работавший во время оккупации Гатчины плотником, неоднократно выполнял во дворце различные работы и был свидетелем того, как немецкие грузовики загружались музейным имуществом и отправлялись в неизвестном направлении и как пьяные немецкие офицеры поднимались на Сигнальную башню дворца и ради развлечения сбрасывали оттуда фарфоровые предметы. В конце 1943 года Никитина направляли для выполнения особых устройств под мостами в парке, куда затем немцы закладывали

взрывчатые вещества. За 4 дня до ухода из Гатчины – 22 января 1944 года – фашисты начали взрывать мосты. В это же время загорелся дворец – сначала Арсенальное каре, затем и Центральный корпус. Подобные показания дали и другие жители Гатчины.

20 мая 1944 года Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков рассмотрела и утвердила «Акт о варварском разрушении немецко-фашистскими захватчиками городов Пушкина и Павловска», который занял 27 листов²⁷. В нем отмечалось, что после 29 месяцев оккупации были разрушены и разграблены Екатерининский, Александровский и Павловский дворцы и, соответственно, парки. Уже с 13 сентября 1941 года начались непрерывные налеты немецкой авиации, бомбежка и обстрел города. 15 сентября загорелся Китайский театр, 17 сентября город Пушкин был захвачен немецкими войсками. В акте, составленном Комиссией, указывалось, что в момент захвата немецкими войсками все памятники архитектуры Пушкина «были сохранены и находились в целости», что подтверждалось многочисленными свидетельскими показаниями. С первых дней вторжения в город гитлеровцы начали планомерное ограбление и уничтожение, прежде всего дворцов, музеев и парков. Этой работой занимался «батальон особого назначения», созданный для просмотра всех научных учреждений, библиотек, дворцов с тем, чтобы обнаружить какие-либо ценности и отправить их в Германию. Так, в акте были приведены показания попавшего

в плен немецкого ефрейтора Н. Форстера о том, что вторая рота специального батальона захватила и вывезла из Екатерининского дворца китайские шелковые обои, золоченые резные украшения, наборный портрет сложного рисунка, библиотеку из 6000–7000 томов, мебель и т.д.²⁸ Подобные показания дали Комиссии и другие немецкие военнопленные.

В мае 1944 года подобный документ был составлен и по городу Петродворцу, освобожденному от фашистских войск 18 января 1944 года²⁹.

Таким образом, общий ущерб пригородным дворцам-музеям и паркам без учета косвенного ущерба (потери дохода, компенсации работникам при увольнении, зарплаты на эвакуацию и т.д.) в апреле 1945 года составил 16 495 813 400 руб. Однако точный подсчет количества спасенных или, наоборот, погибших, бесследно пропавших музейных вещей сразу после эвакуации и во время войны был невозможен. Только в 1950 году при проверке наличия музейных ценностей в пригородных дворцах выяснилось следующее. Генеральная инвентаризация всех пригородных музеев (Екатерининского и Александровского, Павловского, Гатчинского, Петергофского) 1938–1939 годов показала наличие 180 228 единиц хранения; во время инвентаризации 1950 года было выявлено лишь 63 882 экспоната. Таким образом, за время войны оказалось утрачено 116 346 музейных предметов. Таков был печальный итог от вторжения врага в музейные пригороды Ленинграда.

И именно под знаком возрождения живут дворцы-музеи до сих пор.

Спасение памятников истории и культуры не закончилось с героической работой, которую провели сотрудники ленинградских музеев в первые месяцы войны до установления блокады. С середины сентября 1941 года, когда враг окружил город, его удары наносились и по зданиям – памятникам архитектуры и культуры. В это время известный в Ленинграде человек, работавший в Государственной инспекции по охране памятников, в 1918–1926 годах главный хранитель Гатчинского дворца-музея, Владимир Кузьмич Макаров, заканчивает исследование «Охрана памятников искусства и старины в условиях военного времени в Западной Европе»³⁰. Он анализирует все случаи юридической и технической защиты памятников и подробно рассматривает действия национальных деятелей культуры для сохранения ценностей во время гражданской войны в Испании. В своем исследовании он обращался к практическому опыту строительства защитных сооружений, эвакуации музейных и библиотечных ценностей, демонтажу самых ценных экспонатов.

В декабре 1941 года на научном совещании сотрудников Госинспекции по охране памятников известный архитектор Л. Ильин выступил с докладом «Некоторые сравнения мер охраны памятников во время войны»³¹. Ильин дал практическую классификацию системы охраны памятников – фиксация памятника, позволяющая в случае необходимости восстановить его заново или частично; относительная предварительная защита памятника от физического повреждения; полная охрана памятника путем его разбора, вывоза или сокрытия.

Летом 1942 года Ленинградская государственная инспекция по охране памятников провела научную конференцию на тему «Значение и содержание обмеров архитектурных памятников». Подобное событие в условиях блокады города было беспрецедентным! Доклады заслушивали в течение нескольких дней, так как изможденные недавней блокадной зимой люди не имели сил подолгу присутствовать на заседаниях. Сохранилось лишь несколько стенографических отчетов конференции. Так, 21 июля 1942 года профессор архитектуры Б. Николаев, опираясь на свой многолетний опыт, высказался за необходимость стандартизировать архитектурные обмеры для ускорения самих работ, а впоследствии для более быстрого и грамотного «прочтения» обмерных чертежей. Он же предложил ввести нормативы по форматам и масштабам чертежей, толщине линий, правилам проставления размеров, по цифрам и шрифтам обозначения материалов. Это позволяло привлечь к обмерным работам даже

недостаточно квалифицированных людей. Главное, по словам ученого, следовало «фиксировать все», и только точные фиксационные чертежи послужат основой для реставрационных работ.

28 июля 1942 года с докладом «Об историческом подходе к архитектурному обмеру» выступил Герман Германович Гримм – знаменитый ученый, работавший до войны во многих пригородных дворцах-музеях. Автор, рассматривая тему обмера памятников, разделил их на строительно-технические, археологические, архитектурно-технические и реставрационные. Изучив историю архитектурных обмеров и их использование в реставрации памятников и опираясь на лучшие примеры из отечественной практики, Гримм поставил конкретный вопрос, в котором уже был заложен ответ: «Для какой цели обмер делается у нас? Что заставляет в настоящее время, в момент очень трудный, тяжелый, переживаемый нами, ассигновать очень крупные средства? Почему правительство заинтересовано в том, чтобы получить материалы, причем которые могли бы принести максимальную пользу в дальнейшем?»³².

Архитектор Соколов предложил, основываясь на опыте обмеров Павловского дворца-музея и учитывая «условия опасности ближайшего времени», фиксацию проводить графически, т. е. следует отказаться от парадности в архитектурной фиксации прежних времен, а сосредоточить усилия на полной и быстрой обмерной фиксации большинства зданий – архитектурных памятников Ленинграда.

Главный архитектор Ленинграда Н. Баранов обратился в Ленгорисполком с предложением передать Государственную инспекцию по охране памятников в систему Главного архитектурно-планировочного управления³³. 9 октября 1942 года последовала его докладная записка на имя председателя Ленгорисполкома П. Попкова с требованием

реорганизации системы охраны памятников и изложением причин недовольства деятельностью органов по охране памятников в Ленинграде. Баранов утверждал, что оперативные возможности городского архитектора и его влияние на вопросы охраны памятников не могут быть достаточно успешными, так как инспекция находится вне его подчинения³⁴. Новая система позволит освободить Управление по делам искусств от непосильной и непрофильной работы по решению архитектурно-строительных вопросов и даст возможность более грамотно использовать имеющиеся в Ленинграде кадры архитекторов и инженеров.

Особая роль в спасении культурного наследия города принадлежит Государственной инспекции по охране памятников (ГИОП) во главе с Н. Белеховым, энергичным организатором и энтузиастом. Бывший начальник инспекции А. Победоносцев ушел на фронт добровольцем в первые дни войны, и Белехов, не участвовавший в военных действиях по состоянию здоровья, возглавил ГИОП. Вокруг его своеобразного штаба сплотился большой коллектив архитекторов, скульпторов, художников и искусствоведов, которые, не щадя своих сил и жизни, встали на защиту памятников любимого города. Больше 40 сотрудников инспекции погибли от обстрелов, бомбежек и голода³⁵.

Одной из важных задач в защите архитектурных памятников была их маскировка и возможное укрытие от артобстрелов или бомбардировок с воздуха.

В трудных условиях блокады научные сотрудники инспекции Е. Глезер, В. Таубер, Л. Бубнова, А. Петров, Л. Медерский, архитекторы И. Бартев, Г. Гримм, В. Пилявский, А. Соколов и другие трудились над составлением исторических справок о зданиях-памятниках. При консервации нужны были их архитектурные и археологические обмеры. Для этого создали специальные брига-

ды, в которых под руководством профессоров Л. Ильина, Л. Тверского, Н. Никитина и А. Удаленкова самоотверженно работали архитекторы К. Халтурин, В. Серебровский, Т. Берсенева, С. Фролова, Е. Петрова, О. Аршакуни и др. Их обмерные чертежи стали основными исходными документальными данными для последующего воссоздания многих памятников.

Специальная государственная комиссия, созданная в конце 1943 года, начала оценивать размеры ущерба сразу же после освобождения пригородов. В основу подсчета была положена стоимость произведений антиквариата в действовавших на 1944 год ценах. В случае полной гибели музейных экспонатов их стоимость увеличивалась за счет коэффициентов историко-художественной, национально-культурной и мемориальной значимости, начисляемых в качестве компенсации за утрату подлинного произведения искусства того или иного мемориального памятника. Таким образом, в 1944 году была констатирована потеря целого ряда крупнейших художественно-исторических музеев: дворцовых комплексов Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины. В относительной сохранности оставались только музеи Ораниенбаума. У всех, кто вошел в Гатчинский дворец после его освобождения, перед глазами возникла надпись на немецком языке на стене Парадной лестницы Гатчинского дворца, сделанная химическим карандашом: «Здесь мы были, сюда мы больше не вернемся, когда придет Иван, все будет пусто». Под надписью сохранилась подпись автора: «Рихард Вурф, Штеттин, Уланд штрассе, 2; телефон D-28-10-43». Ленинградская поэтесса Вера Инбер, которой довелось одной из первых увидеть эту «пророческую» надпись, заметила в своем знаменитом «Ленинградском дневнике»: «Где-то сейчас этот «Вурф» (что

по-русски означает «бросок»)? Уж не его ли это «выбросило» в снег на дороге между Гатчиной и Павловском, босого, с наполовину размозженной головой, с комьями кровавого льда вместо глаз, запрокинутого?»³⁶. Правда, тогда, в 1944 году, действительно безжизненно выглядели взорванные, обгоревшие, разграбленные пригородные дворцы-музеи. И возрождение Гатчины началось с того, как 16 августа 1944 года мастер М.Е. Гусев вынул из стены Парадной лестницы дворца кусок штукатурки с немецкой надписью, залил его для укрепления с обратной стороны гипсом и окантовал под стекло. Сейчас этот необычный экспонат хранится в фондах Гатчинского дворца-музея³⁷.

Еще много времени отделяло ленинградцев от полного снятия блокады, но все чаще речь заходила о том, кто же будет восстанавливать разрушенные врагом здания, реставрировать шедевры русской архитектуры, воспроизвест сложнейшие декоры, художественную отделку дворцовых помещений, ведь устранение разрушений, причиненных немецкими захватчиками, невозможно без хороших специалистов. Требовались поистине золотые руки! Как в короткие сроки решить проблему подготовки мастеров-реставраторов? Долгие дискуссии привели к тому, что в Управлении по делам архитектуры Ленгорисполкома решили создать специальное архитектурно-художественное училище. Однако набор учащихся в Ленинграде 1943 года представлялся делом практически безнадежным. Подростков в возрасте 13–14 лет в городе почти не было, а ведь они должны были быть еще и художественно одаренными. Тогда, по предложению главного архитектора Ленинграда Н. Баранова, Исполком Ленгорсовета разрешил провести творческий конкурс среди эвакуированных на Большую Землю учеников ленинградских школ и ре-

месленных училищ. До ноября 1943 года среди ленинградских детей, вывезенных в Горьковскую и Кировскую области, а также на Урал, при содействии находящихся там же уполномоченных комитета по эвакуации Ленгорисполкома были проведены конкурсы для выявления наиболее одаренных ребят. В конце ноября 1943 года они уже прибыли в Ленинград для зачисления в новое архитектурно-художественное училище.

Училищу отдали здание одной из образцовых школ на Невском проспекте у собора св. Петра (ныне школа № 222 Центрального района). Первый директор училища Иосиф Александрович Вакс вспоминал, как в сентябре 1943 года его вызвали в Смольный, – там размещался тогда Ленгорисполком, – и предложили заняться организацией художественного училища по архитектурной отделке зданий. Пришлось решать множество неотложных хозяйственных вопросов – и жилье, и питание, и мастерские, и одежда. Но главным было – где взять мастеров-педагогов?

Большинство специалистов-отделочников эвакуировалось; те, кто помоложе, ушли на фронт, а многие просто не дожили до третьего года блокады³⁸.

Общими усилиями педагогов все-таки нашли. Мраморщики П. Смирнов и Д. Спришин донесли до учеников не только свой энтузиазм и опыт, но и сумели разыскать необходимый инструмент. Замечательный мастер-краснодеревщик А. Смирнов сам мастерил верстаки и другое оборудование. Пришли в училище: известный до войны специалист по живописно-реставрационным работам В. Щербаков, чеканщик С. Кузнецов, прирожденный педагог-лепщик А. Большаков, мастер И. Сахаровский, краснодеревщики Д. Ортанович и М. Забозлаев и многие другие преданные своей профессии люди. Теоретические занятия по искусству вели профессор Э. Кверфельдт, заведующий отделом Востока Государственного Эрмитажа, будущий доктор архитектуры В. Пилявский, искусствовед Н. Оль.

Требовалось как можно скорее привести в порядок разоренные, погибающие парки в пригородах. Мужество и героизм проявили саперы, обезвреживая многочисленные минные ловушки на аллеях, газонах, в подвалах дворцов и павильонов. 20 тысяч мин и 100 тысяч снарядов было обнаружено ими в одном только Петродворце. Уже весной 1944 года там начались массовые субботники по расчистке Нижнего парка. 16 июля больше 1500 ленинградцев пришли сюда рубить заросли кустарника, корчевать пни, разбирать завалы. 17 июля 1945 года Нижний парк принял первых посетителей.

25 августа 1946 года академик И. Орбели на митинге в ознаменование первого пуска фонтанов выразил общее настроение: «В ми-

нуты самых суровых испытаний мы верили, что настанет день, когда вновь забьют чудесные фонтаны Петродворца. Шелест струй этих фонтанов символизирует торжество будущей ключом жизни нашего народа, который быстро залечивает раны войны».

И вот в сентябре 1948 года Совет Министров СССР принял решение начать восстановление Большого дворца в Петергофе. К этому времени Городской архитектурный совет Ленинграда уже рассмотрел первоначальное проектное задание, разработанное профессором А. Олем, архитекторами Е. Серебряковым и Р. Китнером. Летом 1951 года группа техников и студентов во главе с архитектором А. Кедринским произвела археологические зарисовки стен и фиксацию сохранившейся лепки. Возрождение всемирно известных ленинградских пригородов – Петергофа, Пушкина, Павловска – началось сразу после войны с главного – с дворцов! В Гатчине к реставрации дворца приступили позднее, лишь в середине 1970-х годов. 2 февраля 1944 года, на седьмой день после полного освобождения Ленинграда от блокады, Государственная инспекция по охране памятников представила проект решения Исполкома «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-

музеев». Оно предлагало восстановить как самостоятельные учреждения дворцы-музеи и парки Петергофа, Пушкина, Ораниенбаума, Павловска, Гатчины, и к 5 февраля 1944 года назначить туда директоров и главных хранителей. В первую очередь предполагалось провести сбор музейных вещей и деталей отделки, сохранившихся во дворцах и находящихся у частных лиц, заняться работами по консервации дворцов, их охране и, главное, прекратить свободный доступ в здания. Очень важным оказалось требование запретить (без согласования с ГИОП) использовать музеи под утилитарные нужды. Начальнику ленинградской милиции предлагалось установить посты охраны в музеях.

18 февраля 1944 года музейные работники пригородов снова обсудили вопрос «О состоянии дворцов и парков Ленинграда в результате варварского их разрушения немецкими фашистами»³⁹. Начальник Отдела охраны памятников Николай Николаевич Белехов в своем докладе проанализировал состояние всех пригородных дворцов и парков и в заключение сказал о Павловске: «если Павловский парк пострадал сильнее всего, то Павловский дворец сохранился лучше других... и имеется полная возможность его реставрации, поскольку многие помещения

сохранили внутреннюю отделку»⁴⁰. 21 марта 1944 года состоялась научно-техническая конференция по реставрации пригородных дворцов Ленинграда⁴¹. В докладах профессора А.П. Удаленкова и других выступлениях много говорили о Павловске, при этом решение восстанавливать Павловский дворец было единогласным. Правда, многие участники конференции высказывались за восстановление в первоначальном историческом виде только центрального корпуса дворца и приспособление его других частей для утилитарных целей: например, дом отдыха архитекторов, ресторан и т. д.

Госинспекция по охране памятников 24 марта 1944 года направила в Исполком новый перечень первоочередных мероприятий по сохранению пригородных дворцов-музеев⁴². Речь шла теперь только об организационной структуре Музейного отдела Управления по делам искусств и о возобновлении хозяйственной деятельности музеев. После неудачного обращения в Ленгорисполком ГИОП, в лице Белехова, апеллировал к Обкому партии. 11 февраля 1944 года Белехов направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. Жданову и секретарю Ленинградского ГК ВКП(б) А. Кузнецову, в котором говорилось, что в результате варварских действий фа-

шистских захватчиков наша страна практически потеряла ленинградские пригородные дворцы – одни из самых крупных сокровищниц искусств в СССР. И после освобождения продолжается их разрушение, расхищается сохранившееся убранство, возникают пожары и т.д. В письме предлагалось срочно создать группу специалистов по охране памятников в составе политического управления фронта⁴³.

Сложные отношения, складывавшиеся между музейными работниками и органами власти, не способствовали восстановлению дворцов и парков. Пушкинский райисполком, например, предъявил целый ряд претензий к директору дворцов-музеев г. Пушкина Е. Туровой, и в самый разгар восстановительных работ ее уволили с работы. Поводом для конфликта стал отказ Туровой пустить в Екатерининский и Александровский дворцы, например, Пушкинский пиццеторг, намеревавшийся устроить свой склад в подвалах этих дворцов⁴⁴.

Исполком Ленгорсовета, пытаясь найти поддержку у командования Ленинградского фронта, 5 июня 1944 года обратился к генералу армии Л. Говорову с просьбой дать указание Военно-строительному управлению генерал-майора Ходырева провести самый неотложный ремонт и восстановление крыш над сохранившимися частями Екатерининского и Павловского дворцов, чтобы остановить их дальнейшее разрушение. Поставку материалов Ленгорисполком брал на себя⁴⁵.

18 ноября 1944 года Ленгорисполком обратился к заместителю Наркома внутренних дел Л. Сафразьяну, сообщив, что в Павловске «отсутствие кровли угрожает уничтожени-

ем сохранившегося в большом количестве архитектурно-художественному убранству Павловского дворца»⁴⁶. Исполком Ленгорсовета просил подключить начальника Северо-западного управления авиационного строительства НКВД Тихановского. Эта переписка свидетельствует о том, что у Исполкома было очень мало возможностей для строительства, а те, что были, использовались прежде всего в Ленинграде на восстановление жилья, транспорта, промышленных предприятий. Безуспешность всех этих обращений к армии, к войскам НКВД, имевшим материалы и рабочую силу, вынудило Ленгорисполком апеллировать к самым высшим органам власти – А.Н. Косыгину, заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР.

В письме⁴⁷ к нему говорилось, что в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны от 29 марта 1944 года «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.» Ленгорисполком⁴⁸ считает абсолютно необходимым провести в 1945 году работы по консервации Екатерининского и Александровского дворцов в Пушкине, Павловского дворца, Большого дворца и дворца «Монплеизир» в Петродворце, воссоздать фонтанную систему в парках Петродворца с завершением всех работ в 1946 году⁴⁹.

Также указывались объемы капиталовложений на восстановление города Пушкина: на возрождение парков выделить 1 100 000 руб., на консервацию дворцов – 2 200 000 руб.; на восстановление парков Петродворца – 2 500 000 руб., на возрождение фонтанов – 2 000 000 руб.

Появившееся летом 1945 года мнение о том, что следует как можно скорее восстановить парки, парковые сооружения и использовать их для организации отдыха ленинградцев было, возможно, разумным. Так, 25 июня 1945 года Исполком Ленгорсовета рассмотрел вопрос, связанный с восстановлением первой очереди фонтанной системы в Петродворце. Снова отмечалось, что решение от 14 февраля 1945 года по этому вопросу выполнялось неудовлетворительно: на 1 июня 1945 года было освоено 550 000 руб., а это всего 22,5% от общего объема работ⁵⁰. Исполком Ленгорсовета требовал от управлений строительства и по делам архитектуры выполнить всю технологическую и сметно-финансовую документацию, и поручил председателю Петродворцового райисполкома Нефедову постоянно контролировать все работы по восстановлению парков и фонтанной системы Петродворца⁵¹.

Обсуждение этой темы зачастую принимало весьма острые формы. Так, 10 сентября 1945 года на заседании Исполкома Ленгорсовета говорили о проведении аварийных работ в Екатерининском дворце. Главный архитектор Ленинграда Н. Баранов прямо доложил, что никаких работ по устройству кровли Дворцовой церкви, Большого зала, антикамер, Парадной лестницы Екатерининского дворца с марта 1945 года не проводилось, поэтому часть кровли, не уничтоженная пожаром, может обрушиться⁵².

В конце 1945 – начале 1946 года стало очевидно, что восстановление пригородных дворцов и парков – дело сложное, требующее длительного времени и подготовки. «Штурмом» это дело не решить. Одной из главных проблем того периода было отсутствие проектно-сметной документации. Консервация и подготовка документации велись в течение 1946–1947 годов. 24 августа 1948 года появилось распоряжение Исполкома Ленгорсовета «Об увеличении ассигнований на восстановление дворцов, парков и фонтанов в пригородах Ленинграда». В нем указывалось, что, в соответствии с распоряжениями Совета Министров СССР № 10709-р и Совета Министров РСФСР № 1683-р от 11 августа 1948 года, на восстановление дворцов, парков, музеев и фонтанов в пригородах Ленинграда на 1948 год выделялось 1 500 000 руб. Это было осуществлено за счет неиспользованных ассигнований на строительство канализации и жилых домов на Московском шоссе⁵³. Из этих средств г. Пушкину было выделено 230 000 руб., Петродворцу – 350 000 руб., Павловску, Ломоносову и Гатчине – 920 000 руб.

Подошла к концу подготовка необходимой для реставрации технической документации. Так, 10 мая 1948 года Ленгорисполком утвердил сметно-финансовый расчет на комплекс

восстановительных работ по Павловскому дворцу и парку. Расчетная сумма – без учета внутреннего оборудования – мебели, gobеленов, люстр, картин, телефонизации, пожарной сигнализации – составила 29 142 872 000 руб.⁵⁴ Решением Ленгорисполкома от 6 декабря 1948 года было одобрено проектное задание со сметно-финансовыми расчетами по восстановлению Большого дворца в Петергофе. Общая стоимость работ должна была составить 19 694 000 руб., в том числе работы первой очереди предполагалось выполнить на сумму 7 992 170 руб., проектные и научно-исследовательские работы – на 725 000 руб.⁵⁵

8 декабря 1948 года было принято решение об утверждении сметно-финансового расчета стоимости восстановления Гатчинского дворца и парка и технической консервации здания дворца: 5 769 670 руб., в том числе на проектные и научные работы выделялось 237 850 руб.⁵⁶

В июле 1951 года Ленгорисполком в очередной раз проанализировал ход работ по консервации и восстановлению пригородных дворцов, было решено для предохранения музеев от дальнейшего разрушения провести в текущем году работы по консервации и восстановлению кровли Екатерининского, Павловского и Большого дворца в Петродворце. Общая сумма выделенных средств составила 1 110 000 руб., в том числе по Павловскому дворцу – 210 000 руб., по Екатерининскому дворцу – 500 000 руб. и по Большому дворцу – 400 000 руб.⁵⁷ В Павловске эти работы были поручены управлению Ленинградгазстроя Министерства нефтяной промышленности (управляющий – Сапгир), в Екатерининском дворце – Ленакадемстройо АН СССР (управляющий – Розановский) совместно с производственно-техническими

мастерскими при Управлении дворцов и парков города Пушкина; работы в Петродворце вел ремонтно-строительный трест Исполкома Петродворцового райсовета вместе с производственно-техническими мастерскими при Управлении дворцов и парков Петродворца.

Ленинградский исполком не просто контролировал проведение реставрации, но чрезвычайно активно занимался ею, особенно, если отпущенные деньги по какой-либо причине не успевали освоить. Примером может служить решение от 19 октября 1953 года о перераспределении средств на ремонтно-восстановительные работы по зданиям-памятникам. Этот документ дает наглядное представление о темпах реставрации и выполнении плановых заданий. Так, на восстановительные работы по паркам, парковым и дворцовым сооружениям Петродворца было решено добавить 155 000 руб.; по паркам и парковым сооружениям Гатчины – 30 000 руб.; по паркам и парковым сооружениям Ломоносова – 50 000 руб.; для Центрального хранилища музейных фондов в Пушкине – 120 000 руб., а вот суммы на восстановительные работы по паркам, парковым и дворцовым сооружениям Павловска и Пушкина были сокращены на 200 000 руб. Денежные средства были перераспределены в Петродворце, Гатчину и Ломоносов, где дела, по видимому, продвигались успешнее.

Однако послевоенные события, общее сложное экономическое положение страны позволили открыть после возрождения первым дворец в Павловске только в 1957 году. Открытие же других – Петергофа и Пушкина пришлось на 60-е годы, а Гатчинского на 1985 год. Да и то все дворцы до конца еще не восстановлены. Впереди еще много работы.

Разрушенное здание Кирасирских казарм. 1953 г.

¹ ЦГА СПб. Ф. 276, оп. 1, д. 28. Л. 59.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Д. 36. Л. 1, 3, 4.

⁴ Там же, ф. 309, оп. 2, д. 15. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ ГАРФ. Ф. 7384, д. 1233. Л. 69–71; д. 1143. Л. 69.

⁷ Личный архив директора Павловского дворца-музея А. Зеленовой. Д. 17. Л. 4.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 18. Л. 21.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 309, оп. 1, д. 18. Л. 21.

¹¹ Подсчитано по Отчету по эвакуации музеев ЦКПШЛ. С. 11–40. ЦГА СПб, ф. 225, оп. 6, д. 908. Л. 1–112.

¹² ЦГА СПб, ф. 2256, оп. 1, д. 1115, л. 24.

¹³ ЦГА СПб, ф. 2255, оп. 6, д. 908. Л. 4–92.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Подсчитано по Отчету по эвакуации музеев УКПШЛ. С. 11–40. ЦГА СПб, ф. 225, оп. 6, д. 908. Л. 84–92.

¹⁶ Там же. Л. 96.

¹⁷ Личный архив А.М. Кучумова. Распоряжение УКПШЛ от 31.07.1941. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ ЦГА СПб, ф. 2256, д. 1114, оп. 7. Л. 93.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384, оп. 17, д. 1446. Л. 1–17.

²¹ Там же. Оп. 8, д. 3. Л. 1.

²² ЦГА СПб. Ф. 8557, оп. 6, д. 1110. Л. 2.

²³ Ленинградская правда. 1944, 3 сент.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 8557, оп. 6, д. 1095. Л. 17.

²⁵ Летопись возрождения. Л., 1971. С. 7.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 8557, оп. 8, д. 3. Л. 22.

²⁷ Там же. Д. 1110. Л. 5–19.

²⁸ Там же. Л. 18.

²⁹ Там же. Д. 1111–1112. Л. 4–17.

³⁰ Макаров В. К. Охрана памятников искусства и старины в условиях военного времени в Западной Европе. В 2 т. (рукопись) // Архив ГИОП. Д. Н-125/2.

³¹ Архив ГИОП. Д. Н-131 (дата не указана, однако в тексте есть упоминание: «шестимесячный опыт войны»).

³² Там же. Л. 6.

³³ Там же. Л. 11.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 598. Л. 12.

³⁵ Летопись возрождения. Л., 1971. С. 5.

³⁶ Ийбер В. Избранное. М., 1947. С. 558.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 8557, оп. 6, д. 1094. Л. 5.

³⁸ Вакс И.А. Будущие реставраторы // Возрождение. Воспоминания о восстановлении Ленинграда. Л., 1977. С. 228–233.

³⁹ Личный архив А.М. Кучумова. Стенографический отчет заседания, посвященного состоянию дворцов и парков пригородов Ленинграда в результате варварского их разрушения немцами от 18 февраля 1944 г. С. 1–112.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Личный архив А.М. Кучумова. Стенограмма научно-технической конференции от 21 марта 1944 г., посвященной вопросу реставрации дворцов и пригородов Ленинграда. С. 1–112.

⁴² ЦГА СПб. Ф. 7384, оп. 17, д. 1259. Л. 112–113.

⁴³ Там же. Л. 117.

⁴⁴ Там же. Ф. 7384, оп. 17, д. 1179. Л. 50.

⁴⁵ Там же. Д. 1180. Л. 32.

⁴⁶ Там же. Д. 1446. Л. 476.

⁴⁷ Там же. С. 94.

⁴⁸ Там же. Д. 1109. Л. 1–10.

⁴⁹ Там же. Ф. 7384, оп. 17, д. 1109. Л. 12.

⁵⁰ Там же. Оп. 25, д. 130. Л. 6–7.

⁵¹ Там же. Оп. 18, д. 1618. Л. 8.

⁵² Там же. Оп. 17, д. 1446. Л. 98.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. 2076, оп. 1, д. 2313. Л. 16.

⁵⁴ Там же. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 591. Л. 33.

⁵⁵ Там же. Д. 713. Л. 43.

⁵⁶ Там же. Л. 1–3.

⁵⁷ Там же. Д. 1634. Л. 14–15.

Тяжелейшие испытания выпали на долю ленинградцев в годы Отечественной войны и героической обороны города. В дни войны и блокады слово «Ленинград» стало синонимом не только мужества и стойкости, но и мученичества.

Смертность от голода достигла ужасающих масштабов: только на Пискаревском кладбище зимой 1941/42 года в братских могилах захоронили около 500 тысяч ленинградцев. Не блеснули привычные шпили Адмиралтейской иглы и Петропавловского собора – их спрятали за брезентовыми чехлами, Медный всадник был заложен мешками с песком, в ящики упакованы скульптуры Летнего сада, зарыты в землю знаменитые кони Клодта. В облике города-воина появились детали, характерные только для военного времени: таблички с надписью «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна», вереницы остановившихся троллейбусов и трамваев, окна, заклеенные бумагой крест-накрест...

Блокадными веснами все свободные участки земли в городе возделывались и засаживались овощами. Капуста и картошка, морковь и свекла росли в Летнем саду, сквере перед Исаакиевским собором, во всех парках, под огородами были распаханы даже боковые откосы Обводного канала.

15 августа гитлеровцы сбросили первую бомбу над Гатчинским дворцом, 4 сентября произвели первый выстрел по городу. Облик города резко изменился. Ленинградцы строили надолбы, рыли противотанковые рвы, всюду оборудовались бомбоубежища. В 1941 году в Ленинграде сооружено 15 000 дзотов, 17 000 амбразур в зданиях, 35 километров баррикад, 22 000 огневых точек.

В условиях военного времени существенно изменились задачи и цели архитекторов и строителей города: с исключительной остротой перед ними встал вопрос маскировки жизненно важных центров, зданий и памятников архитектуры и искусства. Эскизы маскировки разрабатывались в Архитектурно-планировочном управлении, в проектных

Деятельность органов

архитектурно-строительного надзора и экспертизы Ленинграда в 1941–1943 гг. Блокада

А.И. ОРТ,
заслуженный строитель России,
канд. экон. наук,
почетный академик РАН

мастерских, в Академии художеств. Маскировка зданий в натуре велась под надзором авторов эскизов, руководил процессом главный архитектор города Н.В. Баранов с помощниками в каждом районе города. Усилиями специалистов-строителей и архитекторов создавались защитные конструкции, бревнами, досками и мешками с песком укрывались памятники, монументальные скульптуры.

В целях рационального использования специалистов-экспертов Ленинграда и повышения качества экспертно-консультационной работы принято решение объединить всю техническую и аварийную экспертизу и консультации по инженерно-техническим вопросам в Экспертно-техническом отделе Архитектурно-планировочного управления. Участие экспертов в восстановительных работах было абсолютно новым делом. Не было эффективных методов оценки разрушений, не понятно, как определять очередность восстановительных работ. После разрушения жилого здания или промышленного объекта специалисты со-

ставляли квалифицированное техническое заключение, к которому прилагались предложения о целесообразности немедленного восстановления здания или его консервации с принятием защитных мер от дальнейшего разрушения и погодных условий.

В связи со значительным сокращением гражданского строительства и в целях концентрации в едином органе работ по технической маскировке города, проектированию и обобщению опыта строительства спецсооружений в августе 1941 года Исполком Ленсовета постановил:

«1. Ликвидировать трест Ленпроект и Архитектурно-строительный экспертный совет. Имущество, материальные ценности и обязательства по невыполненным договорам треста «Ленпроект» и АСЭС передать Архитектурно-планировочному управлению Исполкома Ленгорсовета. Архив и техническую библиотеку Ленпроекта сохранить и оставить в занимаемом помещении.

2. Возложить на АПУ выполнение работ по технической маскировке города, проектированию, экспертизе и обобщению опыта

**ПРИКАЗ № 40 (секретно)
по 1-му Ленинградскому АВ
(аварийно-восстановительному) полку от 3 ноября 1941 г.**

строительства сооружений, для чего организовать в составе АПУ: службу по технической маскировке города, группу по проектированию спецсооружений, группу по экспертизе и рассмотрению спецсооружений и оборонных объектов.

В связи с организацией работ по технической маскировке города основной кадровый состав архитекторов Ленпроекта перевести в АПУ для участия в этих мероприятиях.

3. Поручить начальнику АПУ т. Морозову М. В. составить и представить в двухдневный срок на утверждение Исполкома новое штатное расписание Управления.

4. Назначить начальником службы технической маскировки города главного архитектора города Баранова Н. В., начальником группы по проектированию спецсооружений т. Шалева А. В., начальником группы экспертизы и рассмотрения смет сооружений и оборонных объектов т. Шифрина С. М.

5. Поручить т. Морозову М. В. совместно с тт. Шалевым А. В. и Шифриным С. М. укомплектовать группу по проектированию спецсооружений и по экспертизе и рассмотрению смет из постоянных работников треста Ленпроект и АСЭС.

6. АПУ по вопросам технической маскировки города, проектирования и экспертизы спецсооружений работать по заданиям штаба МПВО города. Запретить увольнение или перемещение работников указанных групп без разрешения начальника МПВО г. Ленинграда полковника Лагуткина».

В целях изучения средств поражения, примененных противником, наилучших способов быстрого оказания помощи пострадавшим, ликвидации разрушений и практических выводов по влиянию разрыва фугасных бомб на сооружения городского хозяйства всем командирам батальонов приказываю:

1. Организовать производство и контролировать исполнение за выполнением следующих подробных записей в боевых донесениях по объекту аварии в целом:

*а) способы спасения людей, заваленных в разрушенных бомбардировкой зданиях;
б) какие агрегаты и приборы применялись для спасения людей, заваленных в разрушенных зданиях, с указанием степени их пригодности;
в) о количестве фактически использованной рабочей силы и о ее расстановке при спасательных работах, с указанием на оптимально потребное количество рабочей силы на каждом конкретном адресе.*

2. Организовать на каждом объекте в период производства аварийных работ заполнение технического паспорта объекта по прилагаемому при сем образцу. Заполнение технического паспорта поручать в каждом конкретном случае специально назначенному лицу (желательно командиру роты) под руководством и персональной ответственностью начальника штаба батальона за правильность составления записей.

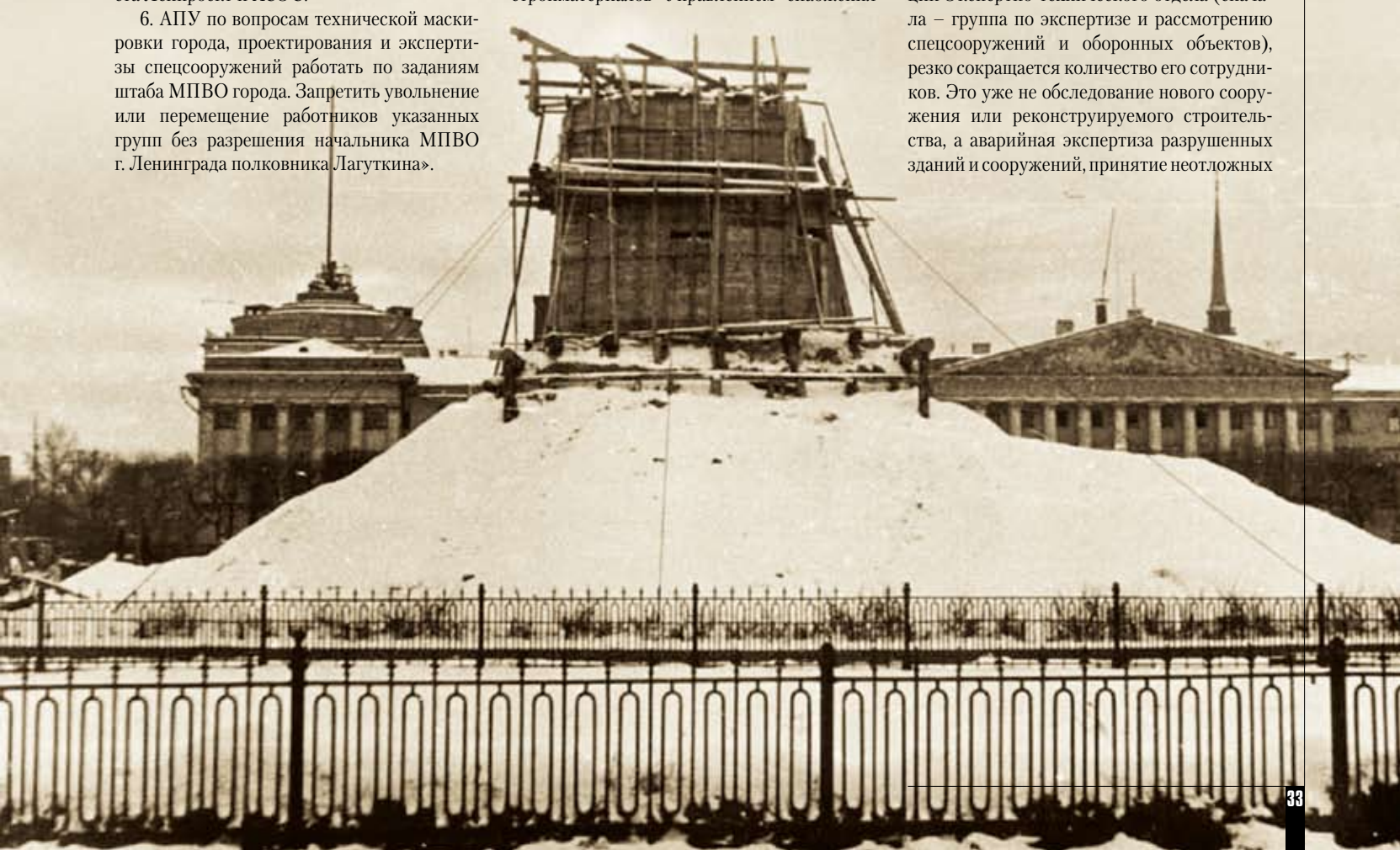
*Командир 1-го Ленинградского АВ полка
Комиссар полка
Начальник штаба полка*

*Дроздов
Рассказчиков
Манизер*

В первый год блокады шло интенсивное строительство бомбо- и газубежищ в школах, больницах, административных учреждениях. Строительство велось по упрощенной проектно-сметной документации, выделение стройматериалов Управлением снабжения

Ленгорисполкома жестко контролировалось партийными и советскими органами. Все ИТР и рабочие, занятые на строительстве, переводились на котловое довольствие.

Существенно меняются задачи и функции Экспертно-технического отдела (сначала – группа по экспертизе и рассмотрению спецсооружений и оборонных объектов), резко сокращается количество его сотрудников. Это уже не обследование нового сооружения или реконструируемого строительства, а аварийная экспертиза разрушенных зданий и сооружений, принятие неотложных

мер по их восстановлению или консервации, переоборудование подвалов под бомбо- и газоубежища.

Экспертно-технический отдел консультировал население при сносе домов, пострадавших от артобстрелов и бомбежек, разрабатывал инструкции по быстрейшему оказанию помощи людям, засыпанным в домах и подвалах, рекомендовал методы, применяемые при спасении оказавшихся под обломками людей, рассчитывал необходимое количество работников и техники при аварийно-спасательных работах.

Город, оказавшийся в кольце вражеской блокады, подвергался методичным бомбардировкам и артобстрелам. В блокадных условиях жестоко пострадали сотни ценнейших архитектурных памятников Ленинграда. С ноября 1941 года начинается обучение военному делу горожан для спасения населения и жилых зданий от последствий артобстрелов силами армии (с января 1943 г. – отдами Ленгорисполкома).

На здание Адмиралтейства обрушилось более 70 бомб и снарядов, в 9 местах пробило стены, в 16 – разрушена крыша. 1600 повреждений получил Казанский собор, осколками бомб и снарядов были повреждены фасады Кунсткамеры и Зимнего дворца, Исаакиевского собора. Вода, холод и сырость усугубляли механические повреждения. В подобной ситуации оказался и Музей этнографии.

Невосполнимый урон понес и жилищный фонд города. Разрушения, нанесенные бомбардировками и артобстрелами, необходимо было фиксировать, проводить консервацию зданий. В первое время этим занима-

лись районные архитекторы. Очень важно было проводить обмеры и зарисовки ценных сооружений, которые в любой момент могли быть разрушены.

В самые трудные и страшные дни Ленинград верил в скорое мирное будущее. Уже в январе 1942 года, в тяжелейшее время первой блокадной зимы, началась подготовка к восстановлению разрушенного города. Из сборника воспоминаний «Подвиг века»: «Еще в начале 1942 года М.В. Морозов, Н. В. Баранов и Б. Р. Рубаненко стали собирать работоспособных архитекторов. Они думали о будущем Ленинграда. В январе 1942 года архитекторам было поручено определить объем первоочередных ремонтных и восстановительных работ по заданиям и коммуникациям центральных городских кварталов».

В начале 1943 года Исполком Ленсовета принял решение «о ликвидации аварий в жилых, общественных, коммунальных зданиях и сооружениях г. Ленинграда, пострадавших от вражеских артобстрелов и бомбардировок». Разрушения вызывались не только взрывами бомб и снарядов, но и крайне неудовлетворительным проведением мероприятий по своевременной ликвидации очагов поражения. Все это приводило не только к угрозе безопасности людей, но и к дальнейшему катастрофическому разрушению объекта. Запоздалая или неполная ликвидация аварии намного увеличивала объем восстановительных работ либо приводила к его полному разрушению. Некачественная консервация поврежденных объектов, отсутствие надзора и контроля приводили к тому, что жители близлежащих домов рас-

таскивали деревянные конструкции едва держащихся домов на дрова, еще сильнее нарушая устойчивость здания.

Для определения объема работ, повышающих жизнеспособность зданий, 1 сентября 1943 года под руководством начальника Экспертно-технического отдела создана городская комиссия по авариям в составе главного инженера ЛЖУ, начальника инженерной службы МПВО города и представителей городской пожарной охраны (при райисполкомах – районные комиссии). Городская или районная комиссия обязана была не позднее 48 часов с момента аварии составить на месте акт об объеме необходимых работ по установленной форме. Акт вручался РЖУ или ведомству, городской комиссии по авариям или штабу МПВО.

В условиях блокады восстановить утраты сразу было невозможно, но и видеть на главных улицах зияющие провалы было морально тяжело. Поэтому принято решение заделывать пробоины фанерой и рисовать на щитах утраченные части фасада. Архитектор Э. Левина в ноябре 1944 года сделала в дневнике запись: «Начаты работы по восстановлению разрушенных зданий. Осуществление первых проектов идет необычно. На фасаде в натуральную величину рисуют будущие фасады. Развалины одеты разрисованными фанерными щитами, и дома стоят макетами своего будущего».

Исполком Ленсовета отмечает, что отделы и управления, как и промышленные предприятия Ленинграда, ранее не вели изучение и обобщение опыта аварий и разрушений, вызванных условиями военного времени. Все это не давало возможность своевременно подготовиться к предстоящим восстановительным работам в городе и «разработать новые рациональные типы зданий и сооружений, отвечающих требованиям ПВО». Для изучения строительного опыта военного времени Ленсовет обязал руководителей всех управлений и отделов Исполкома немедленно приступить к систематическому изучению технического опыта военного времени, разрешив отделам и управлениям, не располагающим соответствующими инженерно-техническими кадрами, передавать работы Экспертно-техническому отделу.

По результатам своей деятельности сотрудники ЭТО написали более 20 научно-исследовательских трудов по строительной практике, вытекающей из требований воен-

ного времени, многие из которых до настоящего времени уникальны и востребованы, например, влияние стенической волны на здания и фундаменты, действие ФАБ (фугасных авиационных бомб) на конструкции при прямом попадании, эксплуатация отопительных систем в условиях военного времени и др.

Управление и отделы Исполкома обязаны были не позже 1 февраля 1943 года передать в Экспертно-технический отдел планы восстановительных работ на 1943 год и периодически информировать отдел о состоянии дел. К 15 февраля 1943 года ЭТО должен был составить сводный план всех работ на 1943 год и после согласования с отделом МПВО УНКВД внести его на утверждение Исполкома.

Руководители промышленных предприятий Ленинграда обязаны были в течение трех месяцев провести детальное техническое обследование (паспортизацию) аварийных объектов, пострадавших от бомбардировок и артобстрелов, а также имеющих существенные повреждения, полученные от других причин за военный период. Паспортизация проходила по единой системе, разработанной Экспертно-техническим отделом, которому передавались копии законченных паспортов, промышленным предприятиям оказывалась помощь в проведении паспортизации объектов.

Для распространения опыта по защите объектов Архитектурно-планировочным управлением в первом квартале 1943 года издан сборник работ ЭТО тиражом 2500 экземпляров, а с 1 января 1943 года начат выпуск ежемесячного бюллетеня «Оборона и строительство Ленинграда» тиражом 1500 экземпляров. Начальнику АПУ (М.В. Морозов) дано указание к 25 января 1943 года представить на утверждение Исполкома положение и штатное расписание формально существующего с 3 ноября 1942 года, но не имеющего ни того, ни другого Экспертно-технического отдела.

Средств не хватало даже на первоочередные строительные работы, и перед Экспертно-техническим отделом и Экспертно-технической комиссией Ленжилуправления была поставлена задача строго контролировать соответствие смет жизненно необходимым работам. Решение Ленсовета от 31 августа 1943 года гласило: «...Предложить ЭТО АПУ и ЭТК ЛЖУ при проверке проектов и смет обращать особое внимание на целесообразность выполнения намеченного объема работ в условиях военного времени». Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что сотрудники Экспертно-технического отдела выполняли свою работу добросовестно и качественно.

Несмотря на то что основная работа отдела заключалась в решении военных задач,

жизнь мирного населения в Ленинграде продолжалась, и Экспертно-технический отдел решал задачи общегражданского строительства. В оповещении ЭТО о продолжении деятельности информировалось, что на основании решения Исполкома Ленсовета от 3 ноября 1942 года Экспертно-технический отдел Управления по делам архитектуры Ленгорисполкома проводит технические экспертизы и консультации по всем вопросам проектирования и строительства жилых, общественных, коммунальных и промышленных зданий и сооружений различного назначения, в том числе аварийных или предназначенных к восстановлению, а также всех их конструктивных элементов, экспертизу проектов и смет; определяет объемы и стоимость восстановительных работ, качество восстановительных работ, методы их производства; на основе данных изысканий определяет допустимое напряжение на грунт для установки фундаментов под новые здания и сооружения, а также надстроек существующих сооружений; проводит экспертизу и консультацию по санитарно-техническим работам (отопление, вентиляция, водоснабжение, канализация, оборудование бань, прачечных, дезинфицирующих камер, санпропускников, кухонь и т. д.); определяет качество стройматериалов и деталей; проводит экспертизу по строительным вопросам, связанным с разрешением дел в арбитраже.

**Исполнительный комитет Ленинградского городского
совета депутатов трудящихся
Архитектурно-планировочное управление
Группа экспертиз спецсооружений и оборонных объектов**

Ленинград, ул. Зодчего Росси, 1/3, 3-й подъезд, комн. 321
Телефоны 42-03 и коммутатор Откомхоза 00081-54, доб. 267
Расчетный счет № 01437 в Ленингр.
отд. КОМБАНКА 4 декабря 1941 года.

АКТ ЭКСПЕРТИЗЫ № 87

1. Составлен экспертами группы экспертизы АПУ инж. Глушковым А. Я. и Вилесовым В. И.

2. Представители сторон, присутствовавшие при осмотре: представители Государственного музея этнографии – зам. директора по научной части Потопов Л. П., техник Бурак Д. Я. и мастер по отоплению Кузьмин Ф. К.

3. Основание осмотра – отношение Государственного музея этнографии.

4. Объект экспертизы – Государственный музей этнографии.

5. Цель осмотра и вопросы, поставленные перед экспертизой.

Выяснение возможностей пуска в эксплуатацию (полностью или частично) системы центрального отопления и сети противопожарного водопровода в связи с имеющимися в здании авариями от попадания АБ и ЗАБ.

6. Местонахождение осматриваемого объекта – Инженерная улица, д. 4/1.

7. Наименование адреса организации:

а) Строящей (заказчик) – Государственный музей этнографии.

б) Проектной

8. Наличие технических и др. документов, предъявленных экспертизе.

Никаких документов не предъявлено.

9. Объем и стоимость предъявленного к осмотру.

10. Дата и время выполнения объекта.

11. Метод осмотра – осмотр на месте.

12. Характеристика состояния объекта в момент осмотра.

а) Левая часть здания (исторический отдел) почти во всех оконных проемах не имеет переплетов и стекол; перекрытия и крыша частично разрушены. Правая часть здания (этнографический отдел Ср. Азии, Сибири и т. д.) также имеет частичное разрушение оконных переплетов и стекло и значительные разрушения светового фонаря.

б) Здание имеет центральную насосно-водяную систему отопления с корнваллийскими котлами.

В настоящее время система не работает, вода спущена. Местами радиаторы и трубы (в мешках) лопнули от замерзания воды. Часть радиаторов и труб разрушена от попадания АБ в здание. В подвальном помещении частично сохранилась старая паровая система с индивидуальным паровым котлом, не работающая с зимнего сезона 1939–1940 г.г., когда была переоборудована система отопления здания музея с паровой на водяную.

в) В здании имеется сеть противопожарного водопровода, в настоящее время выключенная. Часть труб лопнула от замерзания в них воды, часть повреждена от попадания АБ в здание.

13. Перечень претензий, заявления и объяснения представителей, сделанные экспертизе:

Представители музея заявили о желательности отопления подвального помещения, ввиду наличия в нем экспонатов; отопление остальных помещений желательно для возможности нормального функционирования противопожарного водопровода.

Заключение экспертов:

На основании изложенного экспертиза приходит к следующим выводам:

1. До полного устранения имеющихся разрушений и повреждений крыши межэтажных перекрытий, оконных проемов и светового фонаря пуск в эксплуатацию (полностью или частично) систем центрального насосно-водяного отопления и противопожарного водоснабжения недопустим, во избежание замерзания систем и последующего полного выхода их из строя.

2. Ввиду заявления представителя музея о желательности отопления подвального помещения, содержащего экспонаты, администрации музея необходимо тщательно проверить состояние старой, частично разобранный системы парового отопления в целях выяснения возможности использования ее для отопления подвала при условии частичного дооборудования системы.

Инж. А. В. Глушков
Инж. В. И. Вилесов
Ст. инж. В. П. Ярустовский

Экспертизу и консультации проводили высококвалифицированные специалисты – член-корреспондент Академии архитектуры И.И. Фомин, профессор Ю.И. Ягн, доцент С.М. Шифрин, профессор Л.М. Тверской, профессор Б.Д. Васильев и др.

Основная работа Экспертно-технического отдела в 1942–43 годах заключалась в проверке смет с целью экономии государственных средств, остро необходимых фронту. После ликвидации АСЭС вопрос о порядке рассмотрения проектно-сметной документации не уточнялся. В 1944 году порядок утверждения проектов установлен только по убежищам второй категории и по переоборудованию бомбоубежищ под газозубежища.

Решение Ленсовета от 14 января 1942 года предусматривало, что АПУ будет утверждать проектно-сметную документацию при стоимости строительства свыше 1 млн рублей, но приходилось рассматривать проекты и значительно меньшей стоимости (смета 1-й Меховой фабрики, Ленинградского управления связи, Филармонии, Центрального телеграфа и др.). Из-за отсутствия других экспертных органов Экспертно-техническому отделу приходилось утверждать документацию и по другим видам инженерных работ (дренаж, горизонтальная планировка кладбищ Ленинграда, проекты отопления бань и пр.) и другим ведомствам (смета на строительство дома отдыха ВКП(б) в Кавголово, на реставрацию ограды ДК им. Урицкого и пр.). Можно предположить, что из-за отсутствия регламентации 90% проектно-сметной документации проходило через ЭТО АПУ.

В протоколе заседания Исполкома (п. 32) от 28 марта 1943 года №87 говорится, что для обеспечения своевременного проведения работ, создающих возможность ускоренного восстановления первоочередных объектов,

необходимо провести комплекс мероприятий:

«1. Закрепить за управлением культурно-бытового и жилищного строительства аварийные объекты, подлежащие первоочередному восстановлению (жилые дома на ул. Гоголя, 4; пр. 25 Октября, 30 и 68; пр. Володарского, 11; наб. Мойки, 1, наб. 9 января, 12–14; Кронверкской ул., 21).

УКБС (т. Кутин) и УЖС (т. Дроздов) ознакомиться с техническими проектами зданий и совместно с отделом проекрования АПУ (т. Рубаненко) приступить к обследованию фундаментов и несущих конструкций зданий, требующих частичной разборки завалов, а также к производству обмеров отдельных элементов зданий.

Разработать к 10 мая с. г. проекты организации строительных работ по намеченным объектам.

2. Обязать Ленжилпроект (т. Исаков) как заказчика немедленно заключить с УКБС и УЖС договоры на составление проектов организации строительства и производство строительных работ

3. Предложить главному архитектору города (т. Баранов) обеспечить своевременное рассмотрение технических проектов в Экспертном совете, а также закончить разработку основных рабочих чертежей и смет по первоочередным объектам, подлежащим восстановлению. Срок – 15 мая 1943 года».

Новые грандиозные задачи по восстановлению разрушенной войной промышленности и городского хозяйства привели к реорганизации всего строительного комплекса СССР. В сентябре 1943 года в целях обеспечения государственного руководства архитектурными и планировочными работами по восстановлению разрушенных фашистами городов и населенных мест Совет Народных Комиссаров Союза СССР постановил:

1. Образовать при Совете Народных Комиссаров Союза ССР Комитет по делам архитектуры.

2. Создать при совнаркомах союзных и автономных республик и в гг. Москве, Ленинграде и Киеве управления по делам архитектуры, действующие по директивам Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР.

3. Образовать при председателе Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР государственный архитектурный совет; создать при начальниках управлений по делам архитектуры при совнаркомах союзных и автономных республик, а также в гг. Москве, Ленинграде и Киеве архитектурные советы...

29 марта 1944 года (через два месяца после снятия блокады) советское правительство приняло постановление о первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда. Мечты ленинградских архитекторов и строителей о восстановлении

АКТ ОБСЛЕДОВАНИЯ АВАРИИ

Ленинград

« ____ » _____ 194__ год

Мы, нижеподписавшиеся

а) представитель штаба МПВО _____

б) представитель ЭТО АПУ _____

или гл. инженер РЖУ _____

или инженер ведомства _____

при участии _____

произвели осмотр (название здания или сооружения, адрес, наименование владельца), подвергшегося аварии « ____ » _____ 194__ г.

При этом установлено следующее:

1. Общая характеристика здания или сооружения в целом, до аварии, с указанием конструкций, этажности и кубатуры здания.
2. Причина аварии с указанием веса (калибра, места попадания, места взрыва бомбы или снаряда).
3. Состояние здания или сооружения после аварии (зоны повреждения и разрушения; повреждение и разрушение отдельных частей, фундаментов, стен, перекрытий, крыши, балконов, эркеров, лестничных клеток и пр.). Особо выделяются спецпомещения с указанием, в частности, появления в них воды через поврежденные стены, полы, водопроводные или канализационные трубы.
4. Экономическая оценка последствий аварии.
5. Представляет ли здание или сооружение угрозу обвала; если да, то в какой части и какого именно характера ожидаются разрушения.
6. Объем аварийных мероприятий:
а) по устранению угрозы безопасности со стороны аварийного здания и последовательность их осуществления;
б) по устранению угрозы дальнейшего разрушения (немедленный ремонт кровли, заделка брешей, крепление межэтажных связей и т. п.).
7. Основные мероприятия по консервации здания и последовательность выполнения намеченных работ.
8. Необходимость в дополнительном обследовании данной аварии (указывается конкретно, что должно быть обследовано и в каком отношении).

Подписи:

Пушкина, Петродворца, Стрельны, Кронштадта и лесопарковой зоны.

2. Организация и разработка проектов планировки, реконструкции, застройки, архитектурного оформления и благоустройства города и проектов жилых, культурно-бытовых и общественных зданий и сооружений как новых, так и восстанавливаемых и реконструируемых.

3. Утверждение планов реконструкции, восстановления, застройки и архитектурно-строительных проектов жилых, культурно-бытовых, общественных и промышленных сооружений, как новых, так и восстанавливаемых и реконструируемых проектов архитектурных монументов и других элементов архитектурного оформления и благоустройства города, разработанных организациями и учреждениями независимо от подведомственности, а также выдача архитектурно-планировочных заданий на проектирование и технических паспортов на строительство.

4. Рассмотрение проектов планировки, реконструкции и застройки важнейших магистралей, площадей, набережных, а также проектов важнейших зданий и сооружений для утверждения в Комитете по делам архитектуры СССР.

5. Проведение экспертизы и консультирования организаций и учреждений по всем архитектурным и строительно-техническим вопросам, связанным с восстановлением, реконструкцией и строительством зданий и сооружений, а также выдача технических заключений по аварийным работам на объектах, пострадавших от военных действий.

6. Государственный архитектурно-строительный контроль за правильностью застройки территорий, качеством строительства, его соответствием утвержденным проектам и соблюдением законодательства о строительстве.

родного города начали реально воплощаться в жизнь – уже в марте 1944-го разработан план восстановления. Созданное в марте же 1944 года Управление по делам архитектуры при Исполкоме Ленинградского городского совета депутатов трудящихся в целях обеспечения высокого качества планировочных и архитектурно-строительных работ по восстановлению Ленинграда, Колпино, Пушкина, Петродворца, Стрельны, Кронштадта и лесопарковой зоны осуществляло государственное руководство и контроль за деятельностью в области архитектуры, проводимой в Ленинграде различными организациями и учреждениями независимо от ведомственного подчинения, и разрабатывало проекты планировки, реконструкции, восстановления, застройки и благоустройства города.

На Управление по делам архитектуры Ленинграда возлагалось:

1. Практическое осуществление всех мероприятий в области планирования, реконструкции, восстановления, застройки, внешнего архитектурного оформления и благоустройства Ленинграда, Колпино,

Работа предстояла огромная. Свыше 3 тысяч жилых домов лежали в руинах, более 7 тысяч оказались полуразрушенными. По ходу работ у ленинградских архитекторов и строителей родилась идея разуплотнения застройки исторического центра за счет разборки руин малоценных зданий. Так, были, например, расчищены Невский и Суворовский проспекты. В районе Манежной площади снесли поврежденные бомбежкой мелкие строения и увеличили Кленовую аллею, с которой по замыслу зодчего К.И. Росси должен был открываться вид на Инженерный замок. Достаточно быстро было отремонтировано сильно пострадавшее от бомбежек здание Кировского (Мариинского) театра оперы и балета – в сентябре 1944-го театр уже начал свою деятельность. Летом 1945-го на Аничковом мосту вновь появились скульптурные группы Клодта.

Население города стремительно росло. В 1944-м в Ленинграде было чуть более по-

лумиллиона жителей, а в 1946-м – уже 1 миллион 240 тысяч. Люди возвращались в родной город из эвакуации, с фронта к разбитому очагу. Проблемой стал обыкновенный ремонт квартир. В начале 1945 года в городе открылось 23 магазина, где по разрешению районных органов власти можно было купить обои, краску, мел. Но самой острой в послевоенном Ленинграде была жилищная проблема – возвращавшиеся из эвакуации горожане находили в своих квартирах новых жильцов, вселенных после бомбежек...

С созданием в 1944 году Управления по делам архитектуры Ленинграда и образованием в его структуре двух самостоятельных контролирующих отделов – экспертно-технического и государственного архитектурно-строительного контроля – единые с 1920-х годов надзорные органы (Управление губернского инженера – Управление строительного контроля), занимавшиеся как экспертизой проектов и

смет, так и общим надзором за соблюдением постановлений и технических норм по строительству, разделились на два независимых направления, и единый процесс надзора за строительством фактически разрушился.

Новые структуры занимались каждый своей областью – либо экспертизой проектов и смет, либо надзором за фактическим строительством, а появляющиеся в рабочем процессе нестыковки и «зазоры» становились причиной многочисленных трудностей в работе. Конец этому разобщению положен в 2004 году с созданием Службы государственного строительного надзора и экспертизы Санкт-Петербурга: после отделения Управления архитектурно-строительного надзора из Комитета по строительству и архитектуре произошло его слияние с Управлением государственной вневедомственной экспертизы.

Глава из книги:

*А.И. Орт, В.М. Соловьев, М.В. Золотарева
«От Питербурха до Петербурга»*

Судьба пригородных дворцов-музеев – особая глава в летописи войны и послевоенного возвращения к мирной жизни. В память о 70-летию Великой Победы ГМЗ «Петергоф» подготовил материалы о двух важнейших направлениях музейной работы того далекого времени. Это эвакуация коллекций и первые шаги по восстановлению разрушенного войной ансамбля. Перелистывая сегодня страницы архивных документов, мы видим, что многое еще нами не осознано. Вглядываясь в фотографии того времени, мы вспоминаем людей, чьим самоотверженным трудом сохранены для нас великолепные памятники.

А.В. НИКИФОРОВА,
начальник службы
сохранения и изучения
памятников культуры
ГМЗ «Петергоф»

ПЕТЕРГОФ

Эвакуация музейных ценностей Петергофа и Ораниенбаума в июне-сентябре 1941 года

Самоотверженность хранителей, проявленная при спасении значительной части предметов искусства, составлявших петергофские и ораниенбаумские музейные фонды Великой Отечественной войны, является неоспоримым фактом и подтверждается статистикой количества эвакуированных предметов¹. Однако все чаще сегодня возникает вопрос выбора,

сделанного в те далекие годы в отношении оставленных на оккупированной территории музейных ценностей, а также влияние на сложившуюся ситуацию конкретных решений и исторических событий.

Из доклада начальника музейного отдела Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета (УКППЛ)² С.Н. Трончинского об эвакуа-

Ю.В. ЗЕЛЕНЯНСКАЯ,
заведующая
отделом архивных фондов
ГМЗ «Петергоф»

ции и консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов известно, что к моменту объявления войны на предприятиях УКППЛ действовал план разгрузки, разработанный в 1936 году³. В результате работы специальной комиссии с участием искусствоведов Э.К. Кверфельда и С.П. Яремича был составлен список предметов, предлагаемых

Фотографии предоставлены ГМЗ «Петергоф», Государственным архивом Новосибирской области, Музеем города Новосибирска, Музеем истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул), П.В. Петровым

Большой дворец и Большой каскад, 2014 г. Фотограф Вячеслав Королев

В ЛЕТОПИСИ ВОЙНЫ

Петергоф. Большой дворец. 1938–1939 гг.

Большой дворец. Голубая приемная. 1927 г.

Большой дворец. Голубая гостиная. 1910-е гг.

Большой дворец. Кабинет императрицы. 1930-е гг.

к вывозу из дворцов-музеев г. Пушкина, г. Петергофа, г. Слуцка и г. Красногвардейска, состоящий из 4871 ед. хранения⁴. Такое незначительное количество музейных предметов было обосновано тем, что комиссия учитывала только самые «редчайшие»⁵ памятники произведений искусства. Кроме того, в этом плане были определены эвакубазы в двух местах: в г. Горьком и г. Сарапуле. Минимальным было и количество железнодорожных вагонов, необходимых для эвакуации: для Гатчины было предусмотрено выделение четырех вагонов, для Павловска – двух, для Петергофа – одного⁶.

Несмотря на попытку пересмотра плана разгрузки, предпринятую после завершения генеральной инвентаризации музейных ценностей в 1938 году и выявление значительного количества уникальных вещей, не вошедших в первый список, к началу войны музеи УКППЛ были подготовлены только в пределах плана разгрузки 1936 года.

Недальновидность этих расчетов выявилась сразу же после эвакуации первой очереди музейных предметов⁷. В упомянутом докладе С.Н. Трончинского указывалось, что «большие трудности... встали перед музеями и Управлением... в связи с недостатком материалов, необходимых для упаковки...»; и это понятно, так как закупка и изготовление «эвакуационной тары» производилась исключительно в расчете на количество единиц хранения, зафиксированное в 1936 году. Так, в план разгрузки не был включен Ораниенбаумский

Дворец Монпелье. Екатерининский корпус. Желтый зал. 1930-е гг.

дворец-музей. Ящики для транспортировки вещей из этого музея были сделаны наспех, одного размера, что, соответственно, осложнило работу по их отбору⁸. Из коротких записей участника эвакуации 1941 года, научного сотрудника Ораниенбаумских дворцов-музеев З.Л. Эльзенгр можно проследить этапы проведенных работ: «27-го инвентаризация, дела по консервации музейных вещей и здания, 28-го переноска из фондов в нижний этаж. Мебель, вазы, материи... 30-го укладка ваз. Акты на перемещение»⁹. Упакованные ящики с ораниенбаумскими музейными предметами направлялись в Петергоф, так как с 29 июня 1941 года Ораниенбаумские дворцы-музеи и парки «включили в число Петергофской дирекции»¹⁰.

В послевоенных воспоминаниях об эвакуации музейных ценностей Петергофа в 1941 году, составленных непосредственным участником событий М.М. Ребанэ¹¹, содержится следующая информация: после объявления войны сотрудники музея должны были превратить предприятие в объект обороны и одновременно начать «спасать ценности дворцов и парков»¹². «Музейные работники стали снимать и собирать предметы убранства... Это было очень сложное дело. Каждый предмет надо было... проверить по описям не только в смысле установления соответствия с описанием, но, в особенности, в смысле того,

можно ли и как можно его эвакуировать. Только после такой тщательной проверки заактировалось соответствующее решение и предмет подвергался к необходимой обработке, упаковке и укладке в ящик. Каждый предмет заворачивался в бумагу или полотно (иной еще и в вату, в отдельную коробку или в войлок). На обертке или коробке наносился шифр предмета, а в описях отмечалось, в какой ящик предмет уложен»¹³.

В неполных четыре месяца, довольно короткий для таких работ срок, по свидетельству М.М. Ребанэ, удалось не только тщательно, по всем правилам музейного хранения, упаковать и отправить в эвакуацию большую часть наиболее ценных вещей петергофской коллекции, но и особым образом, с применением специальной технологии, спрятать в земле парковую скульптуру. «Из парковой скульптуры, – указывал он, – эвакуировали главным образом позолоченные бронзовые фигуры, носившие подписи их мастеров. Остальные... были спрятаны в “Гроте”... Что же касается мраморных статуй, то дело в отношении их осложнилось. ...решили захоронить их в земле <...> Для захоронения каждой статуи были вырыты нужных размеров ямы. Дно и стены этих ям были “облицованы” хорошо утрамбованной глиной, чтобы ограничить приток в яму воды. Затем на дно ямы настилался довольно

Музейные работники в Танцевальном зале Большого Петергофского дворца. 1941 г.

Н.М. Михайлов и З.Л. Эльзенгр за упаковкой китайского фарфора перед эвакуацией. 1941 г.

М.А. Тихомирова и представитель от школы ЛВУ у изъятых из захоронения статуй «Юпитер» и «Жрица». Май 1945 г.

Разрушенный Церковный корпус Большого дворца.

Каток на Советской площади. 1945–1950 гг.

толстый слой сухого песка, и на него положен ящик со скульптурной фигурой. Каждая же фигура в ящик укладывалась в тщательно выдолбленные в поперечинах “пазы”, чтобы она устойчиво лежала в “ложе”... Заколоченный ящик сверху и с боков засыпался песком, поверх которого настилался и утрамбовывался слой глины. Только после того, как вокруг ящика со скульптурой была создана такая своего рода капсула, яма засыпалась землей и покрывалась дерном или засеивалась»¹⁴.

М.М. Ребанэ фиксирует размеренные и скрупулезные действия петергофских сотрудников, что не во всем сходится со свидетельствами, обнаруженными в других документальных источниках. Его рассказ можно скорректировать сведениями о том, что в этот период имелись значительные трудности, связанные с отсутствием не только необходимых упаковочных материалов, технических средств, но и людских ресурсов. В докладе С.Н. Трончинского

упоминается о том, что сокращение штата сотрудников, призыв многих ведущих специалистов в Красную Армию и команды МПВО, а также массовое привлечение райсоветов всех жителей к трудовой повинности осложнило работу по эвакуации музейных ценностей¹⁵. Действительно, предметы, которые смогли эвакуировать в первую очередь, упаковывались с особой тщательностью. Однако с приближением линии фронта работать приходилось в спешке. Скорее всего, часть предметов не была упакована, что частично подтверждается воспоминаниями того же М.М. Ребанэ. О последних событиях перед наступлением вражеских войск он пишет: «Когда немецко-фашистские войска начали насаждать на Стрельну и пути по суше к Ленинграду были отрезаны, у нас были еще не отправлены многие предметы из мебели Большого дворца, вещицы из Коттеджа и т. п. Теперь мы для эвакуации стали пользоваться пожарными баркасами <...>

Грузили на баркасы “навалом”, без всякой упаковки. Но скоро и эта возможность прекратилась»¹⁶.

План разгрузки 1936 года должен был применяться сразу же после объявления о мобилизации, однако военный отдел Ленгорисполкома отложил его исполнение до особого распоряжения, т.е. до неопределенного времени¹⁷. В обход этого решения УКППЛ 29 июня 1941 года начало распределение вагонов для эвакуации и приняло на себя ответственность о начале работ независимо от утвержденного плана 1936 года¹⁸.

Несмотря на успешное решение многих вопросов, предпринятых в самом процессе эвакуации, значительную часть петергофской и ораниенбаумской коллекций эвакуировать не смогли, для их сохранности был применен метод консервации, состоявший в упаковке и складировании вещей в подвалах и на нижних этажах дворцов.

В Петергофе, по отдельным данным сводной ведомости по эвакуации музейных ценностей из дворцов-музеев 1941 года, оставалось более 34 214 тыс. экспонатов (картин, предметов декоративно-прикладного искусства, скульптуры), 11 700 книг, 1000 ед. фототеки¹⁹. Меры консервации, предпринятые для их со-

Большой Петергофский дворец, январь 1944 г.

Екатерининский корпус Монплезира. 1944 г.

хранения в Петергофе, помогли только в случае со скульптурой, захороненной в земле. Остальное было расхищено или повреждено. В Ораниенбауме из числающегося на учете КДМ по инвентарным описям 1938 года 1591 предмета было выявлено безвозвратно утраченных 166 ед. хранения, что зафиксировано в итогах сверки, проведенной в 1950 году²⁰.

Несомненный героизм всех участников этих событий был отмечен уже в 1941 году. В «Отчете об эвакуации и консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов» говорилось: «Следует отметить, что при упаковке, вывозке и отправке музейных ценностей по железной дороге коллективы научных сотрудников, музейных служителей всех пригородных дворцов-музеев показали себя как исключительно преданные делу люди, работавшие по несколько суток, не выходя из музеев, а последнее время при бомбардировках и артиллерийском обстреле»²¹.

¹ Сводная ведомость по эвакуации музейных ценностей из дворцов-музеев. 1941 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 43:

ПЕТЕРГОФСКИЕ ДВОРЦЫ-МУЗЕИ

Дата отправки	Кол-во мест	Кол-во экспонатов	Место назначения
29 июня	38	1695	г. Горький
6 июля	30	1047	г. Горький
14 июля	52	2226	г. Горький
22 августа	68	3494	г. Саратул
28 августа	93	4146	г. Саратул
13 сентября	61	324	Гос. антирелигиозный музей

² Управление ленинградскими и пригородными дворцами-музеями и парками Ленсовета было образовано в 1932 г., ликвидировано в 1938-м; на основании Постановления Ленсовета от 21 февраля 1938 образовано Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

⁴ Обзор мероприятий по консервации музейных зданий, парков и экспонатов по вывозу музейных ценностей и живых экспонатов из дворцов-музеев, музеев и Зоосада системы Управления культурно-просветительными предприятиями Исполкома Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся // ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Эльзенг З. Л. Китайский дворец после Великой Октябрьской революции. 1952–1953 // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 23. Оп. 2. Д. 89. Л. 29.

⁹ Эльзенг З. Л. Дневник I работы научного сотрудника Китайского дворца-музея. 1940–1946 // Архив ГМЗ «Петергоф». КДМ 200. Л. 19 об. – 20.

¹⁰ Управление культурно-просветительных предприятий // ОМАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 102.

¹¹ Ребанэ Мартин Михайлович (1889–1968) – директор Петергофских дворцов-музеев и парков с 29 июня 1941 г. (Приказ Управления культурно-просветительными предприятиями Ленгорсовета от 29 июня 1941 г. № 99).

¹² Ребанэ М. М. Некоторые воспоминания о том, как спасали ценности Петергофа в 1941 году. Тетрадь I // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 263–ар. Л. 4–5.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 9–10.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 об.

¹⁶ Ребанэ М. М. Некоторые воспоминания о том, как спасали ценности Петергофа в 1941 году. Тетради I, II. 1967 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 263–ар. Л. 18.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 46.

²⁰ Обобщающие и итоговые документы по музейному учету. 1950–1959 // Архив ГМЗ «Петергоф». КДМ. 643. Л. 28.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Л. 6.

Первые три партии музейных предметов были отправлены в Горький и помещены в Строгановскую церковь. Все внутреннее пространство оказалось заполнено ящиками – они помещались даже в алтаре, только в центре оставались узкие проходы¹. В этих ящиках находились фарфоровые сервизы и статуэтки из петергофских дворцов, произведения живописи, ткани.

Довольно скоро выяснилось, что непросушенное сено, в которое спешно упаковывали вещи, начало гнить. Е.Г. Левенфиш вспоминает, что в поисках упаковочного материала они «обошли расположенные неподалеку вдоль берегов Волги стекольные склады и магазины. Там собирали выброшенную из ящиков со стеклом сухую стружку и относили в Строгановскую церковь»².

В октябре 1941 года, когда налеты немецких самолетов на Горький участились, стало ясно, что необходимо перемещать музейные коллекции глубже в тыл. 8 ноября начали погрузку в вагоны. Грузчиков не было, поэтому к переноске хрупких вещей пригласили горьковскую интеллигенцию – актеров, работников Горьковского драматического театра, музейщиков.

П.П. КОТЛЯР,

заведующий сектором изучения музейного комплекса, ГМЗ «Петергоф»

А.С. ТРАПЕЗНИКОВА,

специалист по изучению архитектуры, кандидат искусствоведения, ГМЗ «Петергоф»

Территория эвакуации

Дорога в новый пункт назначения – Новосибирск – заняла 44 дня. В эшелоне из 17 вагонов отправились в тыл не только ленинградские музейные коллекции, но и предметы из смоленского и горьковского музеев. Хранители, сопровождавшие груз, ютились в одном вагоне-теплушке и вместе пережили и долгие многочасовые простои, и пожар, и томительные перегоны. Е.Г. Левенфиш вспоминает: «Нас забирала такая тоска, что мы, чтобы как-то отвлечься, стали, лежа на своих нарах, поочередно водить экскурсии по своим дворцам. Рассказывали об архитектуре, о каждой вещи, которая стояла в экспозиции, обсуждали прежние планы»³.

В Новосибирске музейные коллекции разместили в здании недостроенного Государственного академического театра оперы и балета, где уже находилось эвакуированное собрание Третьяковской галереи.

Работы по просушке, переупаковке вещей и проверке документации продолжались в Новосибирске. А в конце 1942 года в фойе театра была открыта выставка «Русское реалистическое искусство», на которой экспонировались живописные полотна из собрания ленинградских пригородных музеев.

Четвертая партия экспонатов из Петергофа в августе 1941 года была отправлена в город Сарapul Удмуртской АССР. Ящики с музейными предметами ленинградских дворцов-музеев принял Краеведческий музей, потеснив собственные экспозиции. С прибытием эшелонов из Ленинграда и размещением здесь в общей сложности более 90 000 произведений искусства музей официально стал именоваться «Музеем-хранилищем ленинградских пригородных дворцов-музеев». Его директором был назначен Михаил Александрович Легздин, эвакуированный с семьей из Ленинграда. Исследователю истории города, под редакцией которого в 1940 году вышел подробный путеводитель по Ленинграду, довелось решать в сложных условиях множество хозяйственных вопросов.

В Сарапule, как и во всех городах, хранивших эвакуированные ценности, на протяжении войны производилось вскрытие ящиков, просушка и переупаковка произведений искусства. Регулярно сотрудники хранилища поддерживали связь со специалистами Третьяковской галереи, реставраторами из Москвы, которые проводили письменные консультации по обеспечению сохранности

различных групп хранения, присылали подробные рекомендации по борьбе с молью и другими вредителями, о хранении оловянных изделий, металла, оружия, мебели, живописи. Была установлена повседневная связь с местной метеостанцией, в помещениях, как могли, круглосуточно поддерживали необходимый для хранения температурно-влажностный режим, хотя здание отапливалось печами, а воды в нем не было. Хранители сами заготавливали на зиму дрова, своими силами проводили текущий ремонт, несли круглосуточную пожарно-сторожевую охрану до 1945 года, когда вещи из Сарапuly вернулись в Ленинград.

Ежедневный труд сотрудников хранилища позволил сохранить в Сарапule люстры XVIII века с хрустальными подвесками из Большого дворца, уникальные петровские предметы из Монплезира (например, оловянные блюда, приобретенные Петром I в Англии), вещи из императорского гардероба и другие раритеты.

В Сарapul должна была отправиться еще одна партия вещей, но в сентябре 1941 года связь с Большой землей была уже прервана, вывезти их из Ленинграда не успели. Так пятая партия петергофской коллекции оказалась под сводами Исаакиевского собора. В нее попало собрание работ Пьетро Ротари из Картинного зала Большого дворца, которое первоначально не планировалось эвакуировать по причине «громоздкости». Вплоть до захвата Петергофа сотрудники пытались спасти музейные ценности – отправляли на машинах и лошадях все, что еще можно было спасти.

Несколько хранителей Петергофа, Пушкина, Гатчины и Павловска поселились в сырых и холодных подвалах собора. Здесь также велась ежедневная работа по учету и хранению экспонатов. «Каждое утро мы собирались под колоннадой южного портика Исаакиевского собора. Каждое утро привычно лязгал тяжелый полуметровый ключ-рычаг в замке громадных чугунных дверей Исаакия. Их створки открывались с глухим скрипом. А изнутри собора летом и зимой несло мертвенным холодом и сыростью. Так начинался наш обычный рабочий день...», – вспоминала М.А. Тихомирова⁴.

Уже в конце декабря 1941 года выяснилось, что грунтовые воды и испорченные снарядами водопровод и канализация не позволяют сохранить произведения живописи

си, ткани, бронзу, мебель и другие предметы прикладного искусства. Было принято решение перебазировать часть предметов в Эрмитаж, где условия более подходили для просушки.

Хранители, которые числились сотрудниками образованного в июле 1941 года «Объединенного хозяйства музеев», часто выступали с лекциями перед воинскими частями блокадного Ленинграда, тесно сотрудничали с военными художниками, помогая организовывать выставки, подкреплявшие боевой дух ленинградцев.

Музейные собрания пригородных дворцов стали возвращаться в Ленинград уже в 1944 году, после полного освобождения города от блокады. Размещенное в Александровском дворце в Пушкине Центральное хранилище музейных фондов (ЦХМФ или сокращенно ЦХ) возглавил А.М. Кучумов. И хотя пригородные дворцовые ансамбли еще лежали в руинах, здесь заботились о сохранении экспонатов, проводили реставрационные работы, организовывали выставки. Инвентарные номера с литерами «ЦХ» сейчас являются для музейщиков свидетельством того, что предмет принадлежит довоенной коллекции и пережил эвакуацию во время войны. Однако до возвращения вещей в музейные экспозиции пройдут еще годы восстановления ансамблей.

¹ Мудров Ю.В., Раздолгин А.А., Телемаков В.С. Возрождение шедевров: дворцово-парковые ансамбли пригородов Санкт-Петербурга: история и современность. СПб., 2006. С. 25.

² Левенфиш Е.Г. Из воспоминаний // Хранители. XI Царскосельская научная конференция. СПб., 2005. С. 413.

³ Там же. С. 418.

⁴ Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События. Л., 1984. С. 31.

Авансовый отчет № 18/18 1941 г.

Исполнитель: С.С. Меерович

Назначение аванса: 200 руб. 74 коп. на доставку груза особого назначения в Саратов

Сумма: 200 руб. 74 коп.

Целесообразность произведенных расходов подтверждена.

Дата: 18/10 1941 г.

Подпись: С.С. Меерович

Отчет проверен: К утверждению: ф. к.

Дата: 18/10 1941 г.

Бухгалтер: [подпись]

Отчет утвержден в сумме: 200 руб. 74 коп.

Дата: 18/10 1941 г.

Подпись: [подпись]

Бухгалтер: [подпись]

Печать: РАСПИСКА

Принят: [подпись]

Дата: 18/10 1941 г.

Авансовый отчет по доставке груза особого назначения в Саратов, подписанный С.С. Меерович. 18 октября 1941 г.

Новосибирск. На премьере в театре. 12 мая 1945 г.

Новосибирск. Завод им. В.П. Чкалова

Новосибирск. Фото 1931–1934 гг.

Во время ВОВ по Красному проспекту везли в ящики с музейными предметами в здание театра

Сарапульский краеведческий музей. Фото 1950-х гг.

К.А. ПУГАЧЕВА,
С.В. БОНДАРЕВ,

хранители музейных предметов в экспозиции,
отдел «Большой дворец» ГМЗ «Петергоф»

Груз особого назначения

Четвертую очередь музейных предметов подготовили к отправке 20 августа 1941 года, пунктом назначения груза значился Сарапул. В состав четвертой очереди входило 68 ящиков с фарфором, бронзой, хрусталем, тканями и картинами из Большого дворца, Монплезира, Екатерининского корпуса, Коттеджа и вагонов Николая II. Согласно Акту передачи музейных предметов № 723 от 20.08.1941, комиссия в составе заместителя директора петергофского музея по научной части А.П. Чубовой, инвентаризатора Т.В. Арчая и хранителя музеев Ф.А. Лосева сдала, а директор Сарапульского краеведческого музея принял музейные предметы.

По приказу № 127 директора Петергофских дворцов-музеев и парков (ПДМиП) М.М. Ребанэ в Сарапул с 20 августа 1941 года командировались научные сотрудники С.С. Меерович и В.И. Сладкевич. Они предупреждались об увольнении по сдаче груза, но не позднее 5 дней по прибытии в Сарапул. 20 августа М.М. Ребанэ сообщил в Управление культурно-просветительных предприятий Ленгорисполкома (УКППЛ) фамилии сопровождающих груз и размер аванса, выданного С.С. Меерович на расходы по перевозке груза, – 2000 руб. С каждой из сотрудниц произвели расчет по 5 сентября, исходя из окладов по 500 руб. в месяц, выплатили компенсацию за неиспользованный отпуск, выдали командировочные на 15 дней в сумме 225 руб. и квартирные на 5 дней по 7 руб. в день.

20 августа 1941 года М.М. Ребанэ подписал бумагу под грифом «совершенно секретно», в которой ставил в известность директора Сарапульского музея об отправке музейных вещей со списками на 70 листах. В этом послании М.М. Ребанэ сообщал, что груз и списки следуют в сопровождении С.С. Меерович и Д.А. Риппа-Аньолетто, который работал в Петергофе на должности архитектора. Он был военнообязанным, и для его командировки дирекция запросила разрешение военного комиссара Смольнинского района Ленинграда.

М.М. Ребанэ составил для начальника спецотдела Исполкома Сарапульского районного совета секретное послание. В нем – просьба оказать содействие по перевозке груза со станции Сарапул до Краеведческого музея. В случае, если здание музея окажется перегруженным, он просил найти другое помещение, отвечающее условиям хранения эвакуируемых предметов.

С.С. Меерович получила не подлежащую оглашению инструкцию. Согласно документу, ей и В.И. Сладкевич поручалось сопровождать груз особого назначения в количестве 68 ящиков, перевязанных проволокой и запломбированных пломбой и сдать их по акту № 723, к которому приложены списки музейных предметов. Все бумаги находились в пакете, запечатанном сургучной печатью Дирекции Петергофских дворцов-музеев и парков. Один экземпляр акта подписывалось переслать в секретном порядке на имя Дирекции ПДМиП в адрес УКППЛ: Ленинград, ул. Чайковского, дом № 29, если телеграфно не будет сообщен какой-либо другой адрес. В каждом экземпляре акта на первой странице необходимо написать полное название «музея-приемщика» и фамилию принявшего груз директора музея, а также дату выдачи и номер доверенности. На второй странице акта в правом нижнем углу приемщику надлежало расписаться в приеме имущества, а в левом нижнем углу – в приеме второго экземпляра акта. На всех документах должна быть поставлена печать. В пути следования на сопровождающих лежала обязанность обеспечить охрану груза, целостность упаковки и пломб, для чего устанавливалось посменное дежурство сопровождающих. По прибытии на место научному сотруднику надлежало найти Краеведческий музей, организовать выгрузку и доставку груза к месту хранения. Инструкция предписывала сдать груз в музей в закрытых опломбированных ящиках. В случае порчи упаковки ящик нужно было раскрыть, заактировать состояние вещей, запломбировать и опечатать ящик пломбой. В пути следования С.С. Меерович поручили телеграфировать в Дирекцию ПДМиП. Два вагона отправились в Сарапул со станции Новый

Петергоф 22 августа 1941 года в 13 часов. 27 августа С.С. Меерович телеграммой сообщила из Череповца, что все в порядке и груз следует в Вологду. 9 сентября аналогичное послание из Муромы об отправке в Арзамас.

Вместе с эвакуированными предметами в Сарапул действительно отправилась С.С. Меерович. О том, кто из петергофских сотрудников сопровождал ее в пути, говорится в еще одном письме М.М. Ребанэ в УКППЛ от 24 августа 1941 года. В этой бумаге директор ПДМиП сообщал о расчете сотрудников, командированных в Сарапул с пятой очередью эвакуируемых ценностей. В конце послания М.М. Ребанэ добавил, что в предыдущем письме от 20 августа 1941 года допустили ошибку, и фамилия второго сопровождающего – Сладкевич – не переправлена на Риппа-Аньолетто. Таким образом, в Сарапул 22 августа 1941 года отправились два вагона с петергофскими ценностями в сопровождении научного работника С.С. Меерович и архитектора Д.А. Риппа-Аньолетто. В.И. Сладкевич продолжала трудиться в Петергофе, спасая музейную коллекцию. Затем она оказалась на оккупированной территории, но после освобождения Петергофа вернулась на прежнее место работы.

Сарапул. Монтаж выставки «Спасенные сокровища». 1984 г.

П. В. ПЕТРОВ,
ведущий архивист отдела
архивных фондов ГМЗ «Петергоф»,
кандидат исторических наук

Деятельность органов управления города Ленинграда

по обеспечению начального этапа восстановления
дворцов и парков г. Петродворца в 1944 году

После своего освобождения от немецких захватчиков 19 января 1944 года, город Петергоф представлял собой сплошные руины. По словам секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданова, город испытал на себе «наибольшие разрушения и варварства противника» и от него «осталась только вывеска»¹.

В дневнике главного хранителя петергофских дворцов и парков М.А. Тихомировой отмечалось, что Большой Петергофский дворец был сожжен, а его центральная часть практически полностью уничтожена взрывом. Нижний парк производил впечатление пустыни с мертвыми деревьями, а Верхний сад был изуродован огромным противотанковым рвом. Большие повреждения получили дворцы Марли, Монплеизир и павильон Эрмитаж². На местах разрушенных дворцово-парковых ансамблей в Пушкине, Петродворце³, Павловске и Гатчине в те дни побывали советские деятели культуры и искусства, а также иностранные корреспонденты, которые зафиксировали колоссальные разрушения на территории всемирно известных дворцов и парков⁴.

В связи с освобождением пригородов Ленинграда и необходимостью принятия срочных мер по сохранению разрушенных

памятников искусства Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов уже 2 февраля 1944 года подготовил проект решения о первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов-музеев и парков. В соответствии с ним было решено реорганизовать Музейный отдел Управления по делам искусств, из которого выделялись в самостоятельные бюджетные учреждения – дворцы-музеи и парки городов Пушкин, Петергоф, Ораниенбаум, Павловск и Гатчина⁵. В указанные музеи назначались директора и главные хранители. Основной задачей музеев следовало считать сбор музейного имущества и деталей отделки, сохранившихся во дворцах и разбросанных по гражданским строениям, проведение работ по консервации дворцов и приведению их в порядок, а также охрану парков, дворцов и павильонов. В проекте решения Ленгорисполкома категорически запрещалось «использовать здания и сооружения, принадлежащие дворцам-музеям, под какие бы то ни было утилитарные цели, без согласования с Государственной инспекцией по охране памятников и разрешения Исполкома Ленгорсовета»⁶. Однако реализация данного проекта была отложена на время в силу ряда объективных трудностей, связанных с недавним освобождением территории указанных дворцов и парков. Одновременно в Ленгорисполкоме был подготовлен и проект организационной структуры Музейного отдела Управления по делам искусств⁷.

Судьба разрушенных петергофских дворцов-музеев и парков сразу же привлекала пристальное внимание видных деятелей

советской культуры. Уже 11 февраля 1944 года начальник Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда Н.Н. Белехов направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову и второму секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Кузнецову, в котором подчеркивал всемирное значение дворцово-парковых ансамблей в Петродворце, Пушкине и Павловске и настаивал на недопустимости их дальнейшего разрушения. Н.Н. Белехов указал на необходимость принятия срочных мер по охране и консервации сохранившихся остатков пригородных дворцов и подчеркнул, что лишь соответствующие указания властей Ленинграда «позволят мобилизовать нужное внимание к дворцам-музеям и дадут уверенность в сохранении величайших ценностей, вызывающих гордость у русских людей»⁸.

11 марта 1944 года председатель Комиссии по учету и охране памятников искусства при Комитете по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР академик И.Э. Грабарь обратился к председателю СНК В.М. Молотову с письмом, где пожаловался на действия Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов, который, по его мнению, недооценивал значение пригородных дворцов и парков и не предпринимал достаточных мер для организации их охраны. По мнению И.Э. Грабаря, вопрос о восстановлении дворцов необходимо было выделить из общего вопроса о восстановлении коммунального хозяйства, «ибо время не терпит и каждый час промедления в данном деле равносителен гибели дворцов, вполне восстановимых при условии немедленного принятия неотложных мер»⁹.

В своем письме заместителю председателя СНК СССР А.Я. Вышинскому от 23 апре-

Н.Н. Белехов (справа) во время подготовки к Научно-экспертному совету ГИОП. 1940-е гг.

**Петродворец.
Воскресник в Верхнем саду**
13 августа 1944 г.

ля 1944 года председатель Ленгорисполкома П.С. Попков отверг обвинения и сообщил, что с первых же дней освобождения пригородов около дворцов были выставлены милицейские посты, а «специальными саперными частями Ленинградского фронта проведена весьма большая работа по разминированию дворцов и, частично, территории парков»¹⁰. Кроме того, П.С. Попков специально указывал, что решением Исполкома Ленгорсовета уже на второй квартал 1944 года намечен перечень неотложных работ по консервации пригородных дворцов и элементарному обустройству парков. И уже с марта в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны о первоочередных мероприятиях по восстановлению Ленинграда велась разработка проектов по восстановлению городов Петродворец и Пушкин как мест отдыха населения Ленинграда¹¹.

Попков отнюдь не случайно направил письмо Вышинскому в этот день: именно 23 апреля 1944 года Исполком Ленгорсовета принял решение № 112, где пунктом 22 значился следующий – «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев»¹². Здесь говорилось, что Управление по делам искусств Ленгорисполкома и исполкомы Пушкинского и Петродворцового районных советов должны принять меры по сохранению пострадавших памятников архитектуры. Необходимо было собрать музейное имущество и детали отделки, сохранившиеся во дворцах, в землянках, гражданских строениях, а также находящиеся у граждан. Требовалось немедленно приступить к первоочередным работам по консервации и приведению дворцов в элементарный порядок.

Летом 1944 года следовало провести расчистку и элементарное благоустройство Верхнего и Нижнего парков г. Петродворца, Александровского и Екатерининского парков г. Пушкина. Надлежало также организовать охрану дворцов, павильонов, парков, а кроме того, провести научно-

исследовательскую работу и сбор научного материала для реставрации подлежащих восстановлению дворцов¹³. Управлению по делам искусств было предписано представить к 1 июня 1944 года в Исполком Ленгорсовета план неотложных мероприятий и перечень строительных работ по каждому дворцу, предусматривающих предотвращение дальнейшего разрушения.

В качестве приложения к решению №112-22 был утвержден «План работ по первичной консервации пригородных дворцов-музеев, подлежащих выполнению во втором квартале 1944 года»¹⁴. В отношении Большого дворца в г. Петродворце было поручено произвести разборку завалов и сбор деталей, устройство козырьков для окрытия стен, а также зашивку проемов¹⁵. Фактически данное решение Ленгорисполкома было логическим развитием проекта решения от 2 февраля 1944 года и являлось общей программой действий по восстановлению пригородных дворцов и парков.

Чрезвычайно важную роль в деле восстановления дворцов и парков г. Петродворца сыграло принятие 29 марта 1944 года постановления Государственного комитета обороны «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году». В нем было определено, что пригородные дворцы в Пушкине, Петродворце и Павловске должны быть восстановлены «как места для отдыха трудящихся г. Ленинграда»¹⁶. В соответствии с этим документом в Ленгорисполкоме в конце марта 1944 года был подготовлен проект постановления Совета Народных Комиссаров СССР «О восстановлении городов Пушкин и Петродворец», где было предложено «восстановить в прежнем виде внешний ансамбль дворцово-парковых территорий Екатерининского, Александровского, Павловского, Александрии и Петровского (Верхнего и Нижнего) парков, включая всю фонтанную систему г. Петродворец – как излюбленных мест массового отдыха

трудящихся Ленинграда»¹⁷. Еще более важным моментом было предложение восстановить в Петродворце «для использования под дома отдыха и санатории» Большой Петергофский дворец, дворец Коттедж, Нижнюю дачу, дворец Бельведер, Фермерский дворец и дворец Лейхтенбергского¹⁸.

Вопрос о восстановлении пригородных дворцов и парков был специально затронут в докладе А.А. Жданова на пленуме Ленинградского горкома ВКП(б) 11 апреля 1944 года. В своем докладе Жданов прямо сказал о задаче по восстановлению Петродворца и Павловска как о первоочередной, чтобы дворцы и парки, расположенные в них, были приведены в порядок и стали местами загородного отдыха для населения Ленинграда. А 26 апреля 1944 года Исполком Ленгорсовета принял решение № 112-46, разрешающее «гражданам, ранее проживавшим в гг. Пушкин и Петергоф, находящимся в настоящее время в освобожденных районах Ленобласти, возвращение на постоянное жительство в гг. Пушкин и Петродворец»¹⁹.

Тем временем в Дирекции дворцов-музеев и парков г. Петродворца активно проводилась работа по разминированию и расчистке территории Нижнего парка, Верхнего сада и парка Александрия от завалов, а также консервации зданий и поискам музейных предметов. Первым делом 22 июня 1944 года инженерными частями Балтийского флота было проведено сплошное разминирование территории Нового Петергофа на участке от бывшей Гранитной фабрики до границы парка Александрия и усадьбы Знаменка²⁰.

Для последующего проведения работ по расчистке парков широко привлекалось местное население, участвовавшее в воскреснике 16 июля и субботнике 22 июля 1944 года. По сведениям Ленгорисполкома, в результате работы 16 июля было очищено 37 340 м² аллей и 100 900 м² газонов, были разобраны завалы деревьев на пространстве 800 м (на Марлинских аллеях), расчищены Березовая, Марлинские, Малибанская аллеи от дворца Марли до Самсоньевского канала²¹. К концу сентября 1944 года на территории дворцов и парков г. Петродворца было расчищено 182 тыс. м² аллей и площадок, 304 тыс. м² газонов, 5260 м² фонтанных бассейнов, разобрано 55 м³ противотанковых древесных завалов, засыпано 7,5 тыс. м³ воронок, траншей и противотанкового рва в Верхнем саду, разобрано 23 м³ блиндажей, расчищено 230 м² завалов строительного мусора у ковш, грота и Большого Петергофского дворца, произведено лечение 420 деревьев²².

Следует заметить, что общая сумма, потраченная на восстановительные работы в Петродворце за 1944 год, составила 444,8 тыс. руб. Значительная часть этих затрат (184 тыс. руб.) пришлось на парковые работы, в основном связанные с расчисткой завалов и благоустройством территорий. На консервацию музейных зданий было потрачено 20 тыс. руб., на консервацию, перевозку и реставрацию садово-парковой скульптуры – 24 тыс., на сбор и приобретение музейных вещей и архитектурных деталей – 18 тыс., на фиксацию разрушений – 43 тыс., на восстановление жилого фонда – 20 тыс., на проектно-сметные работы – 75 тыс. руб.²³

Для подготовки к открытию парков Петродворца в летний сезон 1945 года, 16 ноября 1944 года Исполком Ленгорсовета принял решение № 127-8-з, где обязал Исполком Петродворцового райсовета и Управление по делам искусств Ленгорисполкома к 1 июня 1945 года: 1) очистить все аллеи и газоны и привести их в благоустроенное состояние; 2) спилить засохшие деревья, выкорчевать и убрать пни и спиленный лес; 3) очистить все открытые канавы, обеспечив сток воды со всех канав в Финский залив; 4) полностью засыпать противотанковый ров в Верхнем саду на всем его протяжении и разбить в саду газоны; 5) проштыковать все газоны в партере Верхнего парка и вдоль Самсоньевского канала в Нижнем парке и засеять их травой весной 1945 года; восстановить полностью большие цветники в Нижнем парке и цветочную оранжерею; 6) очистить все естественные и искусственные пруды и вод-

ные бассейны от водяных зарослей, мусора и различного хлама; исправить мощение дна искусственных прудов парков и другое²⁴.

Начальнику Управления по делам искусств Ленгорисполкома Б.И. Загурскому поручили обеспечить посадку весной 1945 года новых молодых деревьев взамен погибших на центральной Марлинской и Малибанской аллеях, а председателю Исполкома Петродворцового райсовета Нефедову – выделить необходимое количество рабочих для производства работ. Также Управлению по делам искусств и Управлению садово-паркового хозяйства и зеленого строительства было поручено в срок до 1 декабря 1944 года провести инвентаризацию зеленого массива парков и фитопатологическое обследование всех деревьев парков.

Управлению «Водоканал» была поставлена задача к 1 июня 1945 года отремонтировать в парках г. Петродворца водопровод и канализацию. Управлению строительства Ленгорисполкома поручили восстановить разрушенные пилоны при входе в Верхний сад, здание павильона Эрмитаж и фасады дворца Монплеизер. Управление «Дормост» должно было к 1 июня 1945 года построить два моста через Самсоньевский канал – против Марлинской аллеи и против Малибанской. Наконец, Управление по делам архитектуры Исполкома Ленгорсовета готовило в срок до 1 января 1945 года необходимую техническую документацию. Контроль за выполнением данного решения был возложен на заместителя председателя Исполкома Ленгорсовета Е.П. Федорову²⁵.

Итак, в течение 1944 года органы партийной и советской власти города Ленинграда проделали огромную подготовительную работу по обеспечению начального этапа восстановления дворцов и парков г. Петродворца. Крайне важным вначале было выработать общую программу действий по восстановлению разрушенных памятников истории и архитектуры на территории дворцово-паркового комплекса, на основании которой уже принимались конкретные решения. Совершенно обоснованным было первоначальное восстановление парков, после которого было решено переходить к восстановлению фонтанной системы Петродворца, а затем – к восстановлению дворцов (Большого Петергофского, Монплезира и Эрмитажа). Правильно выбранная стратегия действий во многом способствовала успешному проведению ремонтно-реставрационных работ во дворцах и парках Петродворца в 1940–1950 годах.

Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жиганов и маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов

¹ От войны к миру: Ленинград. 1944–1945: сборник документов / отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2013. С. 35.

² Архив ГМЗ «Петергоф». Л.ф. 7. Д. 30. Л. 1–2.

³ В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1944 г. город Петергоф был переименован в Петродворец.

⁴ От войны к миру. С. 20–21.

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1259. Л. 116.

⁶ Там же. Л. 116–116об.

⁷ Там же. Л. 113.

⁸ Там же. Л. 117–117об.

⁹ От войны к миру. С. 320. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1259. Л. 108–109.

¹⁰ От войны к миру. С. 320. ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1259. Л. 107–107об.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1259. Л. 107об. Оп. 18. Д. 1524. Л. 161.

¹² Там же. Оп. 18. Д. 1534. Л. 80–81.

¹³ Там же. Л. 80.

¹⁴ Там же. Л. 82–83.

¹⁵ Там же. Л. 83.

¹⁶ Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 1. Д. 9. Л. 4. От войны к миру. С. 320.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 17. Д. 1180. Л. 64.

¹⁸ Там же. Л. 64.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1534. Л. 202.

²⁰ Там же. Ф. Р-4917. Оп. 3. Д. 2. Л. 12–14.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 50. Л. 70.

²² Там же. Д. 51. Л. 17–18.

²³ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-312. Оп. 2. Д. 2. Л. 1а.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1579. Л. 124.

²⁵ Там же. Л. 125–126.

Великая Отечественная война стала своеобразным рубежом, разделившим жизнь царскосельского музея на «до» и «после». Огромные потери, пустые глазницы Екатерининского дворца, руины на месте некоторых павильонов, навсегда уничтоженные или утерянные предметы искусства – вот что увидели вернувшиеся в город сотрудники музея. Все, что было после – это история titанического труда, колоссального душевного вклада реставраторов. По крупицам, в результате огромной исследовательской работы было восстановлено очень многое, но даже сейчас, к сожалению, мы не можем сказать, что полностью вернулись к до-революционному или хотя бы довоенному состоянию.

Сейчас мы ведем масштабную реставрацию Александровского дворца, которую планируется завершить к 2018 году. В 2016-м примет первых посетителей павильон «Арсенал», а обновленный комплекс Императорской фермы откроет двери через три года.

Ольга Таратынова,
директор ГМЗ «Царское Село»

**«Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...»
Косоприцельным огнем бил из дворца пулемет,
Мы, отступая последними, в пушкинском парке
Деву, под звяканье пуль, в землю успели зарыть.
Время настанет – придем. И молча под липой столетней
Десять саперных лопат в рыхлую землю вонзим...
«Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой»,
Льется, смывая следы крови, костров и копыт.**

«Царскосельская статуя», 1943 г. Владимир ЛИФШИЦ

В апреле 1917 года во всех пригородных императорских резиденциях вокруг Петрограда были созданы приемочные комиссии, на которые была возложена ответственность за осмотр и описание состояния художественного имущества дворцов, которым предстояло стать музеями.

В Царском Селе комиссию возглавил архитектор и искусствовед Г.К. Лукомский (1884–1952). Времени для проведения задуманной работы было представлено крайне мало. Художественно-историческая комиссия, работавшая в царскосельских дворцах – Екатерининском и Александровском, состояла из людей высоко-профессиональных, обеспокоенных состоянием зданий, интерьер-

ов, произведений искусства. В первом путеводителе, составленном по Екатерининскому дворцу в 1918 году, Г.К. Лукомский призвал: «Пора чинить все и чинить основательно, иначе будет поздно и придется тогда уже не ремонтировать, а реставрировать».¹ Специалисты комиссии старались отметить все, что требовало повышенного внимания. Художник С.Е. Зарин вел специальную опись-обмер, в которой фиксировал состояние всех предметов архитектурно-декоративного убранства, отдельных фрагментов. Он зафиксировал, зарисовал, описал и обмерил все убранство интерьеров Екатерининского дворца, засвидетельствовав необходимость проведения самых неотложных работ. Пер-

вым номером указана Янтарная комната, в которой был необходим ремонт осыпавшихся янтарных панелей. Первые профилактические работы были осуществлены прямо на месте, в интерьере.

Комиссия начала свою деятельность в небольшом составе: председатель Г.К. Лукомский, заместитель – В.К. Лукомский (брат); член-хранитель М.И. Рославлев; хранитель В.И. Яковлев; сотрудники – А.С. Комелова, Е.Н. Якоби, В.Э. Роде, И.А. Судравская, Ф.Г. Бернштам, Э.Ф. Голлербах. Все лето они прожили в Церковном флигеле Екатерининского дворца-музея, чтобы в максимально короткие сроки провести инвентаризацию предметов, создать музейную экспозицию

Л.В. БАРДОВСКАЯ,
главный хранитель ГМЗ «Царское Село»

ДВОРЦЫ ГОРОДА ПУШКИНА

и написать описи и картотеки экспонатов. 14 ноября 1918 года (уже в Детском Селе) утверждена новая система управления под началом особого комиссара-инспектора, в связи с чем Г.К. Лукомский подал в отставку. На его место 4 ноября 1918 года был назначен архитектор В.И. Яковлев, им была осуществлена научная концепция экспозиций обоих дворцов-музеев. Все интерьеры приведены в соответствие с требованиями экспозиций музеев – вынесены «лишние» предметы, исполнены все требования пожарной безопасности, проложены дорожки по маршрутам движения посетителей, проведено дополнительное освещение, пошиты специальные тапки для хождения по историческим паркетам, установлен этикетаж.

Была проведена научная классификация всех художественных произведений. Производилась фотофиксация живописи, мебели, фарфора, бронзы, скульптуры.

В 1919–1920-е годы проводили проверку библиотек обоих дворцов. Из подарков и предметов, поднесенных императору Николаю II и его семье в юбилейные годы, была устроена выставка, демонстрирующая кустарное и фабричное производство России во всех областях и на лучших образцах.

В залах дворцов проводились необходимые работы по реставрации обветшавших плафонов Первой антикамеры; в Картинном зале укрепляли красочный слой на живописных картинах и работали с разложившимся лаком; чинили паркет. Студенты архитектурных вузов городов Ленинграда и Москвы на летней практике занимались обмерами и делали кроки с произведений выдающихся зодчих.

Первые итоги работ, проведенных в императорских дворцах, были озвучены в Ленинграде в 1923 году. Отчет был составлен хранителем Детскосельских дворцов-музеев В.И. Яковлевым 21 января 1923 года.²

К 1923 году коллектив музея значительно изменился, что следует из «Анкет», составленной 17 января 1923 года.

Главным лицом являлся хранитель Детскосельских дворцов-музеев В.И. Яковлев³, помощник хранителя – Елизавета Николаевна Якоби⁴ (с 1917 г.), помощник хранителя – Анна Сергеевна Комелова⁵ (с 1918 г.),

научные сотрудники: Евгения Дмитриевна Полякова⁶ (с 1919 г.), Анастасия Николаевна Армадерова⁷ (с 1921 г.), Анастасия Евгеньевна Андреевская⁸ (с 1921 г.), Анастасия Феофиловна Муханова⁹ (с 1921 г.), архитектурная часть – архитектор Александр Романович Бах (с 1886 г.), управдел – Анна Михайловна Александрова-Ступина¹⁰ (с 1912 г.).

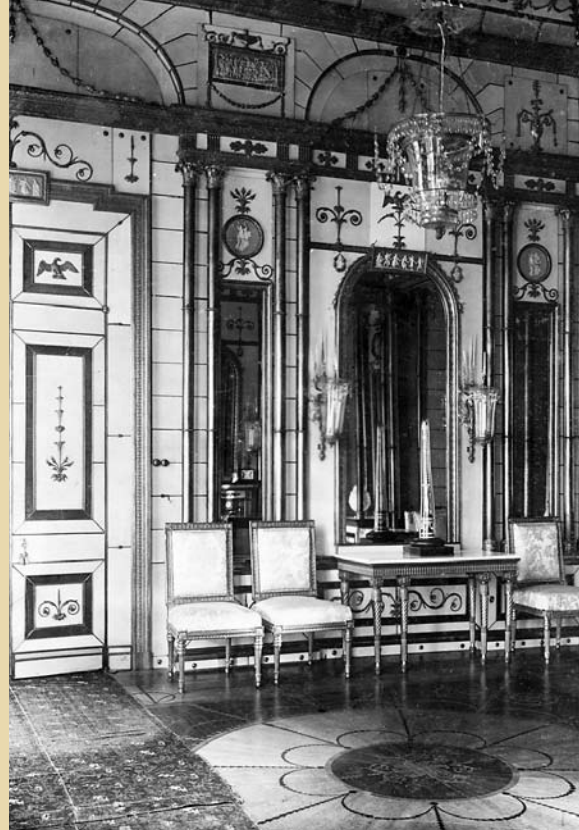
Этот состав сотрудников пришел на смену тем, кто ушел вместе с Г.К. Лукомским.

К середине 30-х годов состав сотрудников обновился снова: начали работать в музее Т.Д. Фомичева, Н.А. Трофимова, В.В. Лемус, А.М. Кучумов, Е.Л. Турова, сестры Мышковские. Их ждали суровые будни – комплектование антикварного рынка национализированными культурными ценностями для продажи их за границу. Изъятием ценных предметов из дворцовых коллекций занимались многочисленные ведомства. В первую очередь изымались произведения из драгоценных металлов и камней, дорогие предметы культа. Затем настала очередь

Екатерининский дворец.
Большой зал. 1930-е гг.

В ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

произведений искусства, которые сегодня украшают галереи Лондона, Парижа, Рима, Вашингтона. Изъятия произведений искусства производились до 1931 года. Эта катастрофа потребовала переписывания описей: они были пересоставлены в 1938–1940 годах хранителями, получившими образование уже при Советской власти. Несмотря на все сложности, связанные с новым историческим периодом в жизни страны, во дворцах города Пушкина (назван именем поэта в 1937 г.) налаживалась музейная жизнь.

Были созданы книги учета музейных коллекций; исследованы многие художественные предметы, включенные в состав музейного собрания. В ходе генеральной инвентаризации произошло окончательное разделение предметов по коллекциям; по исторической и художественной значимости (впоследствии это сыграло определяющую роль при эвакуации музейных коллекций в 1941 г.).¹¹

К 1930-м годам фасады Екатерининского дворца заметно обветшали, что потребовало их реставрации. Для ведения работ был приглашен бывший придворный архитектор императора Николая II – Сильвио Амвросиевич Данини (1867–1942), опыт и знания которого в этом вопросе оказались незаменимы. Он выразил согласие принять участие в реставрации фасадов дворца, но этому проекту не суждено было осуществиться.

Срочной реставрации требовала также и знаменитая Янтарная комната. Первая информация о плачевном состоянии янтарных панелей и необходимости ее ремонта исходила еще от императора Николая II. 18 апреля 1913 года он повелел Дворцовому управлению осуществить необходимые работы. Их не успели провести из-за начавшейся Первой мировой войны. Серьезная реставрация нескольких па-

нелей производилась в 1933–1935 годах скульптором И.В. Крестовским. Он работал в зале, за ширмами, осуществлял подклейку отвалившихся фрагментов янтаря и укреплял места «вспучивания» облицовки. Однако к 1940 году другие фрагменты оказались в тяжелом, а несколько из них – в критическом состоянии. Профилактические заклейки были лишь временной мерой – требовалась полноценная реставрация в стационарных условиях.

Вероятно, хлопоты, связанные с реставрацией Янтарной комнаты, фотофиксация панелей, чем всегда сопровождаются реставрационные работы, поиски материала для работ – породили фантастическую версию о том, что бригада советских реставраторов во главе с А.О. Барановским изготовила копию Янтарной комнаты, которую Сталин якобы хотел подарить Гитлеру. И будто бы в июне 1941 года в Пушкине находились сразу три янтарных комнаты – подлинник, копия и эскиз. Подобная ситуация представляется совершенно не реальной по той простой причине, что все известные карьеры янтаря находились на территории Восточной Пруссии и были недоступны.

В белую ночь с 22 на 23 июня 1941 года в кабинете директора музея Владимира Ивановича Ладухина решали вопросы, связанные с эвакуацией. «С этого дня содержанием и смыслом нашей жизни, – вспоминала В.В. Лемус, – стала работа по отбору, упаковке и отправке вглубь страны старинных картин, мебели, обивочных тканей, фарфора и множества других предметов историко-художественного значения. (В пушкинских ансамблях было 72 554 ед. основного хранения и около 100 000 ед. вспомогательного.) Эвакуация музейных ценностей проводилась по указанию центральных партийных и правительственных органов...».¹²

С 22 июня до начала оккупации прошло всего 86 дней – и все это время в музее шла напряженная работа по упаковке и отправке экспонатов. Еще в 1936 году в музее был составлен особый список наиболее ценных экспонатов, находившихся в обоих дворцах и подлежащих вывозу в случае эвакуации.¹³ Эти меры были продиктованы предыдущим опытом музейной жизни (в 1918 г., когда Н.Н. Юденич наступал на Петроград, наиболее ценные предметы из коллекции дворцов были эвакуированы в Москву). После Советско-финской войны 1939–1940 годов стало очевидно, что близость государственной границы диктует свои правила безопасности, поэтому подготовка к упаковке началась срочно, сразу же после сообщения директора о начале войны (хотя никто из сотрудников музея не допускал мысли, что враг может занять г. Пушкин).

Экспонаты упаковывали тщательно, в соответствии с нормативами: картины вынима-

Екатерининский дворец. Опочивальня императрицы Екатерины II. 1930-е гг.

Параютная вышка в Александровском парке у Арсенала. 1930-е гг.

ли из рам, скрепляли попарно с интервалом 2–4 см и устанавливали в ящики; живописные полотна более 3,5 м накатывали на валы, прокладывали бумагой, обертывали тканью и клеенкой. Хрупкие предметы (стекло, фарфор, янтарь) укладывали в стружки, предварительно завернув в бумагу. Ящики маркировали, в них закладывали описи упакованного. С первого дня войны начали «освобождать» от экспонатов залы обеих анфилад (Большой и Малой): выносилось все в Предцерковный зал дворца или в южную половину здания, где находились реставрационные мастерские. В этих помещениях производилась упаковка перемещенных экспонатов. Интерьеры по-прежнему украшали плафоны на потолках, паркеты, шелка и элементы декоративной отделки – их демонтаж на этой стадии не предусматривался (это было связано с тем, что не допускалась даже мысль о возможности захвата города врагами). Силы были направлены на защиту музейных помещений от пожаров, от осколков снарядов, от последствий бомбежек. «Чердачные перекрытия над Большим залом и Церковью смазали суперфосфатом. Ценные наборные паркеты закрыли ковровыми дорожками ворсом вниз и засыпали песком. Окна сначала заклеивали бумагой, позднее марлей и плотной материей, предохранявшей от осыпания стекол. По мере обострения военной опасности приемы защиты дворцовых зданий изменялись. В конце августа до 50% окон парадной анфи-

лады забили с наружной стороны толстыми досками. А стены Янтарной комнаты оклеили сверху папиросной бумагой. Такие же предохранительные меры были приняты и в отношении стеклянной облицовки спальни Екатерины II.

Во всех залах были установлены ящики с песком и бочки с водой, а к ним – лопаты, щипцы, совки. В качестве дополнительных резервуаров использовали большие японские вазы.

Подобные мероприятия проводились и в Александровском дворце.

В парковых павильонах окна успели забить только частично, находившиеся в них ценные предметы убранства укрыли в дворцовых подвалах»¹⁴.

5 июля 1941 года первый железнодорожный состав с музейными предметами был отправлен в г. Горький.

Каждый хранитель получал свою часть списков и начинал упаковку. Первой для длительного путешествия в Екатерининском дворце упаковывали коллекцию изделий из янтаря. Г.Д. Нетуахина¹⁵ и Т.Ф. Попова¹⁶ приложили все свое умение, чтобы хрупкие изделия не пострадали при перевозке. Их труд увенчался успехом: сегодня мы гордимся знаменитым собранием янтарных произведений.

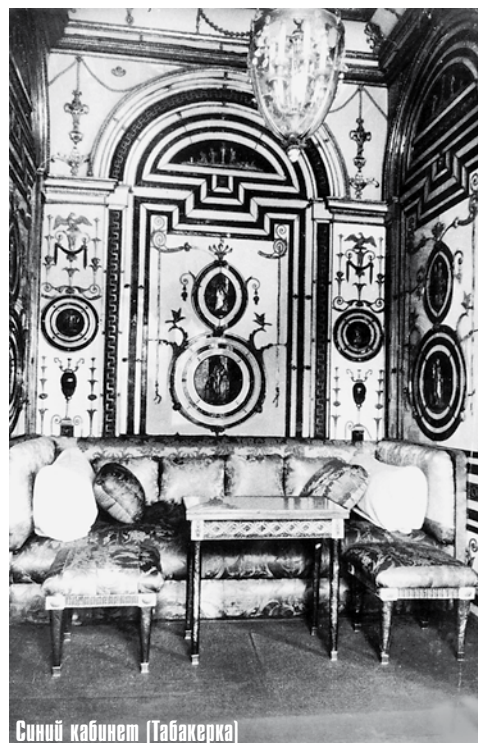
По мобилизационному плану, который вступил в действие, первым эшеломом отправлялись наиболее ценные экспонаты. За

их вывоз и хранение отвечали и отправились первыми в путь А.М. Кучумов¹⁷, главный хранитель Александровского дворца, и Г.Д. Нетуахина, главный хранитель Екатерининского дворца. Экспонатом номер один в Александровском дворце (с которого начали упаковку) был гобелен, выполненный по живописному оригиналу произведения художницы Виже-Лебрен «Портрет Марии-Антуанетты и ее детей». Он был навален на вал и уложен в большой ящик. Аналогичным образом поступали и с другими крупноформатными произведениями живописи: в первый этап вывоза вошли все изделия из драгоценных металлов; восточное оружие, отделанное бирюзой, кораллами, серебром (из Турецкой комнаты Александра II); две мозаики итальянской работы (из Агатовых комнат, XVIII в.); картины работы И. Айвазовского, Ф. Крюгера, Н. Рериха, И. Репина, К. Брюллова, К. Маковского; ковры, коллекция миниатюр, ценные художественные ткани, люстры, канделябры, часы.

На экспонаты, отправленные вторым составом в Горький, уже с трудом набрали ящики и упаковку: не хватало людей и материалов (мужчины были призваны на фронт и все работы выполняли женщины). Во вторую очередь продолжили отправку экспонатов большой художественной и материальной ценности: торшеры из цветного стекла с бронзой (Парадная голубая гостиная ЕДМ), ампирные люстры, часы, канделябры; образ-

Коллектив сотрудников Александровского дворца. 1930-е гг.

Синий кабинет (Табакерка)

императрицы Екатерины II. 1930-е гг.

Фасад Екатерининского дворца со стороны парка. 1941 г.

Парадная лестница после войны

Немецкий солдат выносит вещи из Екатерининского дворца. 1941 г.

цы мебели из разных мебельных гарнитуров; между ними укладывали плоскостные материалы иконографического характера. В Горький вместе с музейным грузом следовала А.М. Кучумова с сыном Феликсом. Они числились прикомандированными к музейной экспедиции (как и многие научные сотрудники музеев, имевшие детей). Все выезжали налегке, рассчитывая на скорое возвращение, которое оказалось возможным только через долгих пять лет.¹⁸

13 июля отправился в путь еще один вагон с экспонатами в сопровождении З.М. Скобликовой¹⁹.

Работы по эвакуации были прерваны на полторы недели, так как все сотрудники музея были (по распоряжению Пушкинского райисполкома) отправлены на рытье окопов (район деревни Толмачево и железнодорожная станция «Александровская»)²⁰.

Отправка четвертой и пятой партии экспонатов готовилась на середину августа. К этому времени во дворцах оставались только три научных работника – Т.Ф. Попова, Е.Л. Турова и В.В. Лемус. Упаковочный материал был полностью израсходован, ящики – тоже. Их наскоро сколачивали из досок, которые находились на хозяйственном дворе, заполняли газетами, соломой, сеном, которое готовили в парке, кося траву на газонах. Вагоны с музейным грузом были отправлены 20 и 22 августа в Сарапул (Удмуртская АССР) в сопровождении заведующего жилым сектором В.И. Иванова (4-я очередь), Е.Н. Матвеевой (5-я очередь). Она ехала с дочерью Маргаритой.

Отдельная история связана с укрытием мраморной скульптуры. Крупные, тяжелые, хрупкие! Их при помощи лебедки поднимали с места и опускали в вырытые рядом с постаментами и подготовленные ямы глубиной до двух метров; укладывали на доски, закрывали рогожей, рубероидом и засыпали песком, а сверху – землей, вровень с окружающим грунтом и дерном. Так были укры-

Пожар в Екатерининском дворце. 1941 г.

ты 34 мраморных скульптуры, стоявшие в парке и бюсты из павильона «Концертный зал». Были закопаны и бронзовые скульптуры: Екатерины II; «Девушка с кувшином» работы П. Соколова из фонтанной композиции «Молочница»; статуя А.С. Пушкина, работы Р.Р. Баха и статуя Ниобеи во Фрейлинском садике (у Камероновой галереи). Эти работы помогали выполнять мужчины ленинградцы-ополченцы. «Очень было трогательно, что в яме, где видна отрытая нами голова любимого лицеиста, рано утром уже были возложены цветы неизвестным патриотом-пушкинистом... Откопали «Девушку с урной»; долго искали, нашли с большим трудом, перенесли ее в Лицей... в комнату Пушкина... и посадили на скромный пьедестал...», — написал в одном из писем своим родным из Ленинграда 8 июня 1944 года А.М. Кучумов²¹.

«Это был последний эшелон — через несколько дней железнодорожная связь с «большой землей» оборвалась. Несколько изменился характер эвакуации: теперь вещи перевозили на машинах и на лошадях в Ленинград, в Исаакиевский собор (Антирелигиозный музей, входивший в систему УКППЛ — Управления культуры)»²². Вещи вывозили уже без упаковки с 1 по 10 сентября, только прикрывали клеенкой, бумагой. Вывезли картины, фарфор, скульптуру — всего 2508 предметов. 10 сентября рейс был последним. С 13 сентября начались непрерывные бомбежки и артиллерийские обстрелы.

Параллельно с эвакуацией музейных предметов в залах дворцов шла работа по укрытию экспонатов (и фрагментов убранства самих залов), которые невозможно было вывезти: панели Янтарной комнаты, наборные паркет, консоли, шелка на стенах, плафоны, мраморные камин, архитектурно-декоративная отделка из лазурита, деревянная резьба стен требовали особых условий монтажа. Упакованные, но не отправленные ящики с экспонатами переносили в подвалы и там устанавливали их в ниши, простенки между окнами. На все, что необходимо было убрать и спрятать, не хватило сил и времени²³.

15 сентября снаряд пробил стену дворца со стороны площади, разрушив интерьер Малой столовой и Рабочего кабинета Александра I. Т.Ф. Попова, Е.Л. Турова и В.В. Лемус последними покинули здание, так как работать в нем уже не представлялось возможным. Они приняли решение пешком идти в Ленинград под шквальным огнем; пересекли город по диагонали, вышли в поле за Египетскими воротами и направились в сторону поселка Шушары. Добравшись до Купчино и там увидели поезд, состоявший из четырех вагонов, двигавшийся в сторону Ленинграда и подбиравший всех, кто смог вырваться из окружения. Они прибыли на Витебский вокзал, а оттуда пришли в Исаакиевский собор, который на 900 дней блокады стал их домом и хранилищем музейных фондов. Город Пушкин был оккупирован врагом на долгих 28 месяцев.

Большой зал
Екатерининского дворца.
Разрушение. 1941 г.

11 октября 1941 года датирован официальный подробный отчет об эвакуации музейных ценностей из Пушкинских дворцов-музеев. Его автор – заместитель директора по научной части дворцов-музеев и парков города Пушкина – Т.Ф. Попова. Аналогичные отчеты составлены по эвакуации Павловска – А.И. Зеленовой; Петергофа – М.Н. Тихомировой; Гатчины – С. Балаевой.

Вера Владимировна Лемус позднее вспоминала, что ко дню захвата немцами города (17 сентября 1941 г. – Л.Б.), все музейные и дворцовые здания, за исключением Китайского театра и повреждений стен Рабочего кабинета Александра I и Малой Столовой Екатерининского дворца, находились в полной сохранности. Все парки и павильоны находились в своем обычном состоянии (были подготовлены к зиме). В городе были целы почти все здания, но повреждены осколками и попаданиями снарядов. Опасаясь артобстрелов, люди покидали свои дома и прятались в подвалах Екатерининского дворца, Лицея, Костела, Гостиного Двора. Жизнь многих сотрудников музея оказалась в опасности. Многие были убиты; некоторые оказались в гестапо.

В подвале Екатерининского дворца пряталась от снарядов Александра Семеновна Иванова (Шура) – помощник коменданта дворца. Она также упаковывала предметы

и владела полной информацией обо всем происходящем: о местах захоронения скульптуры, о количестве вывезенного в тыл, об эвакуации, имела в руках ключи от всех помещений музеев.²⁴ До войны А.С. Иванова жила в Лице (у нее была небольшая уютная комната), что позволяло быстро добираться до работы в любой дворец. В первые дни оккупации ее отправили в гестапо, где от нее ничего не добились и выпустили, но рисковать она больше не стала и ушла пешком в Гатчину, «затерялась» там на некоторое время, а затем оказалась на работах в Эстонии, где и встретила освобождение. Вернулась в Пушкин в 1944 году и вновь начала работать в Дирекции дворцов-музеев и парков. Делала все, что было необходимо. Много рассказывала о довоенной истории памятников; о вещах, об эвакуации. Очень мало и неохотно – о войне и почти ничего не рассказывала о людях, боясь кому-либо навредить (по ее словам). Благодаря мужеству и стойкости этой женщины сохранились, я думаю, многие из спрятанных произведений искусства. В экспозиции, в восстановленных залах, стояли стойки с фото, на которых были представлены интерьеры дворца в предвоенные годы, а затем – разрушенные в 1941–1944 годах. Экскурсоводы рассказывали скупо о днях оккупации и много говорили о работах, проводимых реставраторами, а также – об утраченных произведениях искусства.

Как известно, с 1939 года Германия покрывала страну за страной и повсюду немецкие войска похищали произведения искусства. В 1940 году был создан Einsatzstab Reichsteiter

Rosenberg (ЭРР) – оперативный штаб рейхс-лейтера Альфреда Розенберга – главный аппарат по отчуждению культурных ценностей²⁵. В этот же период Геббельсом был предложен законопроект, получивший название «Репатриация предметов культуры из вражеских государств». Он поручил Отто Кюммелю (директору Берлинского музея – Л.Б.) возглавить работу по составлению списка культурных ценностей (либо имеющих немецкое происхождение, либо ранее принадлежавших немцам), которые были вывезены из страны начиная с 1500 года. Проект не был реализован, но во многом определил политику Германии в отношении произведений искусства завоеванных государств.²⁶

Янтарная комната подпала под все перечисленные пункты списка. Публикации в немецкой прессе дают представление о деятельности этой централизованной и координирующей службы, действия которой направлены на учет и транспортировку в Германию культурных ценностей с оккупированных земель. Управление оперативным штабом по пригородам Ленинграда осуществлял в 1941 году Г. Утикаль Лерхард (работал под руководством А. Розенберга в штабе по вывозу произведений искусства; начальник его главного имперского отделения. После 1945 г. жил в Германии).

Вслед за передовыми частями в городе появились немецкие искусствоведы, которые исполняли конкретные задания в прифронтовой зоне и потому согласовывали свои действия с офицерами Вермахта. Кроме руководителей отделов, в командировки на «места» из Германии приезжали эксперты. В Пушкин отправилась рабочая группа «Остланд» (база в Риге; штаб А. Розенберга) из группы «Nord». Нильс фон Хорст – ве-

Большой зал Екатерининского дворца.
Разрушение. 1941 г.

Арабесковый зал. 1944 г.

дущий специалист по вопросам искусства – 26 сентября 1941 года получил назначение на охрану музейных предметов в пригородах Ленинграда. Об осмотре дворцов, упаковке музейных предметов и их вывозе свидетельствуют документы 18-й армии и устные рассказы и воспоминания жителей (А.С. Ивановой, Л.В. Котовой и Е.С. Гладковой), которые в дни оккупации находились в Пушкине и многое видели своими глазами.²⁷

29 сентября 1941 года в полевом журнале боевых действий 18-й армии группы войск «Север» была сделана запись: «...ротмистр граф Сольмс из штаба группы армий, которому поручено отобрать произведения искусства в императорских резиденциях, просит поставить охрану в городе Пушкине, где взрыв авиабомбы причинил некоторые повреждения (разрушены стены, потолок с плафоном в Большом зале – Л.Б.)». Эта запись устанавливает дату разрушения Большого зала. Вероятно, тогда же сделано фото, которое постоянно иллюстрирует разрушения в этом интерьере. Скорее всего, оно сделано немецкими военными. «В настоящее время солдаты на передовой своими неосторожными действиями могут нанести дворцу ущерб, в связи с чем охрана поручена 50-му армейскому корпусу...». Это же подтверждает финский генерал П. Талвела, который осматривал дворец; 3 марта 1942 года он нашел его состояние удовлетворительным.

В документах этого корпуса находятся важные для нас записи:

«01.10.1941. Красногвардейск (так в предвоенные годы именовалась Гатчина – Л.Б.)... в район действия корпуса прибыли ротмистр граф Сольмс и гауптман Пенсен».

«14.10.1941. Красногвардейск... Транспортировка экспертами по искусству... графом Сольмсом и ...Пенсеном предметов ис-

кусства из Гатчины и Пушкина... среди них облицовка стен Янтарного зала из замка в Пушкине (Царское Село), в Кенигсберг...» (впервые сделано уточнение, что комнату транспортируют в Кенигсберг. Это свидетельствует о том, что решение о ее хранении и местонахождении было принято заранее, задолго до ее вывоза из Пушкина – Л.Б.).

В Пушкине осмотр и вывоз музейных предметов осуществляли, как следует из вышеприведенных архивных документов, Сольмс²⁸ и Пенсен.

В России наиболее известен один из представителей рода – граф В. Фридрих фон Сольмс-Зюнневальде (1730–1783). Он являлся прусским чрезвычайным посланником и полномочным министром в России в 1760–1770 годах. Сопровождал в поездках по ней принца Генриха Прусского (брата прусского короля Фридриха II), вел дневник его пребывания в России в 1770 году. Для нас в этой связи интересно и важно то обстоятельство, что господин посланник неоднократно встречался с императрицей Екатериной II (решая государственные вопросы). Так, 10 августа 1770 года в Царское Село прибыл вице-канцлер князь Голицын вместе с графом В.Ф. фон Сольмсом. В Янтарной комнате дворца господин посланник имел частную аудиенцию у Екатерины II. Затем последовал обед в узком кругу (Камер-фурьерский журнал).²⁹ Знаменательный факт: именно летом 1770 года императрица Екатерина II завершила работы в Янтарной комнате. Интерьер приобрел вид и состояние, которое имел до 1941 года. Можно предположить, что этого события коснулись при обсуждении за обедом государственных дел посланник и императрица. Думаю, не подлежит сомнению, что офицер Отто Сольмс

знал, что его предок бывал в Царском Селе и видел комнату в далеком 1770 году (возможно, в семье сохранялась об этом информация).³⁰ Возможно, не случайно, а «по наследству» ему поручили заниматься отбором и осмотром художественных произведений в пригородных музеях Ленинграда, руководствуясь перечнем (или списком) предметов, подлежащих вывозу в Германию, номером один в котором, повторимся, была Янтарная комната³¹.

В октябре 1941 года конвой с музейными предметами из Пушкина был отправлен на Запад. Вместе с Сольмсом эту операцию осуществлял гауптман Георг Пенсен³².

Маловероятно, чтобы такие серьезные специалисты, как О. Сольмс и Г. Пенсен, работая на передней линии фронта с коллекцией произведений искусства, собранной русскими императорами, всемирно известными шедеврами, не сделали фотосессии в интерьерах дворцов и не произвели фотофиксации музейных предметов, которые отправляли в Германию. Однако до настоящего времени не обнаружены ни списки вывезенных предметов, ни их фото. Между тем известно, что Вермахт предоставлял для этих целей фотоаппараты и фотолaborатории, работавшие в полевых условиях (именно так было сделано фото разрушенного Большого зала в сентябре 1941 г.). Это тем более странно, если учесть, что в Пскове была оснащенная база, где проводили маркировку вещей (в отличие от передовой линии фронта в Пушкине). Существуют, выполненные в 1941 году немецкими специалистами, – фото фарфоровых блюд, мебели, живописи, графики, которые фиксируют произведения искусства из пригородных коллекций Ленинграда.

Музейные ценности транспортировали через Гатчину, Лугу до Пскова (который

был оккупирован через две недели после нападения гитлеровской Германии на СССР). В октябре 1945 года это был уже глубокий тыл фашистских войск: в Пскове находились штаб и другие подразделения группы армий «Север» и, конкретно, «Отдел по охране культурно-художественных ценностей». Им руководил уполномоченный Главного Штаба армий «Север» граф Эрнст Отто Сольмс-Лаубах. Его деятельность сводилась к сохранности полученных и обнаруженных предметов, их учету, фотофиксации и подготовке к дальнейшей транспортировке.

В период 1941–1944 годов Псков был основной базой складирования культурно-художественных ценностей всего Северо-Запада, со сложившейся единой централизованной службой, осуществлявшей в оккупированных областях мероприятия по конфискации. Главная штаб-квартира находилась в Берлине, откуда выезжали квалифицированные, заранее подготовленные эксперты этих подразделений, входившие в состав рабочих групп и зондеркоманд по обследованию музейных собраний, памятников, библиотек, архивов. Ими составлялись отчеты.³³

К сожалению, нам не известна в полной последовательности цепочка передвижений музейных предметов, как и судьба многих произведений: мы знаем, что часть экспонировалась на выставках в Пскове, Риге и Кенигсберге в период 1942–1943 годов.

После освобождения Пушкина в 1944 году начался розыск музейных предметов, которые могли оставаться на освобожденной территории. Все мы знаем по рассказам очевидцев, из литературных источников, архивов, кинохроники, прессы, как искали музейные предметы.

Уже весной 1944 года началась разборка завалов в здании дворца: искали фрагменты убранства. Небезуспешно. Экспонаты (или то, что от них оставалось) находили в большом количестве в парках, в городе и вокруг него. В землянках, в блиндажах, в домах, в квартирах, где размещались офицеры и солдаты, находили куски тканей, содранных со стен в интерьерах дворцов; там же были мебель, фарфор; облицовочные панели, которыми «украшали» оккупанты свои «интерьеры». Наборные двери из Агатовых комнат, двери карельской березы из Александровского дворца использовали в качестве мостков через канавы в парках.

Множество фрагментов – осколков мраморных скульптур, каменных ваз, фарфора, каминов тщательно собирали в парках в надежде восстановить впоследствии.

Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что бои за город в 1941 и 1944 годах и два крупных пожара (1943 и 1944) нанесли огромный ущерб дворцам Царского Села. Погибли прекрасные интерьеры, которые известны нам только по фотографиям. Потерян Китайский театр. Исчез охотничий домик Алексея. Все деревянные постройки уничтожены. Но все же большая часть зданий уникального архитектурного комплекса сохранилась. К счастью, заложенные фашистами 11 авиабомб в Екатерининском дворце и в парковых павильонах были вовремя обезврежены. Восстановление архитектурно-паркового ансамбля связано с многолетней кропотливой работой реставраторов и научных сотрудников. Этот период в истории дворцов заслуживает внимания и изучения. Сегодня дворцы Царского Села соединяют в себе творческий гений архитекторов прошлого и мастерство реставраторов нашего времени.

¹ Лукомский Г.К. Краткий каталог музея «Екатерининский дворец». П., 1918. С. 34.

² Архив ЕДМ. Ф. III, 130–131.

³ Яковлев Всеволод Иванович (1884–1950) закончил рисовальную школу Общества поощрения художеств (занимался в ней изучением прикладного искусства); архитектурное отделение Академии художеств (был пенсионером в Италии); работал по архитектурно-археологическим обмерам новгородских церквей и памятников; на раскопках древнего Херсонеса. Путешествовал по России, изучая памятники искусства и старины. Профессор архитектуры. Был профессиональным художником-акварелистом. На службе Комиссии по управлению дворцами и парками Детского Села и Павловска с 1918 года. Занимался историей Царского Села с 1911 года. Написал ряд книг и статей о дворцах и парках Детского Села. Его можно назвать одним из первых профессиональных музейных работников Советской России.

Одновременно В.И. Яковлев занимался проектированием и строительством в г. Пушкин (выстроил в 1933–1934 годах на углу Оранжерейной улицы дугообразный корпус по неосуществленному проекту архитектора В.П. Стасова и приспособил здание для учебных целей института, надстроив второй этаж со стороны двора).

Во время войны с семьей попал в оккупацию (это сложное время жил в Кингсепе, работал в школе учителем черчения и рисования). Освобождение встретил осенью 1944 года в Эстонии. С конца 1944 года работал архитектором в Татчине, а затем перешел на работу преподавателем в Высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой. Работал в составе нескольких творческих коллективов по созданию и установке в Ленинграде памятников Н.Чернышевскому, А. Грибоедову, К.Д. Ушинскому (Архив ГМЗ «Царское Село». Ф. III, Д. 112 – О преобразовании Художественно-исторической комиссии в Дирекцию музея. 1918 г.).

⁴ Якоби Е. Н. после окончания гимназии слушала лекции в Археологическом институте и по истории искусства и эстетике в институте С. Зубова.

⁵ Колелова А.С. занималась искусством в частной мастерской художника К.Я. Крыжницкого в Академии художеств и слушала лекции по истории искусств в Археологическом институте.

⁶ Полякова Е.Д. училась в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, слушала цикл лекций Е.А. Сабанеева по истории искусств. Работала в мастерской живописца К.Я. Крыжницкого.

⁷ Армадерова А.Н. окончила Школу рисования Общества поощрения художеств. Работала в мастерской художников Я.Ф. Ционглинского и Д.Н. Кардовского. Слушала лекции по истории искусства и философии в Петроградском университете.

⁸ Андреевская А.Е. владела французским, английским и немецким языками. Специалист по библиотечному делу.

⁹ Муханова А.Ф. владела немецким, французским и английскими языками. Работала в мастерской К.Я. Крыжницкого. Специалист по миниатюрам.

¹⁰ Александрова-Ступина А.М. работала в дворцовом управлении в период Гражданской войны, затем в 1920–1930 годах и оставалась в г. Пушкине в период оккупации и работала в музее уже после войны.

¹¹ Работу координировала Центральная инвентаризационная комиссия, подразделения которой находились в каждом музее. В ее состав входили А.М. Кучунов (Пушкин), Ю.В. Смирнов (Татчина), А.И. Зеленова (Павловск). Именно им пришлось в первые дни войны спасать те музейные предметы, которые они же инвентаризировали (около 300 000 ед.).

¹² Лемус В.В. Эвакуация музейных ценностей из г. Пушкина (1941–1945 гг.). Историческая справка (на правах рукописи) // архив ГМЗ «Царское Село». №1316.

¹³ Список составлен в 1936 г. и практически повторял с небольшими изменениями перечень, составленный в 1918 г. Г.К. Лукомским.

¹⁴ Лемус В.В. Эвакуация музейных ценностей из г. Пушкина (1941–1945 гг.). Историческая справка (на правах рукописи) // архив ГМЗ «Царское Село». №1316.

¹⁵ Нетунахина Галина Дмитриевна (1905–1988) – хранитель Екатерининского дворца-музея до 1941 года. В 1942–1944 годах – ответственный хранитель Новосибирского хранилища музейных ценностей. С июня 1945 по январь 1947 года – главный хранитель Центрального хранилища музейных фондов. С января 1945 года – заведующая некрополями Государственного музея городской скульптуры, а с 1952 по 1963 год – его директор.

¹⁶ Попова Тамара Феодосевна (1904–1980) – заместитель директора по научной части дворцов-музеев г. Пушкина; в 1944–1945 годах – заведующая некрополями Государственного музея городской скульптуры; заместитель директора по научной работе Государственного Русского музея.

¹⁷ Анатолий Михайлович Кучумов (1912–1993) – в 1927 году приехал в Ленинград. В 1933 году поступил работать в Екатерининский дворец-музей: экскурсовод, научный сотрудник, ученый, хранитель комнат Александра III. В 1935 году – хранитель Екатерининского дворца; в 1936 году – хранитель комнат Александра II и фондов; в 1937 году – заведующий Александровским дворцом-музеем. С начала войны он был назначен ответственным хранителем всех эвакуированных музейных ценностей. С ноября 1941 года – ответственный за эвакуацию музейных ценностей пригородных дворцов из г. Горького в г. Новосибирск. В январе 1942 года назначен директором музея-хранилища Ленинградских дворцов в г. Новосибирске (будущее ЦХМФ).

¹⁸ Кучумова А.М. (1910–1994). Жена А.М. Кучумова. До 1941 года – научный сотрудник Пушкинских дворцов-музеев; с 1941–1956 годов научный сотрудник ЦХМФ; в 1956–1965 годах – научный сотрудник Павловского дворца-музея.

¹⁹ Зинаида Михайловна Скобликова – научный сотрудник Екатерининского дворца-музея, сопровождала предметы мебели из редких гарнитуров XVIII века; среди них 80 разновеликих китайских панно коромандельского лака XVII–XVIII вв. Они были вмонтированы в стены царской и великокняжеской лож Китайского театра в Александровском парке и представляли собой большую художественную ценность.

²⁰ М. Скобликова увлеченно изучала мебельное убранство музея, но более всего – паркеты. Она с восторгом рассказывала о деревянных «коврах» музея, и с горечью – об их гибели. О них она много писала, составляла карточки и прилагала много усилий, чтобы их эвакуировали, но «нельзя объять необъятное».

²¹ Историческая справка И.И. Лемус и ее устные воспоминания.

²² Кучумов А.М. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб.: Арт-Палас, 2004. С. 113.

²³ Там же. С «Девушкой» связана трогательная история. Среди ополченцев был молодой поэт В. Лившиц, который участвовал в укрытии скульптуры. В январе 1942 года он написал стихотворение, в котором (иносказательно, так как шла война и нельзя было раскрывать ориентиры) описал работы по укрытию на случай, если все участники акции погибнут, а выжившие найдут скульптуру, прочтут его стихи. Низкие кусты сирени, большая полукруглая железная скамья и полукруглые лавочки липа надежно укрыли место, куда закопали скульптуру в августе. Прижатая трава поднялась, проросла и замаскировала место захоронения скульптуры-фонтана «Девушки с кувшином» (1816 г., скульптор П.П. Соколов) – символа царскосельских парков. Ее извлекли из земли ранней весной 1944 года. Этот первый экспонат был помещен на задранированную тканью табуретку в комнате I этажа Лицея – так была открыта первая символическая выставка. О стихотворении рассказывала мне Зоя Иосифовна Левит, знавшая поэта лично.

«Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...»
Косоприщельным озем был из дворца пулемет.
Мы, отступая последними, в пушкинском парке священной
Деву, под звяканье пуль, в землю успели зарыть.
Время наступит – придет.
И молча под липой столетней
Десять саперных лопат в рытину землю вонзим...
«Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой!
Льетса, смывая следы крови, костров и копий».

Царскосельская статуя // Царское Село в поэзии. 1750–2000. Антология. 122 поэта о Городе муз / сост. Б. Чулков. СПб., 199. С. 234.

Там же. С «Девушкой» связана трогательная история. Среди ополченцев был молодой поэт В. Лившиц, который участвовал в укрытии скульптуры.

Сегодня наша скульптура имеет много «сестер»: гипсовый экземпляр в ГРМ; чугунный – в парке Суханова, в парке; мраморный – в Испании, у Бетанкура; в Глинке – переплавлен в 1942 году. Там находится новый – копия; в парке замка Бритц – копия с нашего; в Екатерининском парке – копия; оригинал – в фондах музея. Один экспонат породил 8 произведений.

²⁴ Янтарная комната не была демонтирована, так как приоритетными считались коллекции и движимые произведения искусства. «Демонтировать хрупкие мозаичные янтарные панно «без реставраторов-специалистов казалось варварством. Попытка (предпринятая! – Л.Б.) вынуть их из стен силами некавалифицированных рабочих угрожала осыпанием янтарных пластин и разрушением всего художественного произведения. При этом до последней минуты оставалась надежда

на то, что вражеские войска будут задержаны под городом Пушкиным. Однако остановить врага удалось лишь у стен Ленинграда». Получившая в 80-е годы XX века название «восьмого чуда света», Янтарная комната представляла собой около 100 м² балтийского янтаря, весившего более 6 т, выложенного на стенах в виде сложной мозаики с вставками из зеркал, флорентийских мраморных мозаик (Пьетра Дура) и деревянных золоченых обрамлений. Демонтаж такого произведения требовал времени, квалифицированных специалистов-реставраторов и материалов. Все это отсутствовало в музее в период эвакуации. Во время оккупации комната была демонтирована солдатами 55-го строительного батальона, упакована, вывезена в Кенигсбергский замок, и там экспонировалась. Ее подробным изучением занимался доктор А.А. Роде: крупнейший специалист по янтарю в Германии, который все о ней знал, но никогда не видел. Последний раз драгоценными художественными панелями, невидимыми и целыми, любовались в апреле 1945 года. Дальнейшая судьба шедевра до сих пор неясна: существует множество версий, догадок, вариантов. Приходится признать неизбежное – ее местонахождение неизвестно, но гибель произведения искусства не подтверждена ни одним документом. В 1979 году были завершены работы в интерьере, где размещалась до 1941 года облицовка янтарем. Было решено произвести воссоздание янтарного убора. 31 мая 2003 года (в год 300-летия Санкт-Петербурга – Л.Б.) Президент России В.В. Путин и канцлер Германии Герхард Шредер в присутствии глав 30 государств открыли новую воссозданную комнату на месте старой, исторической.

²⁵ Поскольку она была калекой (больная нога), срочно покинуть город ей было сложно. Поэтому она стала одной из первых жертв оккупации. По доносу ее доставили в гестапо, застенки которого находились в Зубовском флигеле (Китайский зал и подвал Приписной кухни).

²⁶ Розенберг Альфред (1893–1946). Из семьи ревельского сапожника. Архитектор, образование получил в Москве. Учился в Париже, затем в Мюнхене. Увлекался идеями нарождавшегося национал-социалистического движения и стал верным соратником Гитлера. С 1941 года – министр оккупированных восточных территорий.

²⁷ Холит Саймон. Коллекция украденных шедевров. Москва, 2007. С. 49.

²⁸ Крассказам и свидетельствам очевидцев относили особенно внимательно, но тщательно проверяли. Ценный материал сохранила память Л.Н. Котовой, А.С. Ивановой. Их слова передавали разворачивающуюся картину утрат, ужасающую динамику грабежа и разрушений. Мы надеемся, что воспоминания об этих годах послужат базой для дальнейших исследований в этой области.

Контр-адмирал Борис Павлович Новый много лет занимался поисками скульптуры, которая была зарыта летом 1941 года в Екатерининском парке (См. об этом: Из истории утраченной скульптуры Екатерининского парка // История Петербурга, 2006. №5(33)). Его не стало в августе 2014 года, но остались его чертёжи и наброски, которые помогут исследователям.

²⁹ Граф Сольмс-Лаубах Эрнст Отто (1890–1977); изучал в Мюнхене (1911–1914) историю искусства. С 1929 года был куратором в Liebhafhaus; с 1938 года – директор исторического музея г. Франкфурт-на-Майне. Читал лекции по истории искусства. Получил прекрасное образование и особую известность за приверженность фотографии. Ввел фото в ранг музейной науки: обучал студентов фотофиксации каждого музейного экспоната, каждого произведения искусства. Требовал, чтобы этим умением владели профессионально все музейные хранители.

Род Сольмсов принадлежит к элите немецкой нации. Многочисленные графский и княжеский род известен с XIII века.

³⁰ Камер-фюрерские журналы. 1695–1918 гг. в 100 т. Т. 18, 1770–1771. СПб., 2009, 10 августа. С. 181.

³¹ Также любопытно, что из этой семьи родственницей императрицы Александры Федоровны (жены императора Николая II) была Элеонора Сольмс-Гогенсольмс-Лих – последняя великая герцогиня Гессенская, ее невестка.

³² О деятельности человека, занимавшегося вывозом музейных ценностей из пригородных дворцов г. Ленинграда, практически ничего не публиковали советские исследователи.

Между тем, он пережил все военные действия, а после 1948 года был назначен директором Музея искусства во Франкфурте-на-Майне; являлся кавалером Ордена Почетного легиона во Франции (так как помогал найти и вернуть в музеи Франции похищенные произведения искусства).

³³ Офицер Георг Пенсен участвовал в транспортировке художественных ценностей из пригородов Ленинграда. Непосред-

ственно руководил демонтажем Янтарной комнаты, ее упаковки и отправкой в Кенигсберг. После 1945 года – директор музея в Хейдельберге. Деятельность человека, занимавшегося в равной степени с Сольмсом вывозом музейных ценностей, практически не рассматривалась советскими исследователями.

³⁴ «Отчет оперативной группы «Ингерманланд» о поездке к царским дворцам в ноябре 1941 года. Состав группы: Вундер, Штеве, Пастор, водитель Хейнен.

Позднее к группе присоединился фон Крузенштерн. Данный документ является первой частью общего отчета этой группы об инспекции царских дворцов. Вторая часть отчета («О современном состоянии царских дворцов»).

В этой первой части основное внимание уделяется таким вопросам, как подготовка группы к поездке, ее экипировка, путевые впечатления, встречи с представителями вермахта и других структур, причастных к вывозу КХЦ, особенности отношения к Штабу со стороны этих структур. Кратко затрагивается деятельность различных групп во дворцах, состояние КХЦ и их вывоз.

Группа первоначально прибыла из Берлина в Ризу, где и готовилась к поездке. Подготовка к поездке описывается детально вплоть до состояния двигателя автомобиля, профессиональных качеств водителя, особенностей обмундирования и экипировки (одежда, питание, табак и пр.). В подготовке помогал ГРГ «Остланд». Поездка из Ризы в Северскую, где расположен штаб 18-й армии, заняла 2 дня. Вундер полагает, что целесообразно перевести штаб-квартиру группы «Ингерманланд» в Таллин. Тогда группа в случае срочной необходимости сможет добраться до Петербурга за 1 день.

Анализируется отношение офицеров армии к служащим Штаба (гражданским). В связи с этим обсуждается вопрос о смене работниками Штаба коричневой партийной формы на серую военную. Приводится пример группы Кюнсберга и СД. В Сиверской у майора Рихтера группа получила карты и пропуска. Там же она неожиданно столкнулась со второй группой Штаба во главе с д-ром Эссером. В Сиверской стало известно, что большую часть КХЦ царских дворцов вывез граф Сольмс. Библиотеки вывезла группа Кюнсберга. Анализируется отношение с ней с указанием конкретных лиц. Представителем группы Кюнсберга в этом районе является зондерфюрер д-р фон Хен. Он обещал поддержку Штабу.

Описывается состояние КХЦ в царских дворцах, но не очень подробно. Среди прочего упоминается о 30 ящиках с книгами, оставленных в Таллинском дворце группой Кюнсберга, о коллекции фарфора, укрытой графом Сольмсом под террасой в Царском Селе, об обнаруженном «в одной из пяти церквей Сергиева монастыря» позолоченном алтаре в стиле «барокко».

Подчеркивается слабая материальная обеспеченность Штаба и недостаточные людские ресурсы по сравнению с группой Кюнсберга. Последняя имеет «свой взвод СС» и грузовые машины, а «без этого здесь делать нечего». Ф. 3676, оп. 1, д. 149, л. 263–284. Риза, декабрь 1941 г.

Накануне Великой Отечественной войны Павловск жил мирными заботами — проводились экскурсии и лекции, планировалось начало реставрации некоторых парковых сооружений, готовились новые художественно-исторические выставки из музейных фондов. Вторжение немецко-фашистских войск на территорию СССР открыло новые, полные трагизма страницы истории дворцово-паркового ансамбля.

А.Н. ГУЗАНОВ,
заместитель директора по хранению
и учету музейных предметов

Павловский дворец-музей в 1941–1944 годах

ЭВАКУАЦИЯ. ОСВОБОЖДЕНИЕ.
НАЧАЛО ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Медлить было нельзя

В тот же воскресный день 22 июня 1941 года, сразу после правительственного сообщения о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз развернулась эвакуация художественных сокровищ страны.

Дирекцией Павловского дворца-музея были оперативно решены все организационные вопросы, и 23 июня началась упаковка музейных предметов. Из парковых павильонов, где на летний период были развернуты и уже открыты для посетителей музейные экспозиции, в срочном порядке были перевезены во дворец все находившиеся там музейные предметы. Отбор предметов, их упаковка, транспортировка и консервация на местах проводились немногочисленной группой сотрудников музея под руководством директора И.К. Микрюкова и главного хранителя музея Ф.Н. Выходцева.

Эвакуация проводилась по мобилизационному плану, составленному в довоенное время. Однако по этому плану, утверж-

денному в 1936 году, из всех пригородных дворцов-музеев планировалось эвакуировать лишь 4871 музейный предмет из общего числа 180 тыс. Для 1200 предметов и были заготовлены ящики и упаковка. Дирекция музея оперативно решала вопросы, связанные с недостатком ящиков и упаковочных материалов.

Еще до начала войны для каждой группы музейных предметов были разработаны свои специфические условия и правила упаковки, обеспечивавшие их полную сохранность. Живописные произведения небольшого размера размещались в ящиках лицевой стороной друг к другу. Полотна крупного размера накатывались на специальные валы. Фонари, люстры, жирандоли сначала демонтировались; хрустальные подвески и металлические части упаковывались отдельно. Особенно сложной проблемой стала эвакуация музейной мебели, занимавшей большие объемы. Крупноформатные предметы, такие, как стол из Библиотеки Павла I, исполненный по рисунку В. Бренны в петербургских

мастерских Г. Гамбса, занял в разобранном виде целых три ящика. Многопредметные гарнитуры мебели вывозились частично — мебель Греческого зала, выполненную по рисункам А. Воронихина, эвакуировали в образцах: один диван из четырех и четыре кресла из 22. Со всех остальных оставшихся предметов этого гарнитура были сняты и эвакуированы уникальные обивки работы французской мануфактуры Бове¹.

Эвакуация

К 5 июля 1941 года была упакована 1-я очередь, включавшая 655 уникальных произведений декоративно-прикладного искусства и живописи: Севрский туалет, умывальный прибор Императорского стеклянного завода и туалетный сервиз Императорского фарфорового завода, выполненные по рисункам А. Воронихина для Марии Федоровны, и другие фарфоровые предметы русского и западноевропейского производства, шпалеры и гобелены, предметы бронзы, живописные произведения, в том числе работы

Художник в Греческом зале.

Фотография до 1941 г.

Гвидо Рени, Г. Робера, авторские чертежи архитекторов Павловска – Ч. Камерона, Дж. Кваренги, Т. Томона, К. Росси, П. Гонзага; несколько предметов мебели².

13 июля из Павловска в Горький была отправлена 2-я очередь музейных сокровищ, состоявшая из 1659 музейных предметов³.

31 июля специальным распоряжением Ленгорсовета директором Пушкинских дворцов-музеев и Павловского дворца-музея предлагалось оставить в Горьком в качестве ответственного хранителя всех музейных ценностей из Пушкина, Слуцка⁴, Петергофа А.М. Кучумова, а в качестве его помощника Е. Г. Левенфиш.

Третья очередь музейных экспонатов, состоящая из 3168 предметов, из Павловска была отправлена в город Сарапул 20 августа 1941 года.⁵ В этот же день директором

Павловского дворца-музея была назначена А.И. Зеленова, отозванная из Музея истории и развития Ленинграда.

Четвертую очередь отправить в тыл было уже невозможно, так как железнодорожные пути были блокированы немецкими войсками.

Последующие отправки музейных экспонатов из Павловска были осуществлены в Ленинград: 4-я очередь – 1 сентября, 5-я – 3 сентября, 6-я – 5 сентября. Таким образом, в Ленинград было отправлено 2180 музейных предметов, где местом хранения для музейных предметов пригородных дворцов-музеев стал Исаакиевский собор. Окна и купол собора были замаскированы. Несмотря на попадание снарядов, собор выстоял. Но отсутствие вентиляции и чрезмерная влажность постоянно угрожали сохранности экспонатов. В конце 1943 года многие музейные предметы из Исаакиевского собора были перемещены в Государственный Эрмитаж, Академию художеств, Музей истории и развития Ленинграда и Дом занимательной науки.

Консервация музейных ценностей

С июля 1941 года параллельно с отправкой в эвакуацию музейных предметов во дворец и парке проводились работы по консервации музейных залов, парковых павильонов, осуществлялось укрытие скульптуры. У сотрудников музея даже не возникла мысль о возможности оккупации

пригородов Ленинграда, поэтому все работы сводились к тому, чтобы уберечь вещи в случае последствий военных действий – пожара, взрывной волны, артобстрела. Вся мебель была снесена и размещена на первом этаже, причем все гарнитуры были перемещены, чтобы в случае возгорания в одном месте сохранились предметы, находившиеся в другом. Фарфор, стекло и другие хрупкие предметы были размещены в кладовых, расположенных в подвале Павловского дворца.

Античная скульптура также была укрыта и засыпана песком в одном из подвальных помещений, а вход в него был замурован и замаскирован, чтобы фашисты не нашли этот тайник, и действительно, во время оккупации он не был обнаружен. В ящики комодов были сложены ткани: драпировки и портьеры. Зеркала, стекла окон второго и третьего этажей были заклеены тканью, а окна первого этажа были заколочены досками и засыпаны песком. Художественные паркеты были закрыты коврами ворсом вниз и засыпаны слоем песка в два–три сантиметра. На чердаках и в помещениях дворца были расставлены емкости с песком и водой для тушения пожаров и зажигательных снарядов.

В августе были начаты работы по захоронению парковой скульптуры. Для этого были вырыты ямы, на дно которых предварительно насыпался песок. Все эти работы проводились конспиративно. Планы укрытия скульптуры были засекречены⁶.

Большой дворец. Парадный плац. Общественные мероприятия.

Фотография до 1941 г.

Собрание сотрудников пригородных дворцов-музеев и музеев Ленинграда в подвале Исаакиевского собора.

(слева: С.В. Трончинский, С.Н. Балаева;
справа: А.И. Зеленова, Т.Ф. Попова, Н.В. Вейс)
6 ноября 1941 г.

Сотрудники Павловского дворца-музея сумели эвакуировать 12 997 экспонатов, однако 9 136 музейных предметов, дворцовая библиотека, включавшая около 17 000 томов книг, крупная коллекция литиков, принадлежавшая императрице Марии Федоровне, осталась во дворце.

Разграбление Павловска

17 сентября 1941 года Павловск был занят немецкими войсками. С началом оккупации началось целенаправленное разграбление Павловского дворца-музея нацистами.

В сентябре-октябре 1941 года дворцы Царского Села, Павловска, Петергофа и

Гатчины были обследованы офицерами отдела «по охране культурно-художественных ценностей» при Штабе группы армий Север, которые находились в подчинении директора музея во Франкфурте-на-Майне графа Эрнста-Отто Сольмса-Лаубаха. Отдельные наиболее ценные музейные пред-

**Дезинфекция книг
в Библиотеке Росси.**
Фотография до 1941 г.

Экскурсия в парадной спальне.
Фотография до 1941 г.

меты из Павловска, видимо (документы не сохранились), вместе с предметами других дворцов, в том числе Янтарной комнатой, 16 октября 1941 года были отправлены в Ригу. Книги библиотеки России в количестве 12 237 томов были вывезены сотрудниками спецподразделения («зондеркоманды») под руководством оберштурмбанфюрера СС барона Эберхарда Кюнсберга в Берлин. Зондеркоманда находилась в непосредственном подчинении министерства иностранных дел рейха. Целью «зондеркоманды Кюнсберга» был поиск архивных документов, «представляющих ценность для немецкой внешней политики», но они ограничивались не только документами, но изымали книги и произведения искусства.

Сотрудниками группы «Ингерманланд» оперативного штаба рейхслайтера Альфреда Розенберга, организованной в ноябре 1941 года в течение года в Ригу были вывезены коллекции архитектурной графики, рукописи и негатека Павловского дворца. В одном из донесений сотрудник Шильде писал: «Лучшие предметы из внутреннего убранства вывезены большевиками. Сохранилось несколько больших картин, много икон, хорошие стулья и кресла, собрание бронзовых и мраморных статуй в античном стиле, которые были законаны в саду (спасены капитаном Гуттманном), коллекцию гемм изъяло и вывезло СС». Помимо группы Кюнсберга, графа Сольмса, штаба Розенберга произведения искусства вывозили:

экономическая команда «Герлиц», СД, отделы пропаганды и прочие службы⁷: «Павловск. Летний дворец Павла I занят штабом одной из дивизий. Комендантом дворца является капитан Гуттманн, некоторое время его замещал унтер-штурмфюрер СС Бурхард из СД. В этом дворце сохраняется порядок. Предметы мебели даже генералам выдаются по квитанции. Большевики из Павловского дворца изъяли и вывезли в Петербург многие культурно-художественные ценности. Бронзовые и мраморные статуи выкопаны Гуттманном в саду и помещены в здании дворца. Кроме того, сохранились стулья, кресла, светильники и ковры, а в часовне – многочисленные иконы. Библиотека вывезена группой Кюнсберга для Штаба Розенберга. Коллекция гемм изъята и вывезена СС. Здание дворца не пострадало»⁸.

Помимо группы Кюнсберга, графа Сольмса, штаба Розенберга произведения искусства вывозили: экономическая команда «Герлиц», СД, отделы пропаганды и прочие службы. Многие, видимо, расхищались отдельными офицерами как вермахта, так и испанской Голубой дивизии. На одной из фотографий, обнаруженных в Испании, запечатлено, как Зал Мира испанцы приспособили под капеллу, в которой проходила рождественская служба. На изображении хорошо видно, что завешено большое полуциркулярное окно, стоят срубленные в парке небольшие ели, офицеры сидят на креслах из гарнитура Греческого зала.

В Павловске с августа 1942 по октябрь 1943 года была расквартирована испанская «Голубая дивизия» (250-я дивизия Вермахта). Состав «Голубой дивизии» был укомплектован преимущественно молодыми испанцами не старше 25 лет. Командиром ее был назначен генеральный секретарь партии фалангистов – Муньос Грандес. Формально Испания не участвовала в боевых действиях против СССР, сохраняя вооруженный нейтралитет. «Голубая дивизия» по согласованию с немцами присягнула не фюреру, а борьбе против коммунизма. Окончательное решение о выводе дивизии было принято в

Рождественская служба в капелле, устроенной
в Зале Мира в Павловском дворце. 1941 г.

Vor der früheren Sommerresidenz des Zaren Paul I. bei Pawlowsk hat sich die deutsche Bevölkerung des Ortes versammelt, um sich bei der deutschen Verwaltung registrieren zu lassen. Zur Beseitigung der deutschen Kriegsschäden und zum Entlasten der Gasse müssen alle verfügbaren Arbeitskräfte herangezogen werden.
Aufnahme: H. Kriegerhoffer, Hans Hahnemann

Vor alten Schlössern in Sowjetrußland

Ein sowjetischer Techniker und ein Landarbeiter stehen vor dem deutschen Dolmetscher und legen ihre Antwort zur Prüfung vor.
Das Alexander-Puschkin in Ostasische Seite (früher Zarskaja Selo), die Sommerresidenz der letzten Zarenfamilie, gelangte unbeschädigt in deutsche Hand, wurde aber später von den Sowjets teilweise beschlagnahmt und zerstört.

Регистрация жителей Павловска на плацу перед Павловским дворцом.
Фото из немецкого журнала. Сентябрь 1941 г.

Галерея Гонзаго во время пожара.
25 января 1944 г.

Горящий Павловский дворец.
25 января 1944 г.

Горящий Павловский дворец. 25 января 1944 г.

город Павловск (Слуцк). Другие советские части стремительно атаковали противника с фронта. В результате ожесточенных боев сопротивление немцев было сломлено. Гитлеровцы, засевшие в долговременных укреплениях, не выдержали ударов наших войск и начали в беспорядке отступать. Овладев городами Пушкин и Павловск, наши части захватили много орудий, в том числе дальнобойных, крупные склады с боеприпасами и военным имуществом. Противник понес большие потери в живой силе».

Павловский дворец серьезно пострадал во время пожара в январе 1944 года сразу же после освобождения от оккупации. В результате него произошло обрушение кровли, во многих местах выгорели перекрытия. Сохранились кадры кинохроники горящего дворца, фотографии ТАСС, воспоминания очевидцев этого пожара. 8 января 1991 года в газете «Невское время» была опубликована статья журналиста Бориса Метлицкого, где он, ссылаясь на информацию бывшего начальника Управления по делам искусств В.А. Колобашкина, пишет: «Когда в январе 1944 года началось освобождение Ленинграда от вражеской блокады, сотрудники Управления по делам искусств не могли, не имели морального права оставаться в стороне. Ведь к ним возвращалось то, что они заботливо опекали в предвоенные годы. Как можно скорее взглянуть на состояние пригородных дворцов-музеев – вот что двигало ими. Раздобыв у военных джип, Колобашкин вместе с главным архитектором Н.В. Барановым двинулись вслед за наступающими советскими войсками. Все замечено снегом, дорог нет, сплошная целина... Большой Екатерининский дворец произвел удручающее впечатление: сорванная крыша, выломанные окна и двери, частично выгоревшие залы парадной расстреливской анфилады, искалеченная, заваленная обломками мраморная лестница. Наполовину уничтоженный Большой зал. До Павловска – три километра. Добрались, перекачываясь с сугроба в сугроб, всю работу лопатами. Еще издали стало ясно:

августе. 20 октября 1943 года она была расформирована, большинство испанских немцев вернулись домой. На мраморной колонне балкона «Палатки» сохранилась надпись на испанском языке: «Viva España 1943». Эта глубоко процарапанная в мраморе испанским солдатом надпись – как незаживающая рана, горькое напоминание о пребывании испанских оккупантов в стенах дворца.

Тихий подвиг музейщиков

Музейные сотрудники всех пригородных дворцов-музеев после занятия пригородов нацистами прибыли в Ленинград и по приказу Управления дворцов и парков Ленинграда были переведены на казарменный режим. Музейщики разместились рядом со спасенными музейными предметами – в подвалах Исаакиевского собора.

Благодаря сохранившемуся дневнику хранителя Гатчинского дворца-музея С.Н. Балаевой⁹ мы знаем о том, как героически переносили музейщики тяжелую

жизнь в блокадном Ленинграде: «19 сентября – «Составление паспорта сундука с вышивкой Павловского дворца музея (вместе с Зеленовой и Вейс)»¹⁰ и далее «5 декабря – Комиссия по реставрации картин (Калитин и Рябов из Эрмитажа). Просмотрены картины Павловска, Пушкина, Гатчины. Признаны необходимыми заклепка и частично закрепление. 10 декабря – упаковка картин для отправки в Эрмитаж, 11 декабря – перевозка картин в Эрмитаж и сдача их по акту для реставрации.¹¹ 24 марта 1943 года – плесень на картинах из Павловска. Просушка их»¹².

Освобождение и пожар

24 января 1944 года Павловск был освобожден Советской армией. В сообщении Совинформбюро отмечалось: «Войска Ленинградского фронта продолжали успешное наступление. Наши пехотинцы, танкисты и артиллеристы, преодолевая сильный огонь противника, с юго-запада обошли город Пушкин (Царское Село) и

дворец уцелел! По пояс в снегу выбрались к зданию. Вошли внутрь. Пустые глазницы окон, в расхристанных залах гуляет ветер, потолки в бурых пятнах протечек. Кое-где обвалилась штукатурка. Не беда! Главное, что почти весь лепной декор на месте. И уже не пугает, что хрустят под ногами покореженные от сырости паркеты, валяются сорванные с петель некогда полированные двери. Все это можно восстановить. Возвращались в Ленинград оживленные, радостные. Через сутки дворец запылал. Дружно с нескольких сторон. А в городе ни единого жителя. Только небольшая тыловая команда. Воды нет. Пожарным по бездорожью не проехать. Брошенное на произвол судьбы – тушить некому! – здание горело несколько дней. Этот затянувшийся пожар и снял кинооператор... Вот и ищи виновника трагедии, – завершил свой рассказ Владимир Антонович. – С одной стороны, дьявольская немецкая педантичность в исполнение приказов: даже драпая со всех ног, гитлеровцы не забывали

включить часовые механизмы зажигательных шашек (миноискатель их не берет). С другой, наша русская беспечность – раз написано «проверено, мин нет», значит и беспокоиться нечего. А о минах-зажигалках на радостях не подумали. Оставалось одно: о случившемся умолчать...».

На пепелище

Приказом Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета от 5 февраля 1944 года за № 53 А.И. Зеленова была назначена исполняющей обязанности директора Павловского дворца-музея и парка. Таким образом, было признано, несмотря на разрушения, наличие музея в Павловске. После освобождения пригородов началась трудная музейная жизнь, с конференциями, с обсуждениями планов реставрации, с работой над документацией по восстановлению разрушенных музеев.

Иллюстрируют эту напряженную и полную драматизма музейную жизнь военного

времени записи в дневнике С.Н. Балаевой: «22 марта 1944 года конференция в охране памятников по вопросам реставрации пригородов. Ранняя классика – Павловск... 6 мая 1944 с Чрезвычайной комиссией в Пушкине, Павловске, Гатчине и епископом Николаем, беглый осмотр. Несколько подробнее Пушкин (показывал Кучумов), издали посмотрели на Павловский дворец, торопились и опасались мин¹³... 6 октября 1944 пятница. В Гатчине. Кучумов и архитектор Веселовский¹⁴. ... 29 октября 1945 года. Научно-музейное совещание работников пригородов у Рачинского. На повестке дня доклад Зеленовой «Методика фиксации архитектурно-декоративной отделки ансамблей Камерона и Растрелли». Содокладчица Гладкова, старший научный сотрудник Пушкина. Фактически методика не была дана, а показан опыт работы. По Павловску, несомненно, дельный, хотя и излишне усложненный... Качество графических работ и зарисовок очень низкое и в Павловске, а в Пушкине – стыдно было

Разрушенный центральный корпус Павловского дворца.
Фотография 1944 г.

Работы на месте разрушенной Галереи Гонзаго.
Немцы — военнопленные. Фотография 1945 г.

Установка скульптуры в Павловском парке.
Фотография 1944 г.

Раскопка завалов и извлечение скульптур.
Фотография 1944 г.

А.И. Зеленова
Фотография 1944 г.

видеть подобную работу... Но если выполнение чертежей и слабо, а схема слишком сложна, то все же в Павловске ведется работа, из которой есть, что заимствовать».¹⁵

18 февраля 1944 года сектор охраны памятников искусства при Управлении по делам искусств Исполкома Ленгорсовета провел заседание с повесткой «О состоянии дворцов и парков Ленинграда в результате варварского их разрушения фашистами». Н.И. Белехов, начальник сектора охраны памятников, в своем докладе отметил: «...если Павловский парк пострадал сильнее всего, то Павловский дворец сохранился лучше других... и имеется полная возможность его реставрации, поскольку многие помещения сохранили внутреннюю отделку».

Величина ущерба

Во второй половине 1944 года Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба утвердила акт об ущербе, причиненном историко-художественным памятникам Ленинграда, в том числе определила сумму ущерба, нанесенного ансамблю в Павловске — 1 млрд 30 млн руб., из них 625 млн приходилось на предметы художественного убранства и музейно-вспомогательный материал.

Огромный ущерб был нанесен Павловскому парку, в некоторых районах которого фашисты устроили кладбища — одно находилось рядом с памятником императрице Марии Федоровне, другое за Колоннадой

Аполлона на левом берегу реки Славянки. Кресты для 2000 могил сколотили из молодых берез Павловского парка. Были сооружены и монументальные надгробные памятники. Как вещественное доказательство варварского отношения к культурным ценностям и преступлений нацистов на территории нашей страны фрагменты этих фашистских надгробий хранятся в Павловске. Розовый павильон был разобран для строительства блиндажа. В Павловском парке было вырублено около 70 тыс. деревьев, ландшафты парка были изуродованы множеством воронок от бомб и снарядов, окопами и другими оборонительными и фортификационными сооружениями. Практически полностью была уничтожена гидросистема парка.

Начало работ по восстановлению Павловского дворцово-паркового ансамбля

В 1944–1945 годах в Павловске были начаты первоочередные работы по консервации сохранившихся фрагментов художественной отделки, расчистке завалов, поиску и сбору музейных предметов в окрестностях дворца и парка. Обратимся вновь к дневникам С.Н. Балаевой: «17 сентября 1944 года. В Павловске. В научной части очень солидная работа архитектора, работающего параллельно с научными сотрудниками. Хороша картотека по фотографиям. Слабее библиография. В общем, все серьезно продумано, несколько педантично, громоздко. Недостаточно в смысле аннотаций и обобщений, но все же в итоге хорошо. Во дворце большие работы. Анна Ивановна Зеленова действительно молодец»¹⁶. В апреле 1944 года был составлен проект объединенного решения Исполкома Ленгорсовета и Ленинградского областного совета депутатов трудящихся «О сборе и охране произведений изобразительного и прикладного искусства (вещевых памятников)», в котором говорилось: «В целях восстановления музеев, разоренных фашистскими захватчиками, необходимо осуществить сбор и охрану произведений изобразительного и прикладного искусства и предметов, имеющих историческое значение».

На территории Павловского парка, города Павловска и его окрестностей было собрано около 30 предметов мебели, два больших портрета: Петра I работы А. Пэна

и Павла I кисти В.Л. Боровиковского, мраморная скульптура и вазы, фрагменты предметов мебели. Из захоронений в подвалах дворца была извлечена античная скульптура, которая сохранилась практически без повреждений.

В период 1941–1944 годов Павловский дворец-музей утратил 8715 из имевшихся 22 133 музейных предметов. Но судьба Павловска была более счастливой, чем других пригородных дворцов. Сразу после освобождения города в 1944 году в Павловском дворце начались консервационные работы. Снимались или укреплялись лепные элементы отделки, проводилась фотофиксация и обмеры. Сотрудниками музея проводилась работа по подготовке начала реставрационно-восстановительных работ: изучались авторские чертежи архитекторов, возводивших Павловск, обмерные чертежи середины XX века, шел поиск фотографий и изучались архивные документы о строительстве дворца. Начатые в 1944 году работы по восстановлению Павловского дворцово-паркового ансамбля завершились в основном к 1970 году.

Восстановление Павловского дворцово-паркового комплекса – бесспорная заслуга коллектива музея под руководством А.И. Зеленовой. Методика восстановительно-реставрационных работ, разработанная ей, вдохновила сотрудников пригородных дворцов и зарубежных музеев на восстановление дворцово-парковых ансамблей, разрушенных во время Второй мировой войны.

¹ Сегодня больше половины гарнитура утрачено, но все обивки сохранились. Так, кресло из этого гарнитура, обнаруженное А.М. Кучумовым в Берлине в послевоенные годы, было обито подлинной обивкой, как и реконструированный диван, от которого сохранилась только спинка, возвращенная из Берлина в составе деталей иконостаса Новгородского Софийского собора.

² Сектор учета ГМЗ «Павловск». Акт № 66 от 6 июля 1941 г.

³ Сектор учета ГМЗ «Павловск». Акт № 74 от 13 июля 1941 г.

⁴ В 1918 году город Павловск был переименован в Слуцк в честь революционерки Веры Слуцкой, в 1944 году городу возвращено старое название.

⁵ Сектор учета ГМЗ «Павловск». Акт № 68 от 20 августа 1941 г.

⁶ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК-11708. А. М. Кучумова «От царского дворца – к Советскому музею». Л. 137–138.

⁷ Картотека «Z» оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941–1942. М., 1988. С. 258.

⁸ Там же. С. 258.

⁹ Балаева Серафима Николаевна (22 марта 1889 года, Санкт-Петербург – 22 мая 1960 года, Ленинград) – специалист музейного дела, с 1919 по 1956 год работала в Гатчинском дворце-музее.

¹⁰ Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб., 2005. С. 98.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Там же. С. 125.

¹³ Там же. С. 150.

¹⁴ Там же. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 202.

¹⁶ Там же. С. 218.

Будуар Марии Федоровны. Фотография 1944 г.

Северный корпус дворца. Фотография 1944 г.

«Годы наши как бы ткали паутину,
дни лет наших; а число их — семь-
десять лет, если же кто в силах —
восемьдесят лет, и большая часть
их — труд и мука, ибо кротость
пришла к нам и будем научены».

10 стих 89 псалма Псалтири,
в предании именуемого молитвой
Моисея Боговидца

Е.Н. ТИПИКИНА

ПАМЯТИ ПАВЛОВА.

Ровно 80 лет (век жизни сильного человека) разделяют двух бронзовых собак в Санкт-Петербурге — «Собаку Павлова» во дворе Института экспериментальной медицины и «Служебную собаку Ленинградского фронта».

Собака Павлова, с 1935 года грациозно восседающая на пьедестале в торжественном одиночестве, по мысли академика Павлова, должна была возвеличить в глазах ученых подопытную лабораторную собаку, бесправного страдальца и мученика науки.

Немецкая овчарка будет совсем скоро установлена на гранитный постамент воинского мемориала в лесопарке Сосновка. Сидя возле своего вожатого-сапера, эта собака, состоящая на воинской миноразыскной службе инженерных войск Ленинградского фронта, вдумчиво смотрит дрессировщику в лицо. Смотрит с осмысленным выражением и алчной потребностью работы в добровольном союзе со своим напарником-человеком.

И только хорошо представляя и зная в маленьких, но интересных и достоверных деталях историю, предшествующую созданию двух этих памятников в Ленинграде-Петербурге, можно с уверенностью называть вторую собаку, увенчанную фронтовыми лаврами и обще-

ственным уважением, — законной наследницей павловской первой, вызывающей жалость и сожаление большинства несведущих.

Собака Павлова. 80 лет назад

Памятник подопытной собаке, выполненный архитектором И.Ф. Безпаловым (1877–1958) по лично утвержденному академиком Павловым эскизу — чрезвычайно примечателен уже тем, что появился он на свет только благодаря упрямству и непререкаемости авторитета Нобелевского лауреата. Выпускник столичной Академии художеств архитектор Безпалов в 20-е годы благодаря настойчивым просьбам и ходатайствам Павлова был вызволен из-под ареста, куда он в числе многих прочих угодил за свои политические убеждения, противоречащие политике новых властей. Промпартия, к которой Безпалов в середине 1920-х причислял себя, впоследствии была разгромлена НКВД.

Благополучно выйдя из застенков под личное поручительство Нобелевского лауреата, Безпалов до конца своих дней уже не вязывался в политику, но посвятил свою жизнь и судьбу служению академику Павлову и его главному детищу — Институту физиологии. Безпалов еще при жизни Ивана Петровича

Надписи на многофигурных жанровых барельефах постамента продиктованы скульптору самим Павловым:

с лицевой стороны: «Пусть собака, помощница и друг человека с доисторических времен, приносится в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства. И. Павлов»;

с правой стороны: «Разломав штукатурку и сделав из нее пористую подстилку, собака подсадила экспериментатору прием, благодаря которому истекающий из искусственного отверстия поджелудочный сок не разъедает брюха. И. П.»;

с левой стороны: «Вылизывая у своего сородича загноившуюся на шее рану после глубокой операции, собака спасает его от смерти и сохраняет для дальнейших научных исследований. И.П.»;

с тыльной стороны: «Собака, благодаря ее давнему расположению к человеку, ее догадливости, терпению и послушанию, служит, даже с заметной радостью, многие годы, а иногда и всю свою жизнь, экспериментатору. И. П.».

Пав. 6 февраля 1948 года

Форма А

Сведения о щенке

1. Порода: Немецкая овчарка

2. Кличка: "Мур" (Миг)

3. Пол: кобель

4. Дата рождения: 28 ноября 1943

5. Заводчик: Сорос (пол. прозвище)
Угасенский НВ (отчество)

6. Его адрес: Театральная (б. 18)

7. Подпись заводчика: [подпись]

ЩЕНЯЧЬЯ

КАРТОЧКА № 1/4

действительна до доставки собаки 12 мес. возраста.

Указанный в настоящей карточке щенок зарегистрирован в школе Служебного Собаководства

Владелец щенка: Ленинградская Особая школа (пол. школа, родство)

Его адрес: Ленинград Ул. Голубой Вильгельм 3. б. 48

и л. Секретарь: К. К. К.

25. августа 1947. Адрес Школы:

СМЕНА ВЛАДЕЛЬЦЕВ		ОДНОПОМЕТНИКИ (Щенки в помете)		Ветеринар	Взнос зарегистрирован по акту актоу
№	Имя	П	А	№	№
1.		сук	1	Медик	
		" "	2	Марта	
		кобель	3	Масе	
		" "	4	Мур	
		" "	5	Меру	
		" "	6	Мур	
		" "	7	Масе	
		" "	8		

Взнос внесен в размере: Руб. ... коп.

Сбор внесен в размере: Руб. ... коп.

«...Самым страшным было разминирование. Мины, фугасы, минные ловушки. Ошибется собака, ошибешься сам – погибнешь. Собака обозначала снаряд посадкой перед миной. Пока мина не обезврежена, собака не должна двигаться. Помню, Мигуля сел в воду под Петергофом, на болотах – в ледяную воду, в жижу. Я подняла из этой жижи тридцать четыре мины. Одну за другой – маленьких, противопехотных, в деревянных коробочках. Подняла и обезвредила. Такие мины не могли искать приборами – корпус «не звенит». Они были самыми коварными. Несколько часов работы собака сидела не шелохнувшись, в каше из воды и снега... Наши собаки ходили по битым кирпичам, по стеклу на руинах, резали лапы, мы резались об осколки. Но они работали! Восемь-десять часов. Лапки у собаки замерзнут, снимешь варежки, разотрешь ей лапы и вперед! На передовую – «инженерное имущество», снаряды, мины, ящики с патронами. Оттуда – тяжелораненых. Потом – на минные поля... Только на Карельском перешейке мы с Мигом подняли 3400 мин. А всего обозначили и обезвредили около сорока тысяч. Сорок тысяч раз смерть прошла мимо...»

Из воспоминаний Е. А. Ераниной (Самойлович), старшего сержанта 34 Отдельного инженерно-саперного батальона Ленинградского фронта.

ПОБЕДИТЕЛЯМ.

1935 **1941–1945** 2015

Павлова спроектировал павловские Колтуши, после кончины академика возглавляемые светилем советской физиологической науки, учеником и последователем Павлова Леоном Абгаровичем Орбели. В Колтушах, прежде безвестной деревеньке в предместьях Ленинграда, по проектам Безпалова были отстроены сначала старая лаборатория, затем новые коттеджи для проживания ученых, здание клуба, библиотека, столовая, особняк Павлова, новые лаборатории и виварии: собачник и антропоидник. По его же проекту был разбит декоративный парк в окрестностях этого нового советского академического рая, комфортно обустроенного с небывалым для той поры и весьма дальновидным размахом.

В годы войны и блокады Безпалов был заместителем Орбели по хозяйственной части и, будучи преданным Институту не за страх, а за совесть, везде и всюду, как только мог, изыскивал любые ресурсы для поддержки голодающих ученых, немногочисленных сохранившихся лабораторных животных и скромной работы лабораторий. После войны Институт физиологии им. академика Павлова стремительно нарастил свой могучий научный потенциал, довольно быстро оправившись от пережитого в губительные для науки блокадные годы.

О Безпалове достоверно известно и то, что он ничего не брался ни делать, ни проектировать без ведома или личных представлений академика. Свое жизненное предназначение Безпалов видел в материальном художественном воплощении научных надежд и творческих амбиций самого Павлова, которому был предан беззаветно. В связи с этим «Памятник

собаке», созданный Безпаловым, особенно интересен как художественно-архитектурный объект поры Советов, так как представить себе появление такого неординарного памятника в советском закрытом и строго подконтрольном НКВД научном заведении при других обстоятельствах было бы попросту невозможно. Итак, об истории создания «Памятника собаке» мы знаем следующее.

На территории внутреннего садика – двора Института экспериментальной медицины (ИЭМ), находящегося на Петроградской стороне Петербурга-Ленинграда, ко времени проведения XV Международного конгресса физиологов (9–17 августа 1935 года) были «торжественно установлены бюсты великих ученых разных стран», как об этом событии писали газеты того времени. Автором этих

скульптурных изображений великих ученых был все тот же Иннокентий Федорович Безпалов, талантливый скульптор и превосходный живописец (и, кроме того, заслуженный архитектор). Скульптурные портреты Чарльза Дарвина, Дмитрия Менделеева, Луи Пастера и отца русской физиологии Ивана Сеченова были созданы им собственноручно.

При таком выборе кандидатур великих ученых бюсты авторитетов композиционно уравнивали общепризнанную весомость личных вкладов в развитие мировой науки иностранных ученых и представителей русского научного мира.

Но... посреди двора в садике Института был вдруг воздвигнут памятник, вызвавший поначалу энергичные протесты новых властей: памятник СОБАКЕ.

И.П. Павлов и И.Ф. Безпалов (в очках) на открытии «Памятника собаке». Ленинград. 1935 г.

Он был превосходен в своем композиционном решении и в необыкновенной для своего времени намеренно старомодной подаче: выполненный в мастерском неоклассическом, а не советском промагитационном стиле, он исключительно культурен и, как отчетливо прозвучавшая цитата, отсылает нас к лучшим образцам монументальной скульптуры в Петербурге, например, к памятнику Николаю I авторства Клодта. Являясь продуманной репликой старого доброго времени, он при всем том представляет собой весьма тонкий и уместный компромисс между патетикой и иронией. Будучи фонтанной, а не монументальной городской скульптурой, этот памятник адресован избранным и посвященным от науки, но отнюдь не тем, кто мог бы судить о собаке Павлова с вульгарной простотой.

У идеи установки памятника подопытной собаке было множество противников. Большинство власть имущих в ту пору были безоговорочно уверены в том, что памятники нового времени позволительны только как средства убедительной наглядной агитации советского народа.

Павлов был упрям и непреклонен. Его авторитет был наделен стенобитной силой. Старинная академическая выучка, художественный вкус и чувство меры скульптора Безпалова, а также личная приязнь сокровенных единомышленников и собеседников, архитектора и ученого-физиолога, нобелевского лауреата, стали гарантом того, что почин Павлова был воплощен именно таким, каким был задуман самим академиком. Собака на пьедестале впервые в истории отечества стала не малозначительным и сугубо декоративным объектом, но символом русской физиологической науки, увековеченным лично великим ученым в именно этом памятнике. Собака была вознесена на пьедестал как основной подопытный объект лабораторных работ, объект, сложивший свои кости во славу русской научной школы, далеко опередившей европейские школы той поры. Причем собака эта, несомненно, породная, эле-

гантная, и, по моему скромному мнению, только такая, а не реалистично достоверная всклокоченная дворняжка, стилистически была бы уместна во дворе бывшего Императорского института экспериментальной медицины, основателем и попечителем которого в прежнюю, досоветскую пору был принц Ольденбургский. Этот памятник превосходно вписан в комплекс институтских зданий, выстроенных в стиле модерн. Очень жаль, что в Институте экспериментальной медицины действует строгий пропускной режим, и этот замечательный памятник собаке недоступен всеобщему обозрению.

Фронтальная служебная собака. 70 лет со дня победы в Великой Отечественной войне

Памятник «Военным дрессировщикам и служебным собакам Ленинградского фронта» будет установлен в Санкт-Петербурге в юбилейном 2015 году. Ко времени публикации этой статьи эскиз памятника в масштабной модели утвержден и одобрен во всех инстанциях, предшествующих его отливке и установке. Этот памятник не символичен, напротив – предельно реалистичен и конкретизирован: молодая женщина, сапер и вожатый служебной миноразыскной собаки готовится выйти с собакой на штатное разминирование. Уже через мгновение оба бойца шагнут на минное поле. Собака у ног сапера – породная немецкая овчарка.

Отправной точкой для создания этого воинского мемориала послужила опубликованная в газете статья «Забывтое дело победы», в основу которой легло мое историческое расследование, посвященное истории советского служебного собаководства в Ленинграде. Началу же исторического расследования предшествовал доклад и «Выставка одного предмета» в стенах Музея Зоологического института РАН, проведенные нами в 2013 году, 28 ноября, в день 70-летнего юбилея ранее малоизвестного факта рождения чистокровных щенков немецкой овчарки в блокадном Ленинграде.

«Одним предметом» и темой доклада была ветхая картонная родословная, клубная щенячья карточка, учетный документ щенка, удостоверявший подлинность его происхождения и достоверность генеалогического древа. Этот щенок по кличке Мур стал личной собакой Ольги Дмитриевны Кошкиной, начальника Школы-питомника служебного собаководства НКВД Ленинграда, командира взвода военных дрессировщиков 34-го Отдельного инженерно-саперного батальона Ленинградского фронта.

История этой блокадной картонки, каким бы неожиданным открытием это ни было лично для меня, постепенно, но решительно уведила меня далеко в сторону от Клуба служебного собаководства на Васильевском острове и привела прямиком в... засекреченные лаборатории Института физиологии им. академика Павлова довоенной поры.

Именно там, в стенах Колтушских лабораторий, спроектированных архитектором Безпаловым, учеными-физиологами в конце 20-х – середине 30-х годов была проведена гигантская, фундаментальная работа по изучению феногенетики, высшей нервной деятельности и поведения собак. Эти практические лабораторные работы будущего профессора МГУ Л.В. Крушинского, многих других ученых, кропотливо проведенные под личным патронатом Леона Орбели и под эгидой Института, в итоге и определили приоритетный путь развития государственного служебного собаководства в СССР. Главной строевой породой военных собак универсального назначения стала немецкая овчарка. Научные работы, посвященные наследованию особенностей поведения, врожденного качества высшей нервной деятельности и поведенческих реакций собак, убедительно доказали подавляющее превосходство чистопородных животных, прошедших сквозь горнило культурной селекции, над беспородными. Клубы служебного собаководства СССР получили правительственное задание: в самом скором времени обеспечить нужды государства качественными породастыми собаками, пригодными для военных целей в будущем. Начальником Ленинградского Клуба служебного собаководства уже в 1928 году был назначен будущий командир 34 Отдельного инженерно-саперного батальона Петр Алексеевич Заводчиков. Ныне его китель полковника инженерных войск хранится в витрине постоянной экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи МО РФ в Санкт-Петербурге.

Там же, в стенах Института им. Павлова были проведены масштабные научные исследования по изучению обоняния.

Опыты, разумеется, проводились в том числе и на подопытных собаках, а одним из практически достигнутых результатов этой масштабной научной работы стал революционный метод поиска мин и взрывчатки с использованием возможностей собачьего носа, т. е., сверхчуткого обоняния собаки, обученной такому виртуозному методу поиска и распознавания веществ по запаху самого вещества.

Советская кинология получила фундаментальную научно-теоретическую базу дресси-

Открытый урок «Меньшие братья Великой Победы» для учеников гимназии №2 Санкт-Петербурга

ровки служебных собак для военных и гражданских целей, основанную не на субъективных оценках и личных предпочтениях отдельных дрессировщиков, но на объективном научном подходе и учении о условных и безусловных рефлексах. Академики Сеченов и Павлов, их последователи и ученики, по сути, стали крестными отцами служебного собаководства молодой Страны Советов. А дальновидность Павлова позволила советским ученым-физиологам создать успешный, проверенный на практике одорологический метод поиска взрывчатки с помощью обученных собак на четверть века раньше, чем это с успехом повторили их европейские коллеги.

О памятнике: автор скульптуры девушки-сапера с миноразыскной собакой – Александр Чернощев, выпускник Санкт-Петербургской академии художеств (и снова – символичное совпадение).

Девушка-сапер – это не плод воображения современных любителей собак; прототипами героини воинского мемориала стали именно девушки-дрессировщицы, ранее известные ленинградцам как «Девичья команда», воинское подразделение саперов-дрессировщиков с миноразыскными собаками на Ленинградском фронте. Именно девушки, вчерашние пионерки-дрессировщицы из агитбригад клуба сберегли и обучили собак в две первых блокадных зимы, они же вышли на прорыв блокады наравне с мужчинами, и именно им выпало трудное и страшное мужское дело разминирования северо-западных участков фронта и освобождение их от убийственных последствий войны. Девушек в саперных подразделениях было немного, едва ли больше сотни среди тысяч саперов-мужчин.

Но вся военная история прежде не знала примера, когда дрессировщиками служебных

собак во фронтовых условиях были бы женщины. Наш памятник будет первым в мире памятником женщине-саперу, женщине – военному дрессировщику со служебной собакой.

Чем мы должны быть обязаны «собакам Павлова» и их наследникам, фронтовым миноразыскным собакам сегодня?

Собаки Ленинградского и Северо-Западного фронтов, самоотверженно спасенные собаководами от голодной смерти в блокаду и обученные военными дрессировщиками по методикам Павловского института, только на Северо-Западе обозначили свыше четверти миллиона мин и неразорвавшихся снарядов! Страшно подумать, какова была бы цена ошибок, допусти их саперы-люди...

Собака именно этого воинского подразделения, миноразыскная собака породы шотландская овчарка (колли) по кличке Дик, за час до взрыва обнаружила в фундаменте Павловского дворца безоболочечную закладку взрывчатки весом 2,5 т, которую успешно обезвредили саперы.

Никакой прибор-детектор той поры не смог бы обнаружить такую хитрую бомбу замедленного действия... кроме собачьего носа. Павловский дворец спасен от разрушения служебной собакой.

Этими собаками и их вожаками обнаружены смертоносные и разрушительные взрывчатые

предметы в Ленинграде, Пушкине, Павловске, Петергофе, Луге, Пскове, Ивангороде, Нарве. Во многих городах благодаря собакам спасены от варварского разрушения объекты архитектурного наследия: дома, мосты, старинные замки и крепости, церкви и монастыри. Скорость и чистота разминирования участков фронта, где были задействованы миноразыскные собаки, возросла в среднем в шесть раз. Потери среди личного состава таких саперных подразделений снизились почти в десять раз.

Эти собаки наравне с людьми вынесли на себе все тяготы блокады и фронта.

А их дрессировщики-саперы, иной раз сами не ведая того, были подлинными учениками и последователями русской академической физиологической школы в ее практическом применении на благо людей.

По делам их да возблагодарим их.

В год 70-летнего юбилея победы в самой губительной войне прошлого столетия посвятим похвальное слово служебной собаке, сослужившей свою честную службу на благо людям.

Сам великий Павлов однажды решительно добился права увековечить собаку, послужившую науке на благо людей.

Так нам ли гнушаться горячей мысленной благодарности служебным собакам минувшей войны?

Модель памятника

«Военным дрессировщикам и служебным собакам Ленинградского фронта». Скульптор А. Чернощев

Ольга Дмитриевна КОШКИНА
(1899–1989)

Начальник Школы-питомника служебного собаководства Ленинграда. О деталях ее жизни и биографии известно немного. По воспоминаниям коллег, до войны

Кошкина была известной всадницей, спортсменом ОСОАВИАХИМа, отлично владела немецким языком, выписывала немецкие кинологические издания и вела переписку с ведущими заводчиками немецких овчарок Германии. Ольга Дмитриевна имела отличные манеры и умела вести себя с большим достоинством в любом кругу и сообществе, в юности училась в Берлине и готовилась стать архитектором.

О работе Государственного музея городской скульптуры по спасению произведений монументального искусства в годы Великой Отечественной войны.

Н.Н. ЕФРЕМОВА,
заместитель директора
по научной работе,
Государственный музей
городской скульптуры

Государственный музей городской скульптуры – одно из немногих учреждений культуры, а среди ленинградских музеев, может быть, и единственное, для которого жизнь блокадного города стала повседневной работой. Прежде всего – по сохранению коллекций произведений монументального искусства: памятников, мемориальных досок, а также бесценного собрания мемориальной пластики в старинных музейных некрополях и усыпальницах.

Свое название и современные функции Музей городской скульптуры получил незадолго до войны, согласно Постановлению Президиума Ленгорисполкома от 14 июля 1939 года. Появление такого музея именно

ГОРОД СПАС СВОИ СОКРОВИЩА...

в Ленинграде было обусловлено тем, что Северная столица – город, где родилась отечественная школа монументального искусства и были созданы первые в России скульптурные монументы, начало которым положил в 1782 году легендарный Медный всадник. Обширная городская коллекция, насчитывающая сотни произведений монументальной пластики, нуждалась в сохранении, укрытии, спасении. В мировой практике аналогов задачам такого масштаба и ответственности перед российской культурой не было.

С началом войны сотрудникам музея, как и специалистам по охране памятников – архитекторам, скульпторам, инженерам – стало ясно, что прославленные архитектурно-скульптурные ансамбли, беззащитные перед бомбежками и артобстрелами, станут мишенью для врага.

Решение Ленгорисполкома от 25 июня 1941 года № 162 с грифом «секретно» предписывало провести первоочередные работы по укрытию важнейших памятников города, причем руководители организаций, привлеченных к этому, первоначально обязывались «закончить все мероприятия в двухдневный срок» [1], затем сроки были скорректированы, так как целый ряд монументов необходимо было обезопасить сооружением специальных защитных конструкций – кожухов, насыпей из глины и песка. Многие произведения были сняты с постаментов и укрыты в специально вырытых котлованах.

В архиве музея сохранилась общая сводка материалов, необходимых для укрытия памятников, датированная тем же днем, 25 июня, и включающая объемы песка, бревен, досок, гвоздей, толи, глины, тавота, оберточной бумаги, технического вазелина, мешковины, веревок и т. п. Имеются накладные на получение материалов. Следует отметить, что довоенный учет материалов на складах, базах, в магазинах был безукоризненный: соответствующие инстанции в городе точно знали, где имеются излишки материалов, которые могут быть получены Музеем городской скульптуры для укрытия памятников, согласно той или иной калькуляции.

Для выполнения защитных работ привлекались специальные строительные учреждения и военнотруженики, но вскоре основная масса работающих по укрытию памятников стала женской. Мужчины уходили на фронт.

Быстро наступала осень. В 1941 году она была ранняя и холодная. Первоочередные работы предполагалось закончить к годовщине Революции – 7 ноября. Музею приходилось не только решать технические задачи, связанные с укрытием памятников, но и принимать на конкурсной основе проекты, макеты укрытий, при составлении которых учитывались размер памятника и его конструктивные особенности.

Скульптурный символ нашего города – созданный Э. Фальконе памятник Петру Великому на площади Декабристов (Медный всадник) – подлежал укрытию в первую очередь. Предполагалось «оградить памятник

Фото № 10401 из архива ГМГС

Памятник Николаю I – один из шедевров русского и европейского искусства XIX века, созданный по проекту О. Монферрана при участии скульптора П.К. Клодта, изваявшего уникальную конную группу на двух точках опоры. Укрытие этого памятника представляло значительные технические сложности. Для укрытия конной статуи на высоком ступенчатом постаменте,

пирамидой из мешков с землею кольцевыми рядами, уступами, с заполнением промежутков глиной» [2]. По документам музейного архива, фиксирующим выполнение тех или иных работ, можно установить, что только подвозка и разгрузка песка продолжалась несколько дней. Были устроены подмости, велась разгрузка песка с баржи, стоявшей у набережной Рошаля (Адмиралтейской), транспортировка на расстояние до 60 м до памятника. Как отмечено в документе, песок был «увлажненный морской» [3], что в дальнейшем привело к появлению пятен окислы меди на бронзе. Полностью работы по укрытию были закончены к наступлению первой блокадной зимы. Рядом с Медным всадником в годы войны находилась зенитная батарея, огонь которой препятствовал прямому попаданию авиабомб при целенаправленных атаках немецкой авиации. У памятника выставлялся военизированный охранный пост.

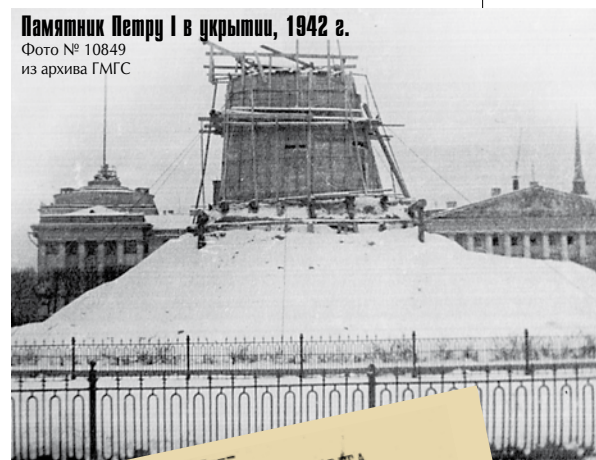

Работы по сооружению защитного укрытия на памятнике Петру I, 1941 г. Фото № 10843 из архива ГМГС

украшенном рельефами и круглой скульптурой, был разработан специальный проект. Он предусматривал установку деревянных стоек-противовесов. В качестве основного укрывающего материала использовались особые стеганые маты, наполненные песком и «прошитые» проволокой. Такие маты более

Фото № 10849

из архива ГМГС

С.З. ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
от 25 июня 1941 года.

- о вопросу: О мероприятиях по защите города
1. Утвердить план работ проведения мероприятий по защите городских монументов /приложение А 1/.
 2. Обязать руководителей организаций, привлеченных к производству работ, согласно указанного плана закончить все мероприятия в 2-х дневный срок.
 3. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на отдел по охране памятников при управлении по делам искусств Денгоровсета.-
- Пискин

Зам. Председателя С.З. Исполкома
Ленинградского
депутатов трудящихся

СЕКРЕТАРЬ С.З. ИСПОЛКОМА
ЛЕНИНГОРСОВЕТА
депутатов трудящихся

5 экз.
/н.п.
пр. по делам искусств
оенн. отд. ЛС
пр. РК милиции
Ленинграда
дело
пр. по охране памятников

вх. № 1634 от "26" июня 1941 г.

/см.

н. отд. ЛС
РК милиции
енинграда
ело
. по охране памятников

1/2 Cal.

М отдел ЛС

эластичны, чем мешки с песком, и позволяют более тщательно укрывать каждую деталь памятника. Поверх матов устанавливался деревянный каркас, на который делался накат из земли и глины. Над ним монтировался еще один каркас-обшивка. Акт на приемку работ «по маскировке и закреплению памятника Николаю I был составлен уже 27 июля 1941 года.

Особо следует отметить, что заявка на материалы для укрытия памятника Петру I работы Б. К. Растрелли, установленного перед Михайловским замком, была передана в музей еще 24 июня, т. е. раньше, чем городские власти приняли решение об укрытии памятников. Архитектор-реставратор А.Э. Гессен предложил проект, который и был осуществлен: конная скульптура демонтировалась с постамента и помещалась в котлован, вырытый неподалеку.

Подобный же характер – снятие с постаментов и укрытие в земле – носили работы по мраморным скульптурам Диоскуров, конным группам на Аничковом мосту и фигурам манчжурских львов Ши-цза на Петровской набережной.

В годы блокады были спасены от возможных разрушений памятники С.М. Кирову, В.И. Ленину у Смольного и у Финляндского вокзала, И.А. Крылову, И.Ф. Крузенштерну, древние сфинксы, Александровская колонна (установлены специальные «растяжки», фиксирующие вертикальность колонны в пространстве).

По всем памятникам предполагалось предварительно провести обмеры и составить проектную документацию, раскрывающую суть и объемы проведенных работ. Например, проект укрытия памятника Ленину у Финляндского вокзала предусматривал: укрепление фигуры металлическим кольцом

с растяжками, установку деревянных конструкций вокруг скульптуры и постамента с засыпкой песком и укладкой мешков. Указаны объемы работ: 1000 м³ земли, 600 м³ песка, 1200 мешков, 23 м³ древесины. Интересны подробности работ по фигурам Диоскуров на устоях ворот Конногвардейских казарм. Предполагалось спустить фигуры на землю и зарыть их в заранее подготовленные котлованы. Для спуска скульптур уже в конце июня была устроена эстакада протяженностью 18 м.

Конную статую Петра I у Инженерного замка также необходимо было снять и зарыть в земле. В конце июня уже был вырыт котлован, и установлен Кировским заводом подъемный кран для снятия скульптуры. Скульптура должна была быть подготовлена к укрытию нанесением на поверхность бронзы защитного покрытия из воска, вазелина, тавота, скипидара.

Если первоначально в июне 1941 года работы по укрытию памятников велись в том числе различными организациями, то постепенно организация работ по укрытию памятников, не оконченная в первые недели войны, в дальнейшем фактически велась лишь Музеем городской скульптуры. На многих памятниках требовалось провести работы второй и третьей очереди, совершенствуя систему укрытия, усиливая их, поддерживая в надлежащем виде. Эта деятельность продолжалась вплоть до полного снятия блокады.

Согласно планам и отчетам музея за 1941–1944 годы абсолютно ясно, что музей неоднократно и настойчиво ставил вопрос об укрытии памятников А.В. Суворову, М.И. Кутузову, М.Б. Барклаю де Толли, Екатерине II, Румянцевскому обелиска и др. Основной причиной того, что не все памятники были обеспечены надежной защитой,

оказалось отсутствие «рабсилы» и необходимых материалов. Немногочисленные сотрудники музея стремились сделать все возможное: обходы, договоры о снятии гипсовых форм, зарисовки профессиональных художников.

Огромная работа силами сотрудников музея под руководством бессменного хранителя музейного некрополя Н.В. Успенского велась по спасению исторических могил и уникальной коллекции мемориальной скульптуры. В склеп Благовещенской усыпальницы были помещены предметы из фонда некрополей: 27 бронзовых досок, 2 бюста, 6 скульптур и 5 барельефов. Защитными сооружениями были укрыты в Некрополе XVIII века памятники: М.В. Ломоносову, Д.И. Фонвизину, М.И. Козловскому, Е.С. Куракиной, Е.И. Гариной. Мраморная скульптура надгробий А.С. Попова и П.А. Талызина была зарыта в землю. Были сняты с памятников и укрыты в земле 13 бронзовых и мраморных скульптур с надгробий Некрополя Мастеров искусств: А.П. Бородина, А. Бозио, И.П. Витали, Ф.М. Достоевского, В.А. Каратыгина, В.Ф. Комиссаржевской, А.Г. Рубинштейна, В.В. Стасова, Ф.И. Стравинского, П.И. Чайковского и многих других. Знаменитые бронзовые быки работы скульптора В.И. Демут-Малиновского были привезены с южной окраины города от мясокомбината и установлены в Некрополе Мастеров искусств, неподалеку от могилы их создателя.

В некрополе «Литераторские мостки» также сняты и укрыты в земле бронзовые бюсты А.Н. Апухтина, Г.З. Елисеева, С.Я. Надсона и др.

Музей сумел организовать временную новую экспозицию Благовещенской усыпальницы, посвященную генералиссимусу А.В. Суворову, открыв доступ к могиле полководца со знаменитой эпитафией «Здесь лежит Суворов», и обеспечив со стороны музея систематическое наблюдение за сохранностью мрамора.

Важной стороной деятельности музея в годы блокады было сохранение и обследование мемориальных досок. И в такое тяжелейшее время такая работа не прерывалась. Музейные сотрудники пешком обходили отдаленные концы города, фиксируя состояние мемориальных досок и передавая их на ответственное хранение управдомам. Иногда доски снимались с фасадов и хранились в подвалах бомбоубежищ. Ни одна мемориальная доска, состоящая на музейном учете, в годы войны не исчезла. В память о жизни блокадного города сотрудники музея сохранили и памятную над-

Памятник Петру I перед Михайловским замком демонтирован и укрыт в земле, 1941 г.

Фото № 10823 из архива ГМГС

пись на стене дома 14 по Невскому проспекту с предупреждением: «Граждане! При артобстреле эта сторона наиболее опасна».

Решение Исполкома Ленгорсовета «О снятии защитных ограждений с городских монументов» было принято 9 апреля 1945 года. Руководство этими работами было возложено на Музей городской скульптуры. Процесс снятия укрытий фиксировался актами, составленными представителями музея. Так в акте от 20 апреля 1945 года о разборке защитного сооружения над памятником И.Ф. Крузенштерну отмечено, что «осколками снаряда пробиты правое предплечье и бедро адмирала»; полностью отсутствовали накладные литеры надписи на постаменте [4]. Одновременно разбирались укрытия над сфинксами, находящимися неподалеку. Работы осуществляли аспиранты Академии художеств, и в качестве гонора им были отданы снятые доски, которыегодились для отапливания промерзших за блокадные годы классов Академии.

Таким образом, каждый из городских объектов находился в зоне постоянного внимания сотрудников музея, например, в октябре 1941 года Ленгорисполком принял специальное распоряжение «О защите и маскировке скульптур коней работы Клодта на Аничковом мосту». Предписывалось «снять четыре скульптурные группы коней с Аничкова моста и закопать в саду Дворца пионеров с соответствующей защитой и маскировкой» [5]. Сохранение в земле прославленных «коней Клодта» оказалось единственным путем их спасения от неизбежной утраты. Аничков мост подвергался целенаправленному обстрелу, вследствие чего получили значительные осколочные повреждения устои моста и почти полностью была уничтожена ажурная чугунная ограда. Об этих событиях напоми-

нает мемориальная доска, установленная на постаменте северо-западной конной группы в 1972 году: «Это следы одного из 148 478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941–44 гг.».

Клодтовских коней музей стал готовить к возвращению на постаменты в числе первых – уже в мае 1945 года, когда был заключен договор «на перемещение и установку на месте на pedestалах Аничкова моста захороненных скульптурных групп». В ходе работ «всего отрыто четыре котлована с разборкой деревянных защитных ящиков, в которых помещались скульптуры, с производством непрерывного водоотлива, очистки бронзовых конных фигур от песка, бумаги, тавота, с тщательной и неоднократной их промывкой специальным составом», а также произведена «обратная засыпка котлованов с подноской земли и песка на расстояние до 100 м с последующей планировкой садово-паркового устройства» [6]. В ночь с 1 на 2 июня 1945 года статуи «Укротители коней» заняли свои исторические места на постаментах. Тысячи горожан в белую июньскую ночь наблюдали за установкой скульптур, стоя на тротуарах Невского проспекта, в окнах, на балконах и крышах домов. Конь Клодта стали вестниками победы, залогом возвращения к мирной жизни.

За годы войны, благодаря принятым мерам по укрытию памятников, ни один из монументов не был разрушен. Город выстоял, спас свои сокровища, но Музею городской скульптуры предстояла еще огромная, растянувшаяся на многие десятилетия работа по реставрации музейных коллекций, созданию новых экспозиций. Музей выжил и выстоял вместе с городом-героем и продолжает сохранять монументальную летопись Петербурга-Ленинграда.

1. Решение Ленгорисполкома от 25 июня 1941 года № 162 «О мероприятиях по защите городских монументов» // Архив ГМГС. Л. 2.

2. Список городских монументов и перечень мероприятий по их защите (приложение к Решению Ленгорисполкома № 162) // Архив ГМГС.

3. Акт от 30 июня 1941 года «О разгрузке песка для работ по укрытию памятника Петру I на площади Декабристов» // Архив ГМГС.

4. Акт от 20 апреля 1945 года «О разборке защитного сооружения» // Архив ГМГС.

5. Решение Ленгорисполкома № 52-52 от 13 октября 1941 года «О защите и маскировке скульптур коней работы Клодта на Аничковом мосту» // Архив ГМГС.

6. Акт от 1 июня 1945 года «На земляные и вспомогательные работы по выемке захороненных в Саду отдыха Дворца пионеров конных групп Аничкова моста» // Архив ГМГС.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Петропавловская крепость никогда не теряла своего военно-стратегического значения. В годы Великой Отечественной войны ее бастионы были укреплены для обороны города. На многих из них располагались зенитные батареи и проекторные установки. Уже в первые недели после войны крепость готовили к обороне города. Июль 1941 – подготовка к артобороне. Меншиков, Нарышкин, Зотов бастионы – зенитные батареи и проекторные установки. Государев бастион – звукоулавливатели-«слухачи». Открыт ряд заложённых бойниц на случай уличных боев, в них установлены орудия. Штаб ПВО расположился в доме №3 крепости.

Маскировка. Стены зданий закладывали мешками с песком, золоченые шпильки маскировали у Петропавловского собора, Великокняжеской усыпальницы, Монетного двора. Немцы не стреляли прямой наводкой по памятникам культуры, им важнее были военные объекты, к таковым они относили здание Арсенала в Кронверке и стреляли по нему. Поэтому в Петропавловской крепости больше пострадала северная часть, близкая

к Кронверку. Наиболее крупные налеты на крепость – осень 1941 года: 8 и 19 сентября, 25 октября, 8 ноября.

На Государевом бастионе были установлены звукоулавливатели-«слухачи», обнаруживавшие вражеские самолеты при их подлете к городу.

Меншиков бастион. В 1920–40-х годах помещения находились в распоряжении Ленинградского военного округа, здесь были мастерские, гаражи, склады ЛВО. Во время Великой Отечественной войны на Меншиковом бастионе располагалась зенитная батарея.

Головкин бастион. Во время войны в свод каземата в правом фланке бастиона попала бомба.

Зотов бастион. Во время войны на валганге бастиона располагалась зенитная батарея и проекторные установки.

Никольская куртина. Перед войной казематы куртины были отданы под нужды

НКВД, впоследствии часть куртины были арендованы Государственным Монетным двором.

Екатерининская куртина. Во время Великой Отечественной войны несколько казематов были разрушены прямым попаданием фугасной бомбы. В 1951 году стены были восстановлены.

Петропавловский собор. Собор пострадал от осколков – разбиты стекла и частично повреждены стены. В 1942 году прошла программа убранства могил российских военачальников. Во время Великой Отечественной войны наши воины, отправляясь на фронт, посещали могилы великих русских полководцев: А.В. Суворова в Александроневской лавре, М.И. Кутузова – в Казанском соборе, Петра I в Петропавловском соборе – в годы войны его могила получила строгое декоративное оформление по проекту архитектора Я.О. Рубанчика. Было сохранено то, что осталось от дореволюционного убранства захоронения и добавлены новые элементы. На фотографиях, сделанных А.А. Григорьевым в 1944 году и хранящихся в КГИОП Санкт-Петербурга, видно, что многое из своеобразного музея подношений на могилу основателя города сохранялось с дореволюционных времен и до того времени. Перед решеткой, отделяющей могилы императоров XVIII века, проложена ковровая дорожка, между могилами стоят пальмы в кадках. Сверху спускаются драпировки. У надгробия Петра I отчетливо видно четыре венка, два киота с иконами, над могилой на кронштейне – Пьета работы Дж. Дзордзони, над ней помещено знамя, рядом с Пьетой рама с иконой (очевидно, это «мерная икона») как на фотографии начала XX века, сделанной К. Буллой. Новым было решение композиции, появившейся на южных (закрытых) вратах собора. Они были задрапированы, в нише врат на высокой подставке была помещена голова Петра, выполненная Марией Анной Колло для памятника Петру I – «Медного всадника». Очевидно, это гипсовая копия, которая в настоящее время выставлена на экспозиции в Комендантском доме Петропавловской крепости.

Выше помещена надпись со словами Петра, сказанными им перед Полтавским боем: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россия», над ней даты: «1672–1725» – годы жизни императора.

Приказ Петра Великого перед Полтавским боем: «Ведало бы российское воинство,

что оной час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных ожидает. Ниже бы их не смущала слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Единого бы сие в оной пред очима, что сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею сильный в бранех Господь, на того единого смотрели бы. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое не дорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние».

Конечно, поместить такую длинную надпись, даже в переводе на современный язык, особенно сохраняя слова о православной вере, Боге и церкви, в то время было невозможно. Упоминание о «благочестии, славе, и благосостоянии» также были неактуальными. В разгар Великой Отечественной войны надо было просто выжить, и это настроение нашло свое отражение в сокращенной таким образом цитате.

На фотографии 1951 года, сделанной А.А. Григорьевым в Петропавловском соборе, видны киоты с иконами, венков уже нет.

Великокняжеская усыпальница. Под зданием в годы Великой Отечественной войны было устроено бомбоубежище.

Артиллерийский цейхгауз. В годы войны в крепости ремонтировали грузовики, до-

ставлявшие продовольствие в город по знаменитой «Дороге жизни».

Прокурорский дом. Ныне дом №11. 25 октября 1941 года попадание 500-килограммовой бомбы разрушило до основания центральную часть здания. После войны дом был восстановлен, использовался под жилые помещения.

Комендантский дом. В октябре-декабре 1941 года здесь разместился эвакуогоспиталь, научно-исследовательская лаборатория и военно-химическая мастерская ЛВО. Позднее здание использовалось под жилые помещения.

Монетный двор. Во время войны основное производство и штат сотрудников были эвакуированы в г. Краснокамск Пермской области. На месте в самом начале решено оставить около 30 сотрудников, в основном для охраны здания. Именно эти люди спасли уникальные коллекции Ботанического сада зимой 1942 года. Они передали уголь, оставленный на Монетном дворе для собственных нужд, для теплиц с растениями. В это время особое внимание уделялось выпуску орденов и медалей, но святая для всех ленинградцев медаль «За оборону Ленинграда», которой награждались жители блокадного города, чеканилась с 1943 года в Петропавловской крепости.

Церковный дом был соединен переходом с вестибюлем Великокняжеской усыпальницы. Проход впоследствии был заложен, но мраморная лестница сохранилась до наших дней. 8 сентября прямым попаданием бомбы разрушена западная сторона дома №7 (Церковного), в котором жили сотрудники Публичной библиотеки и охрана, поэтому

в 1951–1952 годах в нем были произведены восстановительные работы.

Алексеевский рavelин. Здесь работала редакция газеты «На страже Родины», хотя на немецких картах она была помечена как уничтоженная.

Ботный дом. Ноябрь 1941 года – зажигательная бомба вызвала в нем пожар.

Были и другие разрушения. Восстановление началось в 1942 году.

27 января 1944 года победный салют от стен крепости возвестил о полном снятии блокады Ленинграда.

Редакция благодарит главного научного сотрудника М.О. Логунову и коллектив Государственного музея истории Санкт-Петербурга за предоставленные материалы

Исаакиевский собор в годы Великой Отечественной войны служил хранилищем музейных ценностей. В нем находились и собственные фонды музея, который еще в 1931 году был создан в соборе, и значительное количество музейных предметов из пригородных дворцов-музеев. Основную часть их коллекций сумели вывезти в летние месяцы 1941 года; однако часть экспонатов, уже доставленных в город, не успели эвакуировать до 7 сентября, когда окончательно прервалось железнодорожное сообщение с Большой землей, и ящики, коробки, валы с живописными полотнами разместили в Исаакиевском соборе.

Н.В. БУРОВ,
директор Государственного
музея-памятника «Исаакиевский собор»

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК

На колоннаду, колокольни и на обширную крышу собора во время бомбардировок поднимались дежурные, чтобы тушить зажигательные бомбы. Окна храма были изнутри защищены досками и заложены кирпичами и мешками с песком; здание не проветривалось, не отапливалось. Но стены

о погибших, о разрушениях, о пережитых лишениях, о спасенных шедеврах.

А еще – сохранить облик осажденного города в 900 тяжелейших дней в его истории. Облик этот постепенно отступает, размывается в дымке времени. Блокада уходит из повседневной жизни, из памяти. Сохраняются сведения, документы, фотографии, но их очень мало: основная причина – введенный в начале войны и сурово соблюдавшийся на всем ее протяжении запрет фотографирования на улицах города. Частные, любительские фотографии города редки: нарушение запрета могло повлечь расстрел на месте. Сохранившиеся фотографии – те, что делали немногочисленные журналисты по заданию редакций. Изображения проходили строгий контроль, да и у самих журналистов-фотографов срабатывали, конечно, и внутренние цензура, и желание, наверное,

искреннее, не нагнетать обстановку, стремление показывать хорошее, поддерживать оптимизм. Показывали героизм защитников, преодоление трудностей, необычные ситуации и события. Фотографии были оружием, средством поддержки, или – обличительным документом. Было не до того, чтобы думать об эстетике городских пейзажей, какой бы она ни была. Сейчас лишь по фрагментам некоторых фотографий можно представить, какими они были, эти городские виды, какими были общие впечатления от архитектурного облика города, жившего в условиях, в которых жить было невозможно.

Исаакиевскому собору в этом отношении повезло: сохранилось не менее 15 фотографий, на которых собор либо является главной частью изображения, либо его обширные фасады служат фоном для изображений людей или событий, происходивших на двух

БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

двухметровой толщины и тяжелые двойные двери с бронзовым литьем были самой надежной защитой, которая могла быть в городе, подвергавшемся постоянным бомбардировкам. От осколков одной из бомб, разорвавшейся рядом с собором, остались выбоины на нескольких колоннах западного portика.

В 2004 году, через 60 лет после снятия блокады, в подвале собора музей открыл мемориальную экспозицию «Чтобы помнили...», посвященную оставшимся и работавшим в нем музейным сотрудникам. Выставку хорошо знают наши нынешние сотрудники, но в первую очередь она предназначена для посетителей, на которых неизменно производит незабываемое впечатление. Нашим работникам, пережившим блокаду хотя бы детьми, адресована практическая поддержка со стороны музея. В этом году мы оказываем дополнительную материальную помощь всем участникам войны и блокадникам, работающим или долгое время работавшим в нашем музее.

Выставка – дань памяти блокадникам ушедшим. Материальная помощь – скромная дань уважения к тем, кто жив. Перед каждым юбилеем снятия блокады и перед каждым юбилеем победы все отчетливее становится вопрос: что можно сделать еще? Да, сохранить для новых поколений память

центральных площадях города. Благодаря этому мы можем подробно рассматривать и само здание собора, и городское пространство, его окружающее.

Облик собора в военные годы почти не менялся. Единственная заметная перемена – утратил свой золотой блеск купол, в ясную погоду видимый за десятки километров. Его огромную сферу невозможно было затянуть тканью, но позолота медных листов, выполненная «через огонь», была прочна, и еще летом 41-го года его закрасили серой краской альпинисты.

Изменения, и значительные, были вокруг здания. Конные памятники на площадях по обеим сторонам собора были укрыты мешками с песком и защиты досками. Возле одного из них, «Медного всадника», располагалась зенитная батарея; зенитные орудия напротив собора были и на другом берегу Невы, на Университетской набережной. На газонах Александровского сада были устроены огородные грядки. Огород был разбит и в сквере на Исаакиевской площади, а для охраны отменных кочанов капусты была сооружена деревянная сторожевая вышка. Спасительные огородные грядки на крупнейших площадях исторического центра были разбиты впервые в истории города, и, видимо, производили сильное впечатление: их даже запечатлел на своем рисунке один из немногих оставшихся в городе художников, а ленинградское издательство выпустило открытку с этим рисунком.

Рисунок на другой блокадной открытке кажется наиболее точным воплощением «духа» ленинградской архитектуры блокадного времени. Простор площади превращается в пустоту огромного пространства. Тона приглушены, линии размыты, как если бы взор художника был затуманен голодом и усталостью. Конная статуя гордого императора едва угадывается сквозь множество словес защитной ткани; конус из досок и мешков с песком скрывает высокий фигурный постамент. Решетки набережной, как обрывки кружев, проступают из снега, не убравшегося неделями. Закрывающий всю площадь снег как бы подцвечивает своей белизной небо, на котором едва проступает громада Исаакиевского собора. Но, несмотря на едва намеченные контуры здания, отчетливо видны желтоватые просветы на куполах собора и колокольни: память и сознание художника хранят их позолоту вопреки реальности, как отблеск мирной жизни и надежду на ее возвращение.

Из четырех альпинистов, закрашивавших купол Исаакия, двое – Александра Пригожева и Алоизий Земба, – умерли в первую блокадную зиму; Ольга Афанасьевна Фирсова скончалась в 2006 году. В живых остается лишь Михаил Михайлович Бобров, работавший на куполе собора 18-летним парнем; позднее он был военным альпинистом, мастером спорта. Заслуженный тренер Российской Федерации, профессор, почетный гражданин Санкт-Петербурга, в 76 лет он вместе с группой полярников достиг Северного полюса. Мне доводилось недавно беседовать с ним; его ясная память до сих пор хранит интереснейшие наблюдения о блокадном городе.

С каждым юбилеем победы или снятия блокады все тревожнее думается: сколько их остается, блокадников, встретивших войну уже взрослыми? Тех, кто видел и запомнил облик блокадного города? Тех, кто хранит его и сейчас в своей ясной памяти? И как сохранить его для следующих поколений?

Р.Н. ЧУМАК,
начальник Отдела фондов
научной обработки и хранения
экспонатов артиллерии ВИАИВ и ВС,
Санкт-Петербург

В канун Дня полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи представил выставку «Блокадный Ленинград – город оружейников». Выставка показала, какое оружие было в руках у защитников города.

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

с начала сентября 1941 года по январь 1944 года находился в кольце блокады и был лишен возможности получать вооружение обычным порядком. Стала реальной угроза падения города из-за истощения запасов оружия у его защитников.

Тогда, оценив возможности городской промышленности, а также объемы запасов материальных средств, военное и политическое руководство Ленинграда пришло к заключению о возможности налаживания собственного производства вооружения, практически независимого от поставок с Большой земли.

Потенциальная возможность для этого имела. До Великой Отечественной войны Ленинград был вторым по величине военно-промышленным центром страны. В городе изготавливались боевые корабли, танки, артиллерийские орудия и минометы, оптические прицелы и т.д. Однако в Ленинграде не производилось остро необходимые фронту стрелковое оружие и патроны, без которых эффективная борьба с врагом невозможна. Выпуск именно этих видов вооружения пришлось налаживать в течение первых месяцев блокады.

Как уже упоминалось, этот вид оружия накануне войны в Ленинграде не производился, а единственный близкий к городу оружейный завод – Сестрорецкий – прекратил производство в 1922 году.

Начало выпуску стрелкового оружия было положено еще до блокирования города, в июле-августе 1941 года, с изготовления станковых пулеметов типа «Максим» путем переделки запаса устаревших авиационных пулеметов ПВ-1. Эта работа осуществлялась с 1 августа 1941 года заводом подъемно-транспортного оборудования им. Кирова, заводом им. С. Воскова НКСС и заводом точного машиностро-

ения им. М. Гельца по чертежам, разработанным в ОКБ-43. Завод им. Кирова изготавливал станки и прицелы к этим пулеметам, а также сошки к ручным пулеметам ДП.

Тогда же, в июле-августе 1941 года, промышленностью Ленинграда было начато изготовление пистолетов-пулеметов ППД-40 и винтовок образца 1891/30 года. Винтовки собирались на заводе им. Гельца из имеющихся на артиллерийской базе вооружения комплектующих. В конце лета – начале осени 1941 года изготовление пистолетов-пулеметов ППД-40 в Ленинграде осуществляли два завода: завод им. Воскова НКСС и завод №7 НКВ («Арсенал»). Всего за август 1941 года в Ленинграде было изготовлено 350 винтовок и 20 пистолетов-пулеметов ППД-40.

Масштабы производства вооружения в блокадном Ленинграде впечатляют. В первом полугодии 1941 года предприятиями города было изготовлено 1650 винтовок, 10853 пистолетов-пулеметов, 826 станковых пулеметов (в основном передельных систем), 2306 сигнальных пистолетов, 2046 полковых пушек, 648 (по другим данным – 651) 45-миллиметровых противотанковых пушек, 9977 минометов разных калибров. Это очень большой объем вооружения, значимый даже в масштабах СССР.

В 1941 году 116 ленинградских заводов и фабрик были переведены на выпуск элементов боеприпасов, 175 предприятий изготавливали детали артиллерийских орудий и минометов, 40 заводов – машины реактивной артиллерии БМ-13 («Катюша»). К выпуску вооружения или отдельных его элементов были привлечены фабрика «Скорород» и Невский мыловаренный завод, артель «Примус» Ленметремсоюза и Государственный оптико-

На защиту Ленинграда вместе с бойцами Красной Армии вышли сотни тысяч его жителей, и никакое мужество не смогло бы им помочь, если бы они не имели в своих руках средств вооруженной борьбы – оружия и боеприпасов. Обычным порядком обеспечения снабжения войск вооружением в войне с древнейших времен и до настоящего времени является его изготовление в районах, удаленных от линии фронта, и подача к линии боевого соприкосновения сторон. Исключением из указанного порядка является боевое снабжение войск, оборонявших Ленинград, который

– ГОРОД ОРУЖЕЙНИКОВ

механический завод, Горный институт и завод «Северный пресс».

В 1942 году производство вооружения в блокадном Ленинграде продолжилось, был освоен выпуск новых образцов. К концу года ленинградская промышленность вышла на уровень производства, позволявший практически полностью удовлетворить потребности Ленинградского фронта в артиллерийских и минометных боеприпасах.

В марте 1942 года заводами Ленинграда было изготовлено 2710 пистолетов-пулеметов ППД-40, 150 пулеметов «Максим», 810 сигнальных пистолетов. В сентябре 1942 года выпуском ППД-40 занимались три завода: №7, №209 НКСП (им. Кулакова) и завод им. Воскова.

Пистолет-пулемет ППД-40 был достаточно сложным и дорогим в изготовлении оружием, поэтому в конце 1942 года было принято решение о прекращении его производства и замены более технологичным образцом оружия – пистолетом-пулеметом Судаева образца 1942 года (ППС-42).

В середине мая 1942 года артиллерийским управлением Ленфронта из-за больших потерь штыков на фронте был инициирован вопрос об изготовлении суррогатных штыков

для винтовок образца 1891/30 г. по образцу, разработанному Ижорским заводом. Чертеж этого штыка нигде не утверждался, но они выпускались на двух заводах Ленинграда – №349 НКВ (ГОМЗ им. ОГПУ) и «Красногвардеец».

Начало возобновления производства станковых пулеметов «Максим» на заводе №810 НКМВ (бывший им. М. Гельца) датировано 18 марта 1942 года. Пулемет выпускался в широкой кооперации с другими заводами – №232 НКВ («Большевик») и №349 НКВ. Большая потребность фронта в пулеметах привела к продолжению в 1942 году практики изготовления (перedelки) авиационных пулеметов в наземные. В «Плане-заявке на изготовление вооружения... в июле 1942 года» значится изготовление (перedelка) пулеметов ШКАС для их установки в ДЗОТ – 40 штук. В октябре и ноябре 1942 года артиллерийская база вооружения №75 имела план на изготовление зенитных пулеметных установок из авиационных пулеметов ШКАС по 150 штук ежемесячно.

Изготовление револьверов системы «Наган» было организовано в Ленинграде в начале июля 1942 года на базе Института точной механики и оптики, на начальном

этапе – с использованием отдельных готовых деталей. За июль 1942 года было изготовлено 88 револьверов. В сентябре 1942 года производство револьверов Наган было передано заводу №349.

За вторую половину 1942 года (с 5 июля по 31 декабря) в Ленинграде было изготовлено 10853 пистолетов-пулеметов ППД-40. За весь 1942 год предприятия Ленинграда дали фронту 2692 пулемета «Максим», 139 ручных пулеметов ДП, 34936 пистолетов-пулеметов ППД-40, 620 пистолетов-пулеметов ППС-42, 70 револьверов Наган, 21699 винтовочных штыка, 386 сигнальных пистолетов.

Значительный рост объемов производства вооружения произошел в 1943 году. На оборону города работали уже 186 крупных предприятий, выпускавших свыше 150 наименований боевой техники, вооружения, боеприпасов, средств связи, приборов и т.д.

Прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 года и последовавшее за ним улучшение боевого снабжения Ленинградской группы войск, позволили снять дефицит некоторых номенклатур оружия и прекратить изготовление устаревших моделей оружия. В результате этих мер в январе 1943 года выпуск пистолетов-пулеметов ППД-40 фактически был прекращен. Тогда же, в январе 1943 года, в Ленинграде началось массовое производство пистолетов-пулеметов ППС-42 – в этом месяце на заводе №209 прошли испытания и приемка первой серийной партии ППС в количестве 1192 штук. В феврале 1943 года было завершено производство ручного пулемета ДП на заводе №7 – тогда было собрано последние их 170 штук.

После снятия блокады в начале 1943 года в Ленинграде продолжалось производство пистолетов-пулеметов ППС, сигнальных пистолетов, штыков к винтовкам обр. 1891/30 года (заводы №349 и «Красногвардеец»), пулеметов «Максим» (завод №810) и лент к нему (фабрика «Скороход»). За февраль 1943 года заводами Ленинграда было изготовлено: 236 пулеметов «Максим – Ленинградец», 4 пистолета-пулемета ППД-40, 2370 ППС-42 (только заводом №209), 93 сигнальных пистолета.

Полное снятие блокады Ленинграда в январе 1944 года и начало полноценного снабжения войск Ленфронта вооружением и боеприпасами сняло актуальность изготовления большинства номенклатур стрелкового оружия непосредственно в Ленинграде, из-за чего началось постепенное сворачивание их выпуска. Но производство в Ленинграде стрелкового оружия востребованных фронтом моделей (пистолетов-пулеметов ППС-43 и пулеметов «Максим») осуществлялось до конца 1944 года, когда близость Победы стала очевидной и промышленность СССР могла удовлетворить любые потребности войск в нем.

Эвакуация и сохранение экспонатов Русского музея в годы Великой Отечественной войны

В истории Русского музея эвакуация его экспонатов на Урал и их последующее возвращение в Ленинград — одна из наиболее волнующих, драматичных и, вместе с тем, значительных и запоминающихся страниц. Достаточно большой промежуток времени, прошедший с момента начала Великой Отечественной войны и ее победного завершения, позволяет оценить масштаб настоящего подвига коллектива музея и значение той помощи, которая была оказана ему в годы нахождения эвакуированных ценностей в трех городах — Горьком, Перми и Соликамске. Трудно без волнения следить за сопровождавшими этот процесс проблемами и коллизиями, но, в первую очередь, — за самоотверженными усилиями большого количества людей. Без этих усилий была бы невозможна ни подготовка к перемещению столь значительного количества художественных произведений, ни сохранение оставшихся ценностей в тяжелейших условиях блокады.

22 июня 1941 года здание Русского музея оставалось открытым для посетителей, поскольку в первый день войны от вышестоящих организаций особых указаний об эвакуации экспонатов еще не поступило. Однако по указанию Петра Казимировича Балтуна (1904–1980), занимавшего на тот момент должность директора музея, уже в этот воскресный день были закрыты знаменитые академические залы на втором этаже Михайловского дворца и начата заблаговременная подготовка к укрытию находившихся в них большеформатных полотен. Кроме того, 22 июня, предвидя возможность последующей эвакуации собрания музея, его сотрудники стали готовить и оформлять необходимую документацию и заниматься прочими неотложными делами, связанными с консервацией и перемещением музейных ценностей. Первыми со стен были сняты большие полотна художников конца XVIII — начала XIX века.

На следующий день, 23 июня, для выяснения дальнейших действий П.К. Балтун и директор Эрмитажа И.А. Орбели направились к начальнику Управления культуры Ленинграда Б.И. Загурскому. Результатом этого визита стало указание принять меры к обеспечению сохранности ценностей му-

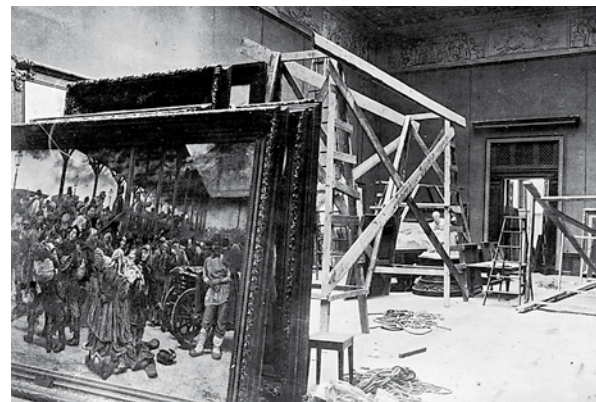
зая, что, в свою очередь, дало возможность начать подготовку к вывозу первоочередной части его коллекции. В этот же день в Русском музее было проведено совещание, после которого был составлен план его дальнейшей работы с распределением обязанностей между сотрудниками научных отделов. Предстояло в предельно сжатые сроки переместить все экспонаты из зданий Михайловского дворца и корпуса Бенуа, а также из запасников в верхнем этаже и антресолях здания, и, кроме того, укрыть ряд больших скульптур на территории, прилегающей к этим зданиям. Основным коллекциям был присвоен статус «первой категории», подлежащей первоначальному вывозу в случае получения соответствующего приказа. Такое распоряжение и в самом деле вскоре поступило (для проведения эвакуации из Москвы в музей был направлен председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР А.Г. Глина).

Стремительное продвижение вражеских войск к Ленинграду в начале июля 1941 года подтвердило обоснованность мер, принятых руководством музея уже в первые два дня войны. «О масштабах работы можно судить по некоторым цифрам. Только живописных произведений было снято со стен, вынута из рам, перемещено в новые места хранения и подготовлено к эвакуации свыше семи с половиной тысяч».¹ Под

руководством опытных реставраторов картины снимались со стен, освобождались от рам и подрамников и уже затем накатывались на специальные валы (многие из них были подготовлены еще в мирное время, а для огромных полотен они в оперативном порядке изготавливались в первую неделю войны). «Все валы изготавливались из фанеры на деревянном каркасе. Поверхность их, безукоризненно гладкая, без всяких неровностей, обтягивалась еще искусственной замшей. Чтобы валы не касались пола, они с торцов заканчивались деревянными колесами. И вот на эту огромную катушку накатывалось по несколько картин. Между ними прокладывалась плотная бумага, кромки холстов по мере накатки сшивались между собой. Места на полотнах, угрожающие осыпями, закреплялись и заклеивались тонкой папиросной бумагой осетровым клеем. Затем валы с картинами, тщательно запеленутые сверху чистыми холстами, вкатывались в ящики <...> В ящиках валы наглухо закреплялись».² Приведенная цитата из книги П.К. Балтуна, к которой нам еще не раз предстоит обращаться, позволяет понять, насколько трудоемким был процесс изготовления и использования подобных приспособлений. Тот факт, что практически все произведения добрались в глубокий тыл до пункта назначения в целостности и сохранности,

позволяет дать высочайшую оценку работе музейных сотрудников, которую можно без всяких оговорок назвать подвигом. Именно из таких, пусть небольших, но столь значимых в условиях того времени подвигов, и состояла повседневная жизнь музея в первые десять дней войны.

Отдельного разговора заслуживает процесс транспортировки в тыл крупных полотен. Подходившие по габаритам к размещению в товарных вагонах, они упаковывались в большие ящики, а меньшие по размеру картины – в такие же плоские ящики, но в большем количестве, при соблюдении всех необходимых условий транспортировки по железной дороге. В такие

Подготовка к эвакуации произведений искусства. 1941 г. ГРМ

Юбилейная выставка «Художники РСФСР за XV лет». 1932 г. ГРМ

Сотрудники Русского музея

под руководством заведующего отделом древнерусского искусства Ю.Н. Дмитриева ведут упаковку скульптуры. Зима 1941/42 г. ГРМ

дни особенно важной оказалась слаженная деятельность технических работников и научных сотрудников музея. В своей книге П.К. Балтун называет имена заведующих и научных сотрудников отделов живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного и древнерусского искусства: А.Н. Савинова, Г.М. Преснова, В.Н. Петрова, А.Н. Столярова, П.Е. Корнилова, К.Е. Костенко, Т.А. Дядьковской, Н.В. Петошиной, Е.П. Старосельской, Н.В. Соснина, Е.И. Кутловой, В.В. Алексеевой, Ю.Н. Дмитриева, Б.Н. Эмме, главного хранителя М.В. Фармаковского, главного реставратора Т.Н. Деца, реставратора-скульптора В.В. Гущиной и других работников музея, благодаря которым и была проведена своевременная подготовка художественных ценностей, документов и книг к вынужденному перемещению в новое место хранения.

Эвакуация экспонатов «первой категории», к числу которых наряду с живописью, скульптурой и графикой принадлежали произведения древнерусского и прикладного искусства, началась 1 июля 1941 года. Первым ее этапом стала перевозка ящиков с экспонатами на железнодорожную станцию и их погрузка в вагоны, которые затем были направлены в Горький. Здесь ящики с музейными единицами хранения разместили в подсобных и хозяйственных помещениях местного художественного музея. Однако уже вскоре выяснилась их непригодность для хранения столь большого количества бесценных экспонатов. Сразу же возникла необходимость в поиске другого места, где они могли получить надлежащие условия

для размещения на срок, который мог оказаться сколь угодно долгим. На временное хранение в сейфах Горьковского отделения Госбанка были оставлены изделия из золота и драгоценных камней и отдельные памятники древнерусского искусства, которые впоследствии также были перемещены в более надежное место. К сожалению, не удалось эвакуировать из Ленинграда вторую очередь музейных экспонатов, о чем Г.К. Лебедев уведомлял П.К. Балтуна в телеграмме от 24 сентября 1941 года – эти ценности, уже готовые к отправке в тыл, пришлось вернуть обратно в музей, где они хранились до конца войны.

Всего из Русского музея было эвакуировано более 26 000 экспонатов и 20 400 архивных материалов, а также редкие книги из его научной библиотеки. 21 августа 1941 года в Горький из Ленинграда для «вторичной эвакуации» выезжают П.К. Балтун (полномочия директора Русского музея были переданы Георгию Ефимовичу Лебедеву), а вместе с ним – сотрудники музея А.Н. Савинов, Т.А. Дядьковская, Ш.Б. Мамлеев. Наконец, в начале сентября было принято окончательное решение перевезти все ценности из Горького в Пермь, но в силу разных причин первоначальным местом размещения коллекции был избран Троицкий летний собор в Соликамске.

14 сентября баржа с художественными ценностями прибыла к пристани города Молотов (так тогда именовалась Пермь). После двух недель согласований с Комитетом по делам искусств СССР было дано разрешение на выгрузку 411 ящиков, из которых 327

Скульптура «Анна Иоанновна с арапчонком»,

изъятая из укрытия в Михайловском саду.
1945 г. Фотограф Н.П. Янов. ГРМ

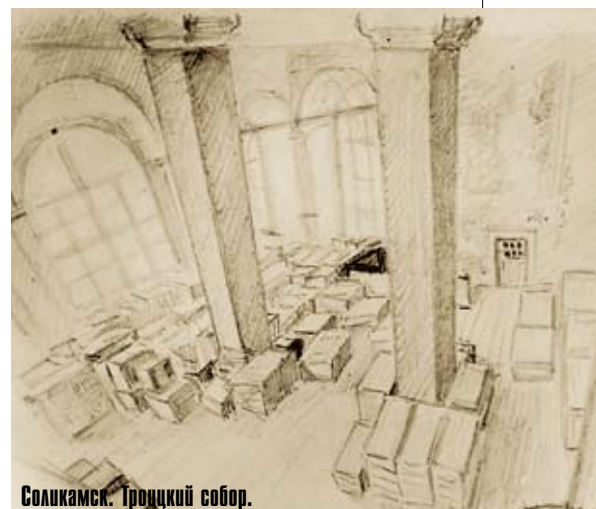
(включая 7 с огромными валами) принадлежало Русскому музею, а остальные – Третьяковской галерее, экспонаты которой также планировалось разместить в Молотовской художественной галерее. Именно работам, эвакуированным из Москвы, первоначально были отданы отапливаемые помещения этой галереи, и, как отмечает Г.А. Поликарпова, в итоге «хранение оказалось «смешанным», что противоречило элементарным музейным правилам и затрудняло охрану, а также проведение профилактических мероприятий»³. Ситуация усложнялась тем, что в эти два года П.К. Балтуну приходилось постоянно курсировать между художественной галереей в городе Молотов и Соликамском, куда 10 октября 1941 года прибыли еще 483 ящиков и тюков с экспонатами Русского музея. Таким образом, П.К. Балтун поддерживал постоянную связь с соликамским отделением, руководителем которого был заведующий отделом прикладного искусства ГРМ Борис Николаевич Эмме, помогая ему «в решении организационных, хозяйственных и хранительских вопросов»⁴. Следует добавить, что в этом небольшом городе в годы войны хранились также экспонаты из других московских музеев, собрание произведений советского времени, принадлежавших Дирекции выставок и панорам, а также коллекция Краснодарского художественного музея.

С первых дней работы филиала и его отделения соблюдалось круглосуточное дежурство сотрудников, предполагавшее систематические осмотры всех внутренних помещений и работы внешней охраны. В то же время пребыванием этих экспонатов и собраний других музеев в Молотове роль последнего в художественной жизни страны военных лет отнюдь не ограничивалась. Пожалуй, во многом благодаря обстоятельствам, продиктованным условиями военного времени, на несколько лет в уральском

городе, удаленном от культурных центров Советской России, сложилась во многом уникальная общность представителей творческой интеллигенции. «Город, сам испытывающий нехватку жилья, сумел расселить тысячи эвакуированных из Ленинграда, Москвы и других городов страны. С большими трудностями удалось разместить только что прибывший из Ленинграда театр оперы и балета имени С.М. Кирова, а вместе с ним и Ленинградское хореографическое училище. Артисты Пермского театра уступили свою сцену ленинградцам. А местная гостиница «Центральная» стала родным домом на целых три года для многих представителей творческой интеллигенции Москвы, Ленинграда и других городов»⁵. В итоге, как пишет П.К. Балтун, «присутствие в Перми нашего коллектива оказалось полезным для научной, хранительской и выставочной деятельности сотрудников галереи. Помощь выражалась в самой различной форме: в реставрации отдельных памятников искусства, в консультации при проводимой галереей каталогизацией своих коллекций, при изучении, определении и датировке произведений и т.д.»⁶.

Все это, безусловно, имело немаловажное значение в условиях сурового времени, полного испытаний и каждодневных будничных забот, позволяя приобщиться к миру большого искусства жителям крупного промышленного города на Каме, незадолго перед войной ставшего областным центром. И

в этом отношении важной была также практика показа работ ведущих мастеров отечественного искусства из собрания Русского музея на временных выставках, во многом подсказанная подобным вынужденным соседством (оно, в свою очередь, переросло в содружество и сотрудничество разных творческих организаций). Так, в июле 1942 года коллектив филиала Русского музея ознакомил постановщиков Кировского театра и художника Ф.Ф. Федоровского, работавших над постановкой оперой «Емельян Пугачев» с рядом живописных и графических произведений XVIII в. из коллекции ГРМ, что способствовало успеху спектакля. Кроме

Соликамск. Троицкий собор.

Ящики с эвакуированными экспонатами различных музеев.
А.Н. Савинов. 1942 г. ГРМ

Балтун Петр Казимирович.

с 1941 по 1945 годы – директор филиала Русского музея в г. Молотов (Пермь)

Распаковка ящиков с живописью, прибывших из г. Молотов. 1946 г. Фотограф Г.И. Луговой. ГРМ

того, при содействии коллектива его филиала в 1943–1944 годов был организовано несколько значительных выставок (включая показ произведений, выполненных ленинградскими художниками в дни блокады, ранее, в октябре 1942 года экспонированных в Москве, и показ работ И.Е. Репина и М.В. Нестерова летом-осенью 1944 года). Наконец, сотрудники музея Т.А. Дядковская, А.Н. Савинов и Б.Н. Эмме собирают и систематизируют наблюдения над хранением экспонатов в условиях эвакуации и пишут на их основе статьи, ставшие достоянием научной общественности уже в военное время.

С первых дней работы филиала и его отделения в Молотове и Соликамске осуществлялось круглосуточное дежурство сотрудников, предполагавшее систематические осмотры всех внутренних помещений и работы внешней охраны. Что касается обеспечения сохранности экспонатов, особенно важны были результаты первых контрольных вскрытий ящиков, размещенных в Молотовской галерее, которые приводит в своей статье Г.А. Поликарпова: «Среди 138 случаев повреждений, отмеченных в актах 1941–1942 годов, потребовали реставрационного вмешательства: "Портрет В.С. Соловьева" И.С. Крамского, "Портрет Р. Монтенегро" А.Е. Яковлева и "Гумно" А.Г. Венецианова. Наибольшее повреждение еще в августе 1941 года получили картины Г.И. Угрюмова. На двух из них – "Покорение Казани" и "Призвание Михаила Федорови-

ча на царство" – оказались прорывы на фоне длиной 30 см, реставрация которых была единственной серьезной за все время пребывания коллекции в Перми»⁷.

О том, какая участь могла бы ждать экспонаты музея в том случае, если они остались бы на сохранении в осажденном городе, в помещениях Михайловского дворца или корпуса Бенуа, свидетельствуют следующие факты. «После прорыва блокады у немецких артиллеристов нашли панораму Ленинграда, на которой творения великих зодчих нумеровались как мишени. Свой порядковый номер имел и Русский музей. Фашисты воспринимали Ленинград как сумму пронумерованных объектов, доступных плановому уничтожению»⁸. В результате на территорию музея за годы войны было сброшено 11 фугасных и около 100 зажигательных бомб; также на нее попало свыше 40 снарядов. С другой стороны, как отмечает П.К. Балтун, «в главное здание музея прямых попаданий фугасных бомб не было», при том что «взрывы четырех из них, весом 400–500 килограммов каждая, заделали здание, массивные стены и фундамент которого <...> отлично выдержали натиск горизонтальных взрывных волн»⁹. Наконец, он подробно описывает ущерб, который эти взрывы нанесли территории, прилегающей к музею. Из этих кратких описаний становится понятно, к каким разрушениям и утратам могло привести прямое попадание снарядов в здание Михайловского дворца, тем более что «этих взрывных волн и вибраций оказалось достаточно, чтобы

уничтожить все стекла в окнах»¹⁰. Да и сами условия хранения экспонатов в дни блокады были крайне сложными. Они предполагали соблюдение особых правил, которые, по воспоминаниям Валентины Васильевны Алексеевой, заведующей научной библиотекой музея, заключались в следующем: «Оставшиеся в музее картины, скульптуры, фарфор и другие произведения искусства, упакованные в ящики и накатанные на валы, хранились в подвальном помещении главного здания, в вестибюле и залах первого этажа. Как только начинались артобстрелы и становилось ясным – какая сторона улицы наиболее опасна, приходилось перемещать картины, ящики, скульптуру в другие залы. Картины без рам переносили вдвоем. Скульптуру же тащили по несколько человек на дорожках или на салазках. Такие передвижения по музею ценнейших произведений искусства, из зала в зал, из этажа в подвал и обратно, продолжались все время блокады»¹¹.

О том, в каких условиях приходилось работать коллективу музея, красноречиво свидетельствует также письмо Г. Лебедева П. Балтуну от 21 октября 1941 года: «...у нас произошла вторая авария. Пока обошлось сравнительно благополучно... В главном здании России отепляю пожарный водопровод – отапливать все здания нельзя, возможно отопление только гардероба и подвалов, где и пребывает научный коллектив музея»¹². А академические залы, из которых заблаговременно был вывезены полотна Брюллова, Бруни, Угрюмова, Айвазовского, выглядели следующим образом: в них, как отмечает В.В. Алексеева, даже летом было «темно, мрачно и опасно, так как разбитые стеклянные перекрытия были заменены досками, толем. Постоянно что-то осыпалось, падало, стекло, наметало снег... Эти залы были особенно обнажены и беззащитны»¹³.

Важно отметить, что систематические проверки оставшихся в музее экспонатов, которые начали проводиться под руководством главного хранителя музея М.В. Фармаковского, показали, что простоявшие осень, зиму и весну в сырых, замороженных насквозь помещениях картины отсырели, покрылись налетом плесени и пыли. Это потребовало проветривания, просушки, а порой и очистки холстов на открытом воздухе. К тому же в условиях постоянного возобновления воздушных тревог подобную процедуру можно было проводить лишь в отношении небольшого числа работ, и на очень короткие промежутки времени.

«Снова открыт!». 1946 г. Фотограф Н.П. Янов

Разумеется, обеспечение сохранности всех полотен (тем более большеформатных), находившихся к началу войны в музейном собрании, в таких условиях потребовало бы применения гораздо большего количества усилий сотрудников, либо было бы просто невозможным. Следует добавить, что после каждого обстрела и бомбежки проводился обход здания и прилегающей территории с целью выявления повреждений. К сожалению, избежать разрушений в музейном комплексе не удалось. Так, в октябре 1942 года на территорию двора в корпусе Бенуа упала бомба весом в полтонны, которая разрушила половину одноэтажного флигеля, в то время как в одном из залов корпуса, где экспонировались работы советского времени, образовалась трещина шириной до полуметра, и произошло оседание монументального портика. Подобные повреждения фиксировались не только в документах, но и в произведениях изобразительного искусства. Еще весной 1942 года по заданию Управления по делам искусств при Ленгорисполкоме художники В.В. Милютина, А.В. Каплун, В.Н. Кучумов и В.В. Пакулин «работали в Эрмитаже с целью запечатлеть с натуры раны, нанесенные музею бомбежками и обстрелами»¹⁴. А в августе 1943 году В. Кучумову было поручено зафиксировать облик помещений Русского музея. В своих работах Кучумов за счет достоверного изображения ущерба, нанесенного музею, «усиливает ощущение щемящей боли и тревоги, вызванной видом совершенно пустого зала, получившего во время войны ясно различимый «шрам», воспринимающийся как символ прямой угрозы всему бесценному культурному наследию»¹⁵.

Невзирая на сложные условия военного времени, связанные с участвовавшими в

На открытии Русского музея. Главное здание. 1946 г. ГРМ

1943 году артиллерийскими обстрелами, в последние месяцы блокады в Русском музее возобновляются выставки. Так, в сентябре в его залах были показаны работы классика ленинградской графики В.М. Конашевича. А уже после полного снятия блокады, соответственно в июле и сентябре-ноябре 1944 года зрители могли ознакомиться с произведениями художников Ленинградского фронта и пяти ленинградских мастеров (В.М. Конашевича, В.В. Пакулина, К.И. Рудакова, А.Ф. Пахомова, А.А. Стрекавина). Как раз в дни работы последней выставки, в октябре 1944 года из столицы был получен приказ о эвакуации художественных ценностей, находившихся на тот момент в Соликамске и Перми. Однако речь шла о возвращении экспонатов только в музейные собрания Москвы, тогда как в отношении Ленинграда принятие соответствующего постановления откладывалось. Это было вызвано в том числе серьезными проблемами, связанными с реставрацией залов Русского музея и ремонтом самого здания, которые в условиях тех лет не могли быть решены сразу. В итоге приказ о выезде в Ленинград П.К. Балтун получил только в марте 1945 года. Именно в это время, незадолго до победы, в Москве были утверждены планы восстановления музея и проведения реставрационных работ.

Наконец наступил долгожданный день возвращения музейных экспонатов в их родные стены. 14 октября 1945 года эшелон с драгоценным грузом в сопровождении сотрудников музея (Б.Н. Эмме, А.Н. Савинов, Т.А. Дядьковская, К.Е. Костенко, М.Н. Каменская, С.Г. Лобус, Ш.Б. Мамлеев) прибыл в Ленинград. Впереди были еще семь месяцев восстановительных работ в дворцовых помещениях, по завершении которых в на-

меченный срок – первую годовщину победы, 9 мая 1946 года для посетителей была открыта экспозиция «Русское реалистическое искусство XIX века», а впоследствии – и другие разделы музея. В наши дни его посетители, проходя по залам, даже не зная имен тех, кто спасал уникальные сокровища отечественной культуры в годы войны и блокады, имеют возможность видеть результат неустанной работы сотрудников музея. И, конечно же, тех, кто оказывал им всемерную помощь в уральских городах – далеких, но оказавшихся столь близкими для одного из ведущих художественных собраний мира.

¹ Балтун П.К. Русский музей – эвакуация, блокада, восстановление (из воспоминаний музейного работника). М., 1981. С. 25.

² Там же. С. 26.

³ Поликарпова Г.А. Филiaal ГРМ в Перми (Молотове) 1941–1945 // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX века. К 100-летию со дня рождения Георгия Викторовича Смирнова. Вып. XIII. СПб., 2007. С. 293.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Балтун П.К. Указ. соч. С. 47.

⁷ Поликарпова Г.А. Указ. соч. С. 296.

⁸ Алянский Ю. Рассказы о Русском музее. Л., 1988. С. 22.

⁹ Балтун П.К. Указ. соч. С. 57–58.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Подвиг века: Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания. Дневники. Письма. Очерки. Литературные записки / автор-сост. Н. Паперная. Л., 1969. С. 78.

¹² Цит. по: П.К. Балтун. Указ. соч. С. 55.

¹³ Подвиг века. С. 77.

¹⁴ Никифоровская И.В. Художники осажденного города. Л., 1985. С. 19.

¹⁵ Бахтияров Р.А. Живопись Ленинграда в период блокады. СПб.: Астерион, 2015. С. 148–149.

В начале 1937 года в СССР был взят курс на создание мощного Военно-морского флота. Для этого нужно было построить не только новые корабли, но и новые военно-морские базы и инфраструктуру. Возникла потребность в специалистах для командования кораблями и в инженерных кадрах для обеспечения кораблей средствами базирования.

Нарком ВМФ, флагман флота II ранга Н.Г. Кузнецов

История создания ВИТУ

Начиная с 1932 года небольшое количество специалистов – инженеров флота ежегодно выпускалось командным факультетом ВИА. В 1938 году в ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского были организованы краткосрочные курсы для подготовки военных инженеров различного профиля. Возросшие масштабы военно-строительных работ требовали высококвалифицированных кадров.

Решение проблемы наметилось после образования Высшего военно-морского инженерно-строительного училища – ныне Военного инженерно-технического университета. История его неотделима от истории страны и ее Вооруженных сил.

В 1938 году Главный Военный Совет ВМФ рассмотрел вопрос о значительном расширении сети военно-морских учебных заведений.

Участие преподавателей и курсантов ВИТУ в Великой Отечественной войне

В 1939–1940 годах открываются новые военно-морские учебные заведения командного профиля во Владивостоке – Тихоокеанское, в Баку – Каспийское, в Ленинграде – связи и гидрографическое. 10 июня 1939 году Комитетом обороны при СНК СССР было принято постановление об организации нового ВВМУза.

22 июня 1939 г. нарком ВМФ флагман флота II ранга Н.Г. Кузнецов подписал приказ об организации на базе ЛИИПС Высшего военно-морского инженерно-строительного училища I разряда. Его задачей, как отмечалось в приказе, являлась подготовка военных инженеров для строительства военно-морских баз, береговых фортификационных сооружений и других объектов флота.

15 июля 1939 года был утвержден акт о передаче института начальнику ВВМИ СУ военинженеру I ранга Н. Дубровину. Профессорско-преподавательский состав и студенты ЛИИПС образовали ядро нового вуза. 377 лучших студентов ЛИИПС, других вузов Ленинграда и вчерашних школьников были зачислены в кадры флота. В штат училища вводилось 600 курсантов и 610 человек – постоянного состава.

В июне 1940 года из училища убыл в связи с новым назначением первый его начальник Н.П. Дубровин. Личный состав

училища высоко оценил его деятельность по организации училища и с сожалением расставался с ним. В последующие военные годы он оказывал большую помощь в прохождении стажировки курсантами училища. В сентябре 1940 года в училище прибыл новый начальник училища бригадинженер С.К. Михайлов. До этого он занимал должность начальника отдела строительного управления на Балтийском флоте. В августе 1940 года по решению Главного военно-морского совета в училище был переведен военно-морской факультет ВИА им. В.В. Куйбышева в составе 14 преподавателей и 84 слушателей. Прибытие преподавателей военно-технических дисциплин позволило образовать в составе училища кафедры: фортификации, баз флота, баз аэродромов и гидроаэродромов. В связи с увеличением численности переменного состава в училище был образован второй факультет – факультет фортификации. Второй учебный год (1940/41) в училище ознаменовался такими событиями, как участие курсантов училища в составе морского батальона в Московских парадах на Красной площади – 7 ноября 1940 года и 1 мая 1941 года; в этом учебном году состоялся первый выпуск инженеров-строителей военно-морских баз.

10 июня 1941 года Главком ВМФ в соответствии с решением Главного Военного Совета издал приказ о реорганизации Высшего военно-морского инженерно-строительного училища. В приказе было сказано «...реорганизовать (ВВМИСУ) в Высшее инженерно-техническое училище ВМФ в составе факультетов: 1-го – берегового строительства и 2-го – электромеханического».

Электромеханический факультет предназначался для подготовки военных инженеров-электромехаников широкого профиля по проектированию, монтажу, эксплуатации и ремонту энергетических установок и электрооборудования береговых объектов флота. Ранее проблема подготовки инженеров-электромехаников решалась на базе Высшего военно-морского инженерного училища

им. Ф.Э. Дзержинского, в котором в 1938 году был открыт береговой факультет, укомплектованный в основном курсантами, призванными по спецнабору из студентов гражданских вузов, и путем призыва гражданских лиц, имевших среднее техническое образование. Во ВВМИУ в 1940 и 1941 годах в результате ускоренной подготовки были сделаны два выпуска инженеров-электромехаников береговой энергетики ВМФ.

Преподаватели и курсанты ВИТУ во время войны

Вклад ученых в победу в первую очередь состоит в подготовке кадров для Вооруженных сил до войны и в военные годы. Из ВИТУ было сделано 8 выпусков военных инженеров для берегового строительства и один выпуск инженеров-электромехаников. Выпускники в боевых условиях обеспечивали победоносные действия военно-морских сил на морских и озерных театрах военных действий. Нередкими были случаи участия их в боях на сухопутных фронтах войны.

С первого дня Великой Отечественной войны ученые училища, параллельно с подготовкой кадров, включились в работу по созданию условий для победы наших войск над немецкими захватчиками. Академик Б.Г. Галеркин был введен в состав комиссии, созданной для решения вопросов оборонительного строительства вокруг Ленинграда. В нее вошли также руководители партийных и советских органов города, командующий войсками Ленинградского военного округа и представители штаба военного округа; от училища в состав этой комиссии в качестве экспертов привлекались профессор: Б.Д. Васильев, Н.А. Кандыба, С.А. Шустиков, С.С. Голушкевич, Н.И. Унгерман и др. Возглавил комиссию дивизионный комиссар А.А. Кузнецов. Комиссией было принято решение о создании оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к Ленинграду. Руководство этими рубежами было возложено на начальника инженер-

ного управления Ленинградского фронта подполковника Б.В. Бычевского и заместителя командующего фронтом по оборонительному строительству генерал-майора П.А. Зайцева. К руководству работами по созданию укрепленных оборонительных районов и рекогносцировочными работами в районах возведения укрепленных узлов был привлечен почти весь профессорско-преподавательский состав. Начальник кафедры аэродромов и гидроаэродромов военинженер I ранга Е.С. Рукавишников и преподаватель военинженер III ранга И.И. Мальцев проводили изыскания и выполнили проектные работы по строительству аэродромов в районах Сиверской, Плеханово и Горской. Военинженер I ранга Б.А. Урецкий участвовал в выборе места строительства причалов для кораблей в районе поселка Лисий Нос на берегу Финского залива. Большая группа профессорско-преподавательского состава участвовала в рекогносцировке оборонительных районов под Лугой, на Карельском перешейке. Профессорско-преподавательский состав училища с первых дней войны принимал участие в экспертной и проектной работе при создании укрепленных оборонительных районов. Группу при начальнике инженерной обороны Ленинграда возглавлял академик Б.Г. Галеркин. В нее входили профессор: Б.Д. Васильев, Н.А. Кандыба, Н.И. Унгерман, доценты: С.С. Голушкевич, П.И. Клубин. Группами проектировщиков руководили Б.Д. Васильев, С.А. Шустиков, С.С. Голушкевич, Г.Н. Колокольников, Г.А. Терстепанов.

Профессор Н.Н. Лукницкий оказывал помощь в создании сборных железобетонных огневых точек. Под руководством доцента С.А. Гельмана в лаборатории строительных материалов инженеры В.В. Рагозин (будущий гроссмейстер) и техник Н.Т. Гусенков организовали производство деталей для оружия.

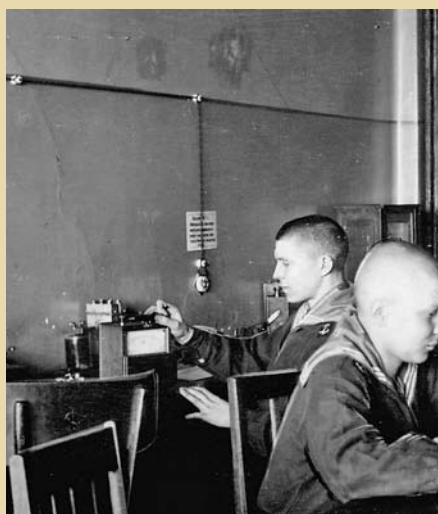

И.И. Чежин руководил строительством причала в поселке Лисий Нос. Этот причал в 1944 году сыграл большую роль в переброске войск Второй ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм перед снятием блокады Ленинграда.

Доцент С.С. Голушкевич выполнил большую исследовательскую работу по определению толщины льда, обеспечивающую движение автомашин и танков через Шлиссельбургскую губу Ладожского озера. Эта работа позволила построить ледовую дорогу из поселков Ваганово и Кокорево (западный берег Ладожского озера) в Кабоны (восточный берег). В строительстве ледовой дороги приняли участие будущий начальник училища военинженер I ранга П.А. Никаноров и преподаватель кафедры архитектуры военинженер III ранга Г.А. Архангельский.

Не прекращалась научно-исследовательская работа и после эвакуации в Ярославль. Профессора и преподавательский состав училища как в начале войны, так и в последующие годы постоянно участвовали в решении конкретных вопросов инженерного обеспечения базирования сил флота и усилению боеспособности береговой оборо-

ны. Особенно большую помощь флоту оказывал Б.Д. Васильев, консультировавший строительство гидротехнических и береговых сооружений на Балтийском и Северном флотах и на Черноморском побережье. Доценты В.С. Христофоров и Н.А. Смородинский выполнили по заданию инженерного управления ВМФ большую работу в области типового проектирования быстровозводимых причальных сооружений.

Награды

Одержанные крупные победы на фронтах Отечественной войны последовательно отмечались ЦК ВКП(б) и Президиумом Верховного Совета СССР наградами – орденами и медалями. Награждались воинские части, подразделения и отдельные лица. Отмечались наградами и учебные заведения за успехи в подготовке кадров для фронтовых частей.

22 февраля 1944 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении

ВИТУ ВМФ боевым орденом Красного Знамени «За образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество». В представлении ВИТУ к награде (наградном листе от 10 декабря 1943 г.) указаны заслуги преподавателей и курсантов училища в создании оборонительных укрепленных узлов вокруг Ленинграда, в выполнении учеными училища важной для инженерных органов фронта и флота научно-исследовательской работы и в больших боевых успехах выпускников ВИТУ (6 выпусков) на фронтах Отечественной войны.

Позже, 22 июля 1944 года, высокими правительственными наградами «За выдающиеся заслуги в подготовке кадров для ВМФ» была награждена большая группа офицеров и преподавателей училища.

Орденом Трудового Красного Знамени были награждены: инженер-генерал-майор Н.Н. Лукницкий, инженер-полковники: Э.А. Бари, Н.А. Кандыба, Г.Н. Колокольцев; орденом Красной Звезды – инженеры-полковники С.С. Базыкин, П.Т. Белоусов, Б.Д. Васильев, Е.С. Руквишников, Н.Н. Степанов, инженер-подполковник И.П. Ерохин, подполковник П.И. Заботкин, орденом «Знак Почета» – инженеры-полковники И.П. Александрин, Б.А. Урецкий, С.А. Шустиков, инженеры-подполковники: А.В. Канторович и А.Я. Носов.

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов писал: «В защите города-героя, города мужества и бесстрашия – Ленинграда есть доля и Вашего труда и Вашей работы. Ленинградцы хорошо знают, что ВИТУ, его личный состав: курсанты, офицеры, преподаватели – много сделали для укрепления Ленинграда, для защиты его от нашествия немецких варваров. В дни тяжелых боев на подступах к Ленинграду, в тяжелое время блокады, голода и холода личный состав ВИТУ не дрогнув, верно и честно выполнил свой долг перед Родиной и народом. Ваша героическая работа должным образом оценена нашей страной высокой наградой – орденом Красного Знамени».

Начальник училища (1975–1988) генерал-лейтенант Н.П. Ваучский с ветеранами училища

В 1942–1945 годах ученые училища продолжали вести научные исследования, имевшие большое теоретическое и широкое практическое значение не только в оборонительном деле, но и в народном хозяйстве в целом. Так, в это время раскрылся глубокий математический талант профессора Виталия Викторовича Канторовича (будущего академика и лауреата Нобелевской премии). Канторович решил проблему обеспечения живучести военных объектов на основе применения теории вероятности. Наибольший вклад он внес в разработку и внедрение в практику математических методов решения экономических проблем в отраслях народного хозяйства.

Профессор Оскар Моисеевич Тодес предложил теорию модификации катализаторов. Использование ее позволяло снижать температуру, при которой катализаторы

могут работать. Позже, в 1987 году, теория, разработанная Тодесом, была признана открытием, а в военное время использовалась в производстве обуви с «самообогреваемой подошвой».

Профессор С.А. Шустиков и доцент С.С. Голушкевич уточнили конкретные рекомендации по переправе тяжелой военной техники по льду водоемов (рек и озер). Эти разработки были положены в основу докторской диссертации, которую С.С. Голушкевич защитил в 1944 году. Доцентом Л.С. Гильманом была предложена теория расчета защитных сооружений от воздействия динамических нагрузок. Эта теория являлась существенным вкладом в фортификационную науку. Ранее защитные конструкции фортификационных сооружений рассчитывались на основе эмпирических формул, основанных на результатах натурных экспериментов. Защитив на ученом совете разработки по этой теории в 1944 году, Л.С. Гильман стал доктором технических наук.

Ф.Я. Бугров разработал методику расчета оружейных фундаментов. Преподаватели кафедр фортификационных сооружений и баз Военно-морского флота в эти годы разработали ряд руководящих документов в области инженерного оборудования морских театров военных действий.

С целью оказания помощи в решении технических и оперативных управленческих вопросов, а также для изучения опыта боевых действий на фронтах ВОВ, ученые училища выезжали в командировки или на стажировки. Летом 1942 года С.А. Гельман и

И.Н. Слотинцев участвовали в инженерных работах на оборонительных рубежах освобожденного Севастополя и Новороссийска; Е.К. Корягин и М.П. Кручков стажировались на Северном флоте, они участвовали в рекогносцировках мест оборудования временных пунктов базирования; Г.Н. Соловейчик – в боевых походах эскадренного миноносца «Бойкий» на Черном море. На Черноморском флоте в 1943 году стажировался Е.И. Шерстобитов; в инженерном отделе КБФ – Л.С. Гильман и С.К. Якимов; в электромеханических службах действующих частей КБФ – К.И. Бригов, А.И. Докторов, И.А. Сафронов и Г.В. Субочев.

Н.А. Смородинский и Е.Г. Дружинин выполняли служебные задания на Черноморском театре военных действий; в боевой обстановке они изучали опыт инженерного обеспечения высадки морских десантов.

Особый характер имела стажировка преподавателей кафедры «Тактики ведения боевых операций», она проходила в действующих боевых частях. Так, И.П. Сорокин, П.И. Заботкин в 1944 году участвовали в боевых действиях Приморской и Таманской армий. За мужество, проявленное во время стажировки, И. П. Сорокин был награжден орденом Отечественной войны I степени. А.А. Рядов стажировался в инженерных частях 2-й ударной армии Ленинградского фронта, а позже – 1-го Украинского фронта. Он был награжден орденом Отечественной войны II степени. Ряд преподавателей был задействован на фронтах Отечественной войны на более длительное время. В.М. Шадрин командовал батальоном

во время прорыва блокады под Ленинградом. М.А. Глазков был заместителем командира полка. М.Д. Пятецкий в должности командира морского стрелкового батальона прошел с боями путь от Сталинграда до Карпат, дважды был тяжело ранен, награжден орденом Александра Невского. Он вернулся в училище, защитил кандидатскую диссертацию и работал преподавателем в ВИТУ, а позже в Пушкинском строительном училище – начальником кафедры. Ш. Джаналидзе воевал в инженерных частях КБФ на Ораниенбаумском «пятакке», участвовал в организации базирования соединений флота при продвижении на Запад. После войны защитил диссертацию и служил в системе ВМФ.

За годы Отечественной войны погибли 8 преподавателей и сотрудников училища, это: преподаватели: военинженер II ранга Г.А. Архангельский, военинженер II ранга А.И. Белобоков, начальник кафедры Н.К. Горчин, преподаватель Н.А. Панков, военинженер III ранга В.М. Шадрин, лаборант В.Т. Коротяев, заместители начальника училища по организационно-строевой части: полковник А.А. Ганин, полковник Н.Е. Голубятников.

Опыт боевых действий Красной Армии и Флота, а также инженерного обеспечения этих действий профессорско-преподавательский состав постоянно переносил в учебный процесс.

Используя опыт войны, ученые училища продолжали вести научно-исследовательскую работу, создавали новые учебники и учебные пособия.

Годы Великой Отечественной войны явились трудным испытанием для коллектива ВИТУ ВМФ. Но трудности эти были преодолены с высокой честью и достоинством. Действия наших преподавателей, слушателей, курсантов и выпускников как на фронтах Отечественной войны, так и в тылу вызывают стремление быть достойными их подвигов.

Статья подготовлена по материалам книги В.М. Васильева «Высшее инженерно-техническое училище ВМФ накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»

Участники Великой Отечественной войны из ВИТУ на Параде Победы

8 мая 1945 года в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. В ознаменование победоносного завершения войны Указом Президиума Верховного Совета СССР день 9 мая был объявлен днем всенародного торжества, Днем Победы. 24 июня 1945 года в честь Великой Победы над фашистской Германией состоялся Парад Победы.

Высокая и заслуженная честь была оказана нашему училищу – участвовать в Параде Победы, командованием училища участие было доверено роте курсантов 3-го курса во главе с ее командиром инженер-капитаном Г.Ф. Плотниковым, его помощником был назначен слушатель-фронтовик лейтенант Ю.Н. Щербаков. В роту были включены Герой Советского Союза сержант А.В. Голоднов и шесть курсантов электромеханического факультета: сержант П.Д. Верхопятинский, курсанты А.Н. Михайлов, Г.Н. Попов, П.И. Расин, Б.А. Соловьев и Ю.Г. Тюрленев. Рота входила в состав моряков-балтийцев и замыкала колонну сводного морского полка, который состоял из батальонов Черноморского, Балтийского и Северного флотов, сводного батальона Каспийской и Приднепровской флотилий.

Феофан Николаевич Лагунов родился в 1896 году в городе Невель Витебской губернии. В семье было пятеро детей: две дочери и трое сыновей: Феофан (1896), Степан (1897), Иван (1904). Взросление молодых людей совпало с нелегким для страны временем войн: Первой мировой и Гражданской, поэтому все три брата стали профессиональными военными.

ГЕРОИ ДОРОГИ ЖИЗНИ

М.О. ЛОГУНОВА,
главный научный сотрудник Государственного
музея истории Санкт-Петербурга,
кандидат исторических наук

Самым выдающимся представителем этой семьи стал, безусловно, старший сын – Феофан. В семье сохранился важный документ – «Именной список лиц, родившихся в 1896 г. и принятых на военную службу на основании именного Высочайшего указа 10 июля 1915 г.», выданный на имя православного холостого мещанина Феофана Николаевича Лагунова¹. Он был призван из родного Невеля 10 августа 1915 года. Феофан Лагунов состоял в Красной Армии с 1917 года, в партии с 1919 года. Время требовало на службу грамотных людей, и Ф.Н. Лагунов стал слушателем 1-х Рязанских пехотных курсов красных командиров, отбор в которые был весьма требовательным, а командный и преподавательский состав в основном состоял из бывших царских боевых офицеров. В предвоенные годы он, как профессиональный связист, был начальником управления связи военного округа. Карьера Феофана Николаевича складывалась успешно, в 1940 году ему присвоено воинское звание генерал-майора интендантской службы², в 1942 году – генерал-лейтенанта. Он занимал ответственные посты, участвовал в Финской войне. Во время Великой Отече-

ственной войны Ф.Н. Лагунов – начальник тыла – зам. командующего Ленинградского фронта³, затем начальник тыла 3-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов. После войны – начальник тыла – зам. командующего войсками Северной группы войск в Германии, начальник тыла Главного командования войск Дальнего Востока. Заслуги Ф.Н. Лагунова перед Отечеством были высоко оценены государством. Среди его наград два ордена Ленина⁴, три ордена «Красного Знамени», ордена Суворова I ст.⁵, Кутузова I⁶ и II⁷ ст., «Красной Звезды», «Богдана Хмельницкого» II ст., «Отечественной войны» I ст., отечественные медали и иностранные награды⁸.

От обеспечения тыла во многом зависела боеспособность армии, Ф.Н. Лагунов всегда оказывался на самых трудных участках. С сентября 1941 по январь 1944 года он возглавлял тыл Ленфронта, а в то время весь Ленинград стал, собственно, фронтовым тылом. В условиях, более чем экстремальных, складывалась система обеспечения тыла фронта, которой у нашей армии до Великой Отечественной не было. Невозможно не назвать имена людей, которые отвечали за работу

тыла Ленфронта, следовательно, и за судьбу самого города. В период 1941–45 годов это генералы Ф.Н. Лагунов; начальник штаба тыла фронта П.И. Новоселов; Г.М. Савоненков⁹; зам. начальника штаба тыла фронта А.М. Шилов. Сын генерала П.И. Новоселова И.П. Новоселов, еще мальчиком прошедший со своим отцом все военные дороги, отмечает, что не случайно богатый опыт этих людей сыграл огромную организаторскую роль в условиях блокады Ленинграда, когда на их плечи легли обязанности по эвакуации мирных жителей и раненых военнослужащих из осажденного города. «Кроме того, было необходимо обеспечивать этими же путями доставку в блокадный город продовольствия, боеприпасов, горючего, а также воинских контингентов и техники. И самое главное, что такую сложнейшую задачу приходилось решать впервые в мировой практике ведения боевых действий, причем это длилось не недели и месяцы, а 900 дней блокады!»¹⁰.

Хорошо знавший начальника тыла Д.В. Павлов¹¹ вспоминал: «Одним из организаторов обороны города был начальник тыла войск Ленинградского фронта генерал-лейтенант Ф.Н. Лагунов. Во время блокады мне приходилось ежедневно иметь с ним дело, видеть его в разной обстановке: в дни тяжелых потерь на фронте, в дни полного истощения материальных ресурсов, а также в радостные дни, когда наши боевые действия были успешными. Он всегда оставался самим собою: сосредоточенным, внешне спокойным, с ясным планом действий»¹².

Автор книги под значимым названием «Стойкость» отмечал, что на долю генерала выпало огромное количество сложных работ: строительство дороги на льду Ладожского озера, организация завоза продовольствия, боеприпасов, эвакуация людей из Ленинграда, развертывание госпиталей, восстановление мостов и дорог, поврежденных авиацией противника, обеспечение воинов передовых частей маскировочными халатами, лыжами. Даже такая, казалось бы, несложная задача превращалась в проблему, так как взять лыжи на складах было невозможно, привезти из других мест в условиях блокады города немисливо. И тогда Феофан Николаевич предложил обратиться к ленинградцам за помощью, просить передать имеющиеся у них лыжи военному ведомству, жители города откликнулись, вопрос был решен.

Безусловно, одним из важнейших дел, возложенных на начальника тыла, было обеспечение связи осажденного города с Большой землей. Когда мы говорим о Дороге жизни, то, прежде всего, вспоминаем о трассе, проложенной по льду Ладожского озера. Это, безусловно, не вполне корректно, потому что так следует называть все коммуникации, связывавшие город со страной. Сначала отрабатывалась возможность переброски продовольствия и людей из Ленинграда и в Ленин-

ПРИКАЗ ПО ТЫЛУ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЛЕДОВОЙ ДОРОГИ ПО ЛАДОЖСКОМУ ОЗЕРУ МЫС «ОСИНОВЕЦ» – МАЯК КАРЕДЖИ

№ 0164

13 ноября 1941 г.

1. Для руководства постройкой ледяной дороги по водной трассе мыс «ОСИНОВЕЦ» – маяк КАРЕДЖИ назначается начальник 3-го отделения Автомобильно-Дорожного отдела управления тыла фронта в/инженер [военинженер] 3 ранга т. ЯКУБОВСКИЙ.

2. Дорогу проложить по трассе мыс «ОСИНОВЕЦ» – маяк КАРЕДЖИ с учетом двустороннего движения автомобильного и тракторного транспорта. Ширина проезжей части дороги должна быть не менее 10 мтр [метров].

В районе ст. ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО и маяк КАРЕДЖИ устроить перевалочные базы. Вдоль всей трассы с промежутком в 5 км, начиная от ст. ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО открыть питательно-обогревательные пункты. На этих же перевалочных базах установить маслово-догрейки и пункты техпомощи автотранспорту.

3. Для постройки дороги в распоряжение в/инженера 3-го ранга т. ЯКУБОВСКОГО передать за счет порта «ОСИНОВЕЦ» один рабочий батальон (БОСС), 165 строительный батальон и 88-й отдельный мостостроительный батальон; пять тракторов и 20 автомашин за счет 17-й автобригады; 100 саней и 10 водяных насосов за счет Интендантского управления фронта; 100 лошадей за счет Отдела укомплектования штаба фронта.

4. К работе по устройству ледяной дороги приступить с 14 ноября с.г., произведя усиление льда путем искусственного намораживания с учетом окончания ее постройки одновременно с ледоставом.

5. Интенданту фронта бригадному т. НОВОСЕЛОВУ для оборудования ледяной дороги (питательно-обогревательных пунктов) выделить в распоряжение в/инженера 3-го ранга т. ЯКУБОВСКОГО 10 цеховых палаток, 9 чел. руководящего состава для работы на пунктах и необходимое количество продуктов и инвентаря. Обеспечить вещевым имуществом (зимним обмундированием) батальоны, выделяемые для работы.

6. Начальнику Санитарного управления Ленфронта в/врачу [военврачу] 1-го ранга т. ВЕРХОВСКОМУ для организации питательно-обогревательных пунктов ледяной дороги выделить 5 лекпомов с необходимыми медикаментами и противообмораживающими средствами.

7. Начальнику АБТУ Ленфронта полковнику т. ДЕМЕНТЬЕВУ для организации подвоза грузов по ледяной дороге подготовить и выделить 40 тракторов СТЗ-ы и одну ремонтную автомастерскую с запасными частями.

Срок подготовки и передачи тракторов и автомастерской в распоряжение начальника Авто-Дорожного отдела в/инженера 1-го ранга т. МОНАХОВА – 16-е ноября с.г.

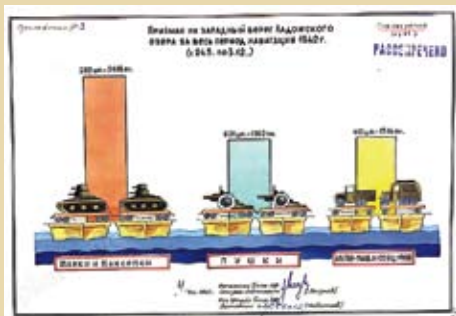
8. Начальнику Автомобильно-Дорожного Отдела Управления тыла Ленфронта в/инженеру 1-го ранга т. МОНАХОВУ за счет 64-го ДЭПа перебросить одну ДКР в «Осиновец» для организации Дорожно-комендантской службы на ледяной дороге, и подготовить для снабженческих перевозок две авто-тракторные роты (60 тракторов) и две авто-транспортные роты (120 машин).

9. Начальнику связи фронта генерал-майору т. КОВАЛЕВУ для организации проволочной связи на трассе ледяной дороги через ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО выделить роту связи за счет полка связи с обеспечением ее необходимыми средствами проволочной связи. Срок – 17.11.41 г.

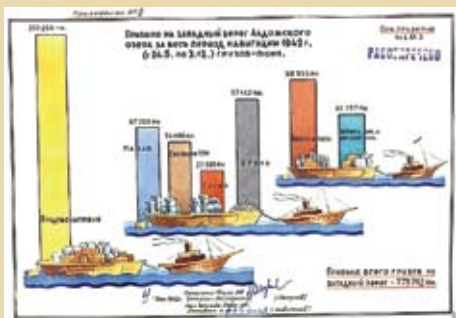
10. Общее руководство по постройке ледяной дороги мыс «ОСИНОВЕЦ» – маяк КАРЕДЖИ возлагается на начальника Автомобильно-Дорожного отдела в/инженера 1-го ранга т. Монахова.

К работам приступить с 14.11.41 г. и постройку вести форсированным темпом.

Зам. комвойсками – нач. тыла Ленинградского фронта генерал-майор инт. службы ЛАГУНОВ
Военный комиссар тыла (АФ) Бригадный комиссар ЖМАКИН

По данным отчета о проделанной работе в навигацию с 24 мая по 3 декабря 1942 года всего перевезено грузов – 1 006 680 т, людей 755 665 чел., из них на восточный берег – 502 990 чел. (передислокация – 93 364 чел., командированных – 22 999 чел., раненых – 40 733, эвакуированное население – 423 066 чел., заключенных – 6 828 чел.). В Большой Российской энциклопедии указано, что общее количество грузов, перевезенных в Ленинград по Дороге жизни за весь период ее действия составило свыше 1615 тыс. тонн; за это же время из города было эвакуировано около 1376 тыс. чел.

В 1943 году штаб тыла расположился в подвалах Инженерного замка, потом по адресу: Караванная ул., д. 1. В 2011 году на этом доме по инициативе И.П. Новоселова была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме в Великую Отечественную войну размещался штаб тыла Ленинградского фронта под руководством генералов Ф.Н. Лагунова, П.И. Новоселова, Г.М. Савоненкова, А.М. Шилова, реализовавших идею создания дороги по льду Ладожского озера. По этой «Дороге жизни» из блокадного города было вывезено более 500 тысяч жителей и завезено около 2 миллионов тонн продовольствия и ценных грузов».

град по воздуху. При воздушных перевозках использовались самолеты ПС-84 (с 1942 г. – ЛИ-2), которые могли перевозить от 120 до 200 т в сутки – это было мало. С 30 августа 1941 года начался водный путь, который существовал до ноября 1941 года. И воздушный и водный способы соединения города с остальной страной находились в ведении начальника тыла Ленфронта Лагунова.

Разработка способов соединения города со страной продолжилась по водной магистрали, шедшей через Ладожское озеро и также подчинявшейся Лагунову. О том, как все начиналось, он кратко рассказал в статье «Сквозь блокаду», вышедшей в сборнике «На Дороге жизни» уже после смерти генерала¹³. Он говорил, что с падением Шлиссельбурга обстановка на Ленфронте стала тяжелой и трасса через Ладожское озеро стала единственно возможной связью с Большой землей. Сначала создаваемая фронтовая магистраль находилась в распоряжении нескольких организаций: Управления тыла фронта, Управления Северо-Западного речного пароходства и Ладожской водной флотилии, причем каждая организация подчинялась своему начальнику и отвечала только за свой участок работы. Необходимо было соединить все нити управления в одних руках. В августе 1941 года под руководством адмирала флота И.С. Исакова сплачивались караваны судов и подбирались экипажи, большое сделать было нельзя. Положение было печальным, но с помощью военных строителей заброшенные пристани Гостинополье, Новая Ладога, бухта Осиновец стали преобразоваться. Первая фронтовая навигация на Ладоге началась 12 сентября 1941 года, к этому времени было 5 озерных буксиров, 7 канонерских лодок, несколько буксиров-«ижорцев», и это при условии обычной штормовой погоды в это время. За два с половиной месяца навигации от штормов и бомбежек потеряли 45 барж и

6 самоходных судна. Буксиров не хватало, темпы работы замедлялись.

Близились зима, Военный совет фронта понимал, что скоро прорвать блокаду не удастся. Путь через Ладогу давал возможность вывезти из города людей, в городе накапливать продовольствие и боеприпасы. И это в условиях постоянных артобстрелов и бомбежек! Военный совет возложил на тыл (следовательно, в первую очередь на его руководство) ответственность за организацию, оборудование и эксплуатацию трассы. Ф.Н. Лагунов никогда не говорил «я», он всегда говорил «мы». И в рассказе об организации Дороги жизни он ограничивается констатацией фактов: создана система управления подвозом, дополнительные перевалочные базы – до 22, сформированы 6 дорожных полков и мостовых батальонов, автотранспортная бригада. Привлекли к обслуживанию два автотранспортных завода, санный гужевой полк, рабочие батальоны. Удалось организовать защиту: зенитную артиллерию, истребительную авиацию, связь, санитарную службу и многое другое.

После того как стало ясно, что привоз продовольствия в город воздушным путем недостаточен, а водный путь через Ладогу уже наметился, начальник тыла подал Военсовету фронта идею о дороге по льду. Он побеседовал с местными рыбаками о возможности прокладывания зимников через озеро. Рыбаки рассказали, что они ездят на лошадях на восточный берег за сеном, но обычно не раньше января, и то, если штормовой ветер не взломает лед. О том, чтобы кто-нибудь по льду Ладоги проехал на машине, рыбаки никогда не слышали, да и вряд ли это возможно. Обследовав местность и взвесив все «за» и «против», 13 ноября 1941 года генерал Ф.Н. Лагунов подписал Приказ по тылу Ленинградского фронта №0164 об организации строительства ледовой дороги по Ладожскому озеру мыс «Осиновец» – маяк Кареджи. Именно эту трассу стали называть Дорогой

жизни, официально в открытой переписке по приказу начальника тыла она получила название «Военно-автомобильная дорога №101 (ВАД 101)»¹⁴. 19 ноября А.А. Жданов вызвал Ф.Н. Лагунова, начальника 3-го отделения автомобильно-дорожного отдела управления тыла фронта военного инженера 3-го ранга Б.В. Якубовского и начальника автомобильно-дорожного отделения военного инженера 1-го ранга В.Г. Монахова¹⁵. Они доложили о ситуации, и в тот же день был подписан приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро»¹⁶.

Для прохождения транспорта была необходима толщина льда не менее 200 мм, но лед на озере долго не вставал; когда толщина его достигла 180 мм, было решено начать движение. Для проверки возможности прохода автотранспорта генерал Ф.Н. Лагунов вместе с военным прокурором Д.И. Фуком и Б.В. Якубовским на легковой машине М-1 проехали весь путь с западного на восточный берег озера по прогибающемуся льду. Ледовая трасса была открыта 22 ноября 1941 года, ленинградцы получили первые тонны продуктов. Так был проложен самый ответственный ледовый участок военной дороги №101¹⁷. Феофан Николаевич честно писал, что, конечно, все шло не так, как хотелось бы. Лед – хрупкий, пришлось доставлять грузы на лошадях¹⁸, что оказалось малоэффективным. Машины быстро выходили из строя. Но постепенно все входило в свою колею.

Единственная зимняя коммуникация не оставалась постоянной, в зависимости от оперативной обстановки трасса то удлинялась, то укорачивалась, следовательно, надо было все организовывать по-новому. Осложнило ситуацию и взятие немцами Тихвина, что исключило возможность использования железнодорожного участка Тихвин-Волховстрой. В декабре 1941 года Красная Армия освободила Тихвин, это позволило восстановить железнодорожный участок Войбокало-Жихарево и подвести ж/д линию непосредственно к восточному берегу Ладожского озера. В это время коммуникация проходила по железной дороге от Ленинграда до станции Ладожское

озеро, затем по льду Ладоги автотранспортом до станции Коса на восточном берегу и по железной дороге Коса-Войбокало-Волховстрой. Закрыта трасса была 24 апреля 1942 года. Но пока она действовала, в зимнее время проводились работы по углублению и очищению дна озера в районе бухт и пристаней. Построено 30 деревянных и 14 металлических барж, 118 тендеров, 2 металлических паромов. Со дна подняли много судов, отремонтировали десятки барж и буксиров, создавали возможность подъезда к пристаням.

Контроль за трассой осуществляли Управление тыла, Северо-Западное речное пароходство и Ладожская водная флотилия. К сожалению, слишком часто срабатывал личный фактор, когда первый дозвонившийся непосредственно в Военсовет имел преимущество перед остальными участниками возникшего конфликта. Тогда начальнику тыла Ленфронта Лагунову пришлось разработать новую схему подчиненности. По его докладу Военный совет 27 июня 1942 года изменил порядок руководства перевозками. Отныне все встало на свои места. И уже в июле 1942 года ладожцы смогли отправлять за сутки 7000 т грузов и вывозили из города до 10 000 чел. Далее работа Дороги жизни только расширялась. С 12 сентября 1941 года и до прорыва блокады 18 января 1943 года эта водная и ледовая трасса стала единственной дорогой, которая питала Ленинград, войска фронта и Краснознаменный Балтийский флот¹⁹. С 10 ноября 1943 года перевозки всех пассажиров стали осуществляться по железной дороге, эвакуационные пункты на станциях Борисова Грива и Кабона²⁰ были закрыты. Дорога жизни утратила свою актуальность.

Во многом Дорога жизни обязана труду и организаторским способностям Ф.Н. Лагунова: самим фактом своего существования, своей работой, ролью в деле обороны города. Начальник тыла никогда не подчеркивал свою роль в этом огромном деле, однако никогда не оставлял дорогу и людей на ней трудившихся без внимания.

От Феофана Николаевича в наследство нам остался и конкретный памятник. Это Румболовская гора – мемориал, заложенный 7 мая 1965 года в честь 20-летия со дня победы в Великой Отечественной войне и сооруженный в 1967 году (уже после его смерти) жителями Фрунзенского района Ленинграда во Всеволожске у развилки дорог на Ладожское озеро и Колтуши. Архитекторы: П.Ф. Козлов и В.Н. Полухин. Огромные, устремленные вверх листья дуба и лавра и желудь – символы славы и непрерывности жизни. У основания обелиска установлена стела со стихами Ольги Берггольц. От Румболовской горы шла единственная сухопутная дорога к Ладожскому озеру, используемая защитниками Ленинграда, здесь проходил 10-й километр дороги. Рядом с Румболовской горой, во Всеволожске сходятся две дороги на Ладогу, в военное время использовали обе,

но основной была дорога от Ржевки до Румболовской горы. На левой стороне дороги, неподалеку от знака, отмечающего границы Всеволожска, где находился Штаб тыла Ленинградского фронта – собственно, ставка тыла, установлен гранитный камень, надпись на котором свидетельствует о том, что в этом месте проходила Дорога жизни. По воспоминаниям ветеранов, этот первый памятный знак был установлен по инициативе генерал-лейтенанта Ф.Н. Лагунова, бывшего начальника тыла Ленинградского фронта.

¹⁴ В разных документах написание фамилии варьируется: Лагунов или Логунов.

¹⁵ Постановление Совнаркома СССР от 4 июня 1940 года №945.

¹⁶ Начальники Ленинградского фронта: генерал-лейтенант М.М. Попов (27.08.1941–5.09.1941); маршал К.Е. Ворошилов (5–14.09.1941); генерал армии Г.К. Жуков (14.09–10.10.1941); генерал-майор И.И. Федюнинский (10–26.10.1941); генерал-лейтенант М.С. Хозин (октябрь 1941 – 8.06.1942) снят с должности; генерал-лейтенант Л.А. Говоров (июль 1942 – июль 1945).

¹⁷ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 3. № записи: 10619654. 1942. За организацию перевозок – Дорога жизни.

¹⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 202. № записи: 46991230. 1945 г. № записи: 446991471.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 40. № записи: 46679635. 1945.

²⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 106. № записи: 18963442. 1944.

²¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 202. 1945.

²² Генерал-майор Г.М. Савоненков – начальник управления продовольственного снабжения тыла фронта сменил в январе 1944 года Ф.Н. Лагунова на посту начальника тыла. Савоненков был заместителем А.А. Жданова в Союзной контрольной комиссии по подписанию мира (подкапитуляции) с Финляндией после Зимней войны в Хельсинки.

²³ Новоселов И.П. Хрупкий лед под ногами непреклонных блокадников // Независимое военное обозрение. 2011. 25 ноября. URL: http://nvo.ng.ru/history/2011-11-25/13_blokadniki.html (дата обращения: 10.02.2013).

²⁴ Павлов Дмитрий Васильевич (1905–1991) – генерал-лейтенант интендантской службы. В 1941–42 годах – уполномоченный ГКО по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта, в 1942–46 годах – начальник Управления снабжения Красной Армии, в дальнейшем – министр пищевой промышленности, министр торговли и т.д.

²⁵ Павлов Д.В. Стойкость. М.: Политиздат, 1983. С. 118.

²⁶ См.: Лагунов Ф.Н. Сквозь блокаду // На Дороге жизни: сборник / сост. П.Л. Богданов. Л.: Лениздат, 1975. С. 9–16.

²⁷ Приказ по тылу Ленфронта за подписью генерал-лейтенанта Ф.Н. Лагунова от 26 ноября 1941 г. №0188. С 7 декабря 1941 года – ВАД 102.

²⁸ Василий Георгиевич Монахов (1902–1960). 13.11–7.12.1941 года Приказом от 13 ноября 1941 года № 0164 на него было возложено общее руководство по постройке ледяной дороги. 7 декабря 1941 года начальником ВАД-101 вместо В.Г. Монахова назначен капитан 2-го ранга М.А. Нефедов (1899–1943). Погиб при бомбежке в бухте Морье.

²⁹ Приказ №00172 подписан Командующим войсками Ленфронта генерал-лейтенантом М.С. Хозиным, членом Военсовета фронта А.А. Ждановым и за начальника штаба фронта генерал-майором А.В. Гвоздовым.

³⁰ Кондратев З.И. Дороги войны. М.: Воениздат, 1968. С. 149–150.

³¹ Было задействовано около 140 лошадей.

³² Лагунов Ф.Н. Сквозь блокаду // На Дороге жизни.

³³ Постановление военного совета Ленфронта от 23 октября 1943 г. №001789. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 95. Л. 39. Заверенная копия.

Люди, которым посчастливилось быть лично знакомыми с талантливым советским архитектором Александром Михайловичем Соколовым, вспоминают его как человека необыкновенно эрудированного, всесторонне одаренного, требовательного к себе и другим, но при этом весьма скромного и деликатного. Одна из интереснейших страниц творческой биографии Александра Соколова связана с «Ленметропроектом» (с 1977 года НИПИИ «Ленметрогипротранс»), главным архитектором которого он проработал с 1950 по 1959 год.

Издательство «Зодчий» благодарит коллектив Ленметрогипротранса и лично генерального директора В.А. Маслака за помощь в подготовке данного материала

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

1958 год. В Брюсселе проходит Всемирная выставка и в кинотеатрах идет фильм Михаила Калатозова «Летят журавли», только что удостоенный Золотой пальмовой ветви в Каннах. Павильон СССР был признан одним из лучших и удостоен высшей награды — Золотой звезды. Несмотря на грандиозные размеры (25 тыс. м²) и классические формы, он смотрелся легко и современно благодаря, прежде всего, стеклу и алюминию, из которых был построен. Выставка 1958 года проходила под девизом «Человек и прогресс». Главной изюминкой советской экспозиции были точные копии двух первых искусственных спутников Земли. Интерес к ним был такой, что в первые недели работы ЭКСПО у павильона выстраивались многочасовые очереди. Большой успех в Брюсселе имела советская гражданская авиация. Гран-при получил только что вышедший на дальние трассы реактивный ТУ-114, до 1965 года он был самым большим пассажирским самолетом в мире. Обладателями Гран-при стали и авторы проекта станции метро «Технологический институт-1» — ленинградские архитекторы А.К. Андреев и А.М. Соколов.

Александр Михайлович Соколов происходил из крестьянской семьи, корни которой уходят в деревню Леоново Тверской области, откуда родом был его отец Михаил Яковлевич Соколов. Саша Соколов родился 4 ноября 1901 года в городе Тихвине Санкт-Петербургской губернии, куда перед его рождением переселилась семья отца. Этот небольшой городок издавна славился искусными мастерами-строителями, плотниками, серебряниками, а также иконописцами,

которые создали превосходную школу живописи. Окончив в 1918 году реальное училище, Александр Соколов переехал из Тихвина в Петроград.

Проработав два года подручным мастера-слесаря на заводе «Про-

мет», в конце 1919 года он перешел на работу в техническое бюро чертежником, одновременно готовясь к поступлению в высшее учебное заведение. В 1920 году Александра Соколова приняли в мастерскую профессора И.А. Фомина при Ленинградском высшем художественно-техническом институте (бывшей Академии художеств). Именно в этом учебном заведении определялись теоретические основы нового направления архитектуры в период борьбы ленинградских конструктивистов со сторонниками неоклассицизма. Фомин стремился защищать композиционные принципы классики, отстаивал систему индивидуальных творческих мастерских, был противником коллективного обучения. Профессор считал, что только характером можно образовывать характер творчества, обрести навык делать что-то в совершенстве. В 1938 году в память о своем учителе Александр Соколов принял участие в конкурсе на проект памятника на могиле И.А. Фомина. В одном из отзывов на эту работу говорится, что «от

проекта веет большой задушевностью и лиричностью».

Учеба в Академии художеств затянулась из-за прекращения занятий. Два курса Александру Михайловичу пришлось проучиться в Институте гражданских инженеров. В 1923 году он снова возвратился в Академию художеств и, участвуя в ней, работал, как и многие другие студенты, в Ленинградском торговом порту грузчиком. В это время ему удалось поступить на работу в качестве десятника в контору «Гидроработ» порта, где он осуществлял руководство работами по гражданскому строительству. В 1923–1924 годах Александр Михайлович по собственному проекту построил административное здание на территории порта. Когда занятия в Академии художеств возобновились, он некоторое время совмещал учебу в двух вузах.

В 1925 году Соколов участвовал в строительстве больницы им. Мечникова, работал чертежником, в 1926 году – уже помощником архитектора на строительстве фабрики «Красное знамя». Так, совмещая (в летнее время) учебу и строительство, Александр Михайлович в 1927 году окончил с отличием архитектурный факультет Академии художеств. В его дипломе сказано, что он в 1923 году поступил и в 1927 году окончил Ленинградский высший художественно-технический институт по курсу архитектурного факультета, в июле 1927 года «подвергся испытаниям в Государственной квалификационной комиссии и защитил дипломную работу «Мавзолей – памятник

деятелям революции». Проект следует отметить как особо выдающийся. А.М. Соколову присваивается квалификация «архитектор-художник».

Еще до окончания Академии художеств Александр Михайлович в течение двух лет работал в качестве районного архитектора Петроградского района Ленинграда.

Годы, насыщенные учебой, привнесли в его характер внутреннюю дисциплину, стремление ценить каждого человека и умение искренне дружить. В его отношениях с людьми никогда не было прагматического подтекста. Близкая дружба всю жизнь связывала Александра Соколова с архитекторами В.Ф. Твелькемeyerом и Е.И. Катониным, художником Константином Рудаковым. Последний оказал большое влияние на взгляды Александра Михайловича и своими фортепианными импровизациями вдохновил его на проектирование в 1939 году ныне существующих кресел самого крупного колонного зала Петербурга первой половины XIX столетия – Большого зала Филармонии (бывшего Дворянского собрания). Созданная Соколовым белая театральная мебель, удачно найденные классические формы прекрасно гармонируют с мраморной коринфской колоннадой и широкими арочными проемами.

Забывчивый учитель

Курс «Введение в архитектурное проектирование» Александр Михайлович начал читать в ЛИСИ (ныне СПбГАСУ) в 1943

году. Своими содержательными и увлекательными лекциями Соколов прививал студентам вкус к профессиональной культуре. Он в деталях знал основы классического проектирования. Елена Николаевна Лукьянова, кандидат архитектуры, была его ученицей с 1945 по 1948 год и 20 лет коллегой на кафедре истории и теории архитектуры

Станция метро «Технологический институт-1»

Авторы проекта архитектурного оформления станции «Технологический институт-1» А.К. Андреев (справа) и А.М. Соколов осматривают макет станции в натуральную величину. 1954 г.. Фотография из архива семьи А.С. Гецкина

Заседание ученого совета в ЛИСИ. 1948 г.

А.М. Соколов – первый справа. Слева от него: В.А. Витман, Д.Г. Барышев, А.А. Починков, Н.П. Подберезкий, К.И. Дергунов, Т.Б. Дубяго. Справа: Б.М. Муравьев, Н.Ф. Хомуцкий, А.С. Никольский, А.А. Оль, А.М. Хидекель, А.И. Князев. Фото из архива Е.Н. Лукьяновой

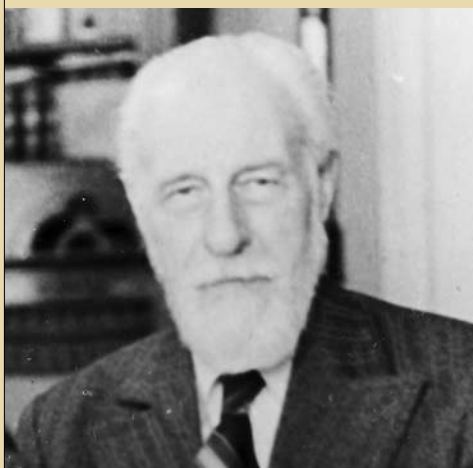
профессор, обратившийся к нам с приветствием и прочитавший первую лекцию своего курса «Введение в архитектурное проектирование». Говорил он очень спокойно, материал был так хорошо выстроен, что прочно укладывался в голове. По сути, ему мы были обязаны самыми первыми шагами на пути вступления в профессию. Он был для нас олицетворением зодчего, настоящим мэтром – держался с достоинством, обладал безупречными манерами. Отличался деликатностью и уважением к нам, студентам, рассказывая о чем-то, обращался к нам так: «Вы это, конечно, знаете, но я хотел бы вам напомнить...». На экзамене разрешал заглядывать в конспект, считая, что если человек посмотрит, то это ему никак не помешает, а только добавит. Обладая чувством собственного достоинства, никогда не унижал студентов, но мог быть строгим... Безусловно, он принадлежал к плеяде петербургских архитекторов, обладавших знаниями, вкусом и высокой требовательностью в профессии».

Благодарим за помощь в подготовке публикации заслуженного работника культуры РФ Т.И. Николаеву.

До войны

В 1930 году на Всесоюзном конкурсе Соколов получил первую премию и право разработки Генерального плана города Мурманска, в связи с чем перешел на работу в проектную контору «Союзрыба» (впоследствии «Ленснабстрой»), где шло проектирование. Для плана этого города архитектор использовал элементы строчной застройки, образованной прямоугольными жилыми корпусами, расположенными параллельно и с разными разрывами. Наилучшая ориентация по сторонам света, хорошее проветривание, изолированность от транспортного шума при расположении домов торцами к улице – прием, получивший распространение под влиянием немецкой архитектуры, привлек внимание молодого зодчего. Наряду с реализацией этого проекта разработки Александра Соколова легли в основу и четырех рыбацких поселков на берегу Баренцева моря.

В Ленинграде Соколов создал проект жилищного массива совторгслужащих и молочного комбината, которые были возведены в 1932–1934 годах. Особо интересна постройка одного из зданий молочного комбината на Московском проспекте с характерной для конструктивизма асимметричной компоновкой объемов, их врезкой одного в другой и устройством ленточных

Архитектор А.М. Соколов.

Фото начала 1980-х гг. Из архива Е.Н. Лукьяновой

Профессор Соколов любил своих студентов, вносил их в записную книжку с 1943 по 1977 год, четко выводя бисерными буквами с наклоном влево имена, отчества и фамилии. Это продолжалось даже тогда, когда Александр Михайлович работал деканом градостроительного факультета (1962–1965) и был чрезмерно занят. Он видел острее многих и учил этому умению других. Его курсы лекций по теории классических архитектурных форм, основным понятиям архитектурного проектирования (учебник с аналогичным названием был издан в 1976 году) стали хрестоматийными для студентов. Архитектурные «цитаты», конкретные личные наблюдения, переосмысление привычных понятий, изложенные в этом учебнике, порой заставляли задуматься и специалистов.

Когда в августе 1984 года Александр Михайлович ушел из жизни, гроб с его телом несли именно студенты. Такова была его последняя воля. Проникнутые почтением и неизменной любовью, студенты, казалось, готовы были нести на руках тело учителя до Серафимовского кладбища.

Доктор архитектуры Маргарита Сергеевна Штиглиц, профессор кафедры искусствоведения и культурологии СПбГХПА им. А.Л. Штиглица, член правления Санкт-Петербургского Союза архитекторов, до сих пор помнит первую лекцию своего преподавателя, научного руководителя, а в дальнейшем и коллеги по учебному заведению: «Я поступила в ЛИСИ в начале 1960-х годов. Тогда Александр Михайлович был деканом архитектурного факультета, позднее – профессором кафедры истории и теории архитектуры того же факультета. Самое яркое воспоминание о первом занятии – это высокий, элегантный седовласый

СПбГАСУ. Она вспоминает, что Александр Михайлович отличался особо ценными для преподавателей качествами: обладал удивительной способностью формулировать трудные проблемы в понятной и доступной форме, умело склонял студентов к раздумью, к дискуссии, при этом всегда оставляя право выбора. Когда его просили объяснить, как получилось то или иное построение, он придавал лицу таинственное выражение и отвечал: «А вот поди ж ты!». Он требовал от студентов серьезного отношения к любому заданию.

Александр Михайлович Соколов обладал эрудицией ученого, был склонен к поступку и, несмотря на крестьянское происхождение, внешне походил на английского лорда. Его воспринимали как человека-галактику, хранителя глубинных традиций прошлого, несущего в себе дух прошедших эпох и умеющего передать его другим, одновременно с тем живущего на переднем крае современности.

окон (в соавторстве с В.Ф. Твелькмейером и И.И. Фоминым). В 1933 году Александра Михайловича пригласили для проектирования огромного комплекса Института экспериментальной медицины (ВИЭМ) в Москве. В проекте разрабатывалась идея масштабного сооружения, в композиции которого акцент сделан на контрасте массивного объема, имеющего равномерную сетку проемов с обрамлением, чуть заглубленных по отношению к плоскости стены, и аркад или колоннад первых этажей.

В 1935 году Соколов принял участие в разработке первых наземных вестибюлей московского метро. Из исполненных трех проектов один – «Библиотека Ленина» – был в том же году осуществлен в натуре. Архитектор был награжден почетным знаком Моссовета «За строительство первой очереди Московского метрополитена». Так состоялось его знакомство с метростроительством, этим «детищем больших городов», с которым впоследствии он надолго свяжет свою профессиональную деятельность.

С 1935 по 1937 год он работал в институте «Роскинопроект» старшим архитектором, далее была должность заместителя руководителя проектно-планировочной мастерской в институте «Гипрогор».

Военное время

С сентября 1939 по май 1940 года Соколов участвовал в Финской кампании, затем освобождал Бессарабию. В сентябре 1940 года был демобилизован и поступил на работу заведующим курсами повышения квалификации архитекторов при Ленинградском отделении Союза архитекторов СССР. Одновременно работал старшим научным сотрудником Павловского дворца-музея, руководил архитектурными обмерами парковых сооружений. Обмерные работы включали в себя подготовительные черновые зарисовки, выполненные «от руки», так называемые кроки. В 1939 и 1940 годах Соколов сделал обмеры всех парковых сооружений, даже полуразрушенных. Эти чертежи до сих пор хранятся в фондах ГМЗ «Павловск». После начала Великой Отечественной войны эти работы были продолжены, но уже по консервации и эвакуации экспонатов и сокровищ дворца-музея.

Угроза повреждения или уничтожения архитектурных и скульптурных памятников вызвала необходимость срочного проведения их обмеров, организовать которые Ленгорисполком поручил ГИОП в октябре 1941 года. К этой деятельности было привлечено более 100 архитекторов, студен-

Станция метро «Кировский завод»

Станция метро «Автово»

Здание института Ленметрогипротранс
со встроенным вестибюлем станции «Владимирская»

- **23 ноября 1944 года** Бюро ГК ВКП(б) приняло Постановление «О проведении подготовительных работ по возобновлению строительства метрополитена в Ленинграде».
- **3 декабря 1946 года** Приказом № 795/цз, подписанным начальником «Главтоннельметростроя» генерал-директором пути и строительства II ранга М.А. Самодуровым, организуется первый ленинградский филиал «Метропроект» — «Ленметропроект».
- **29 января 1947 года** начальником «Ленметропроекта» был назначен Валентин Михайлович Ленин.
- **В 1948 году** было положено начало архитектурного проектирования Ленинградского метрополитена проведением двух конкурсов: закрытого (заказного), с привлечением ряда известных в то время ленинградских зодчих, и открытого, в котором приняли участие архитекторы Ленинграда, Москвы, Киева, Свердловска.
- **К началу 1951 года** окончательно определились авторы семи из восьми подземных станций первой очереди Ленинградского метрополитена. Этим же авторам было решено поручить проектирование наземных станций. Исключение составил наземный павильон станции, совмещенный со служебным зданием метрополитена (авторы А.А. Грушке, А.С. Гецкин, В.П. Шувалова).
- **В середине 1951 года** решилась участь станции «Владимирская». Первоначально ее не планировали к пуску в первой очереди.
- **30 января 1952 года** одобрен проект станции «Владимирская».
- **8 октября 1955 года** со станции «Автово» отправился первый пробный поезд.
- **15 ноября 1955 года** осуществлен пуск первого участка Кировско-Выборгской линии от станции «Автово» до станции «Площадь Восстания» (Московский вокзал). Он стал праздником для всех ленинградцев и коллектива «Ленметропроекта», укрепившим уверенность проектировщиков и вдохновившим их на дальнейшую успешную работу; начинаются регулярные перевозки.
- **В декабре 1955 года** за разработку проектов станций первой очереди ленинградского метро почти все архитекторы были удостоены государственных наград: ордена «Трудового Красного Знамени» — А.И. Кубасов, А.М. Соколов, С.Б. Сперанский; ордена «Знак Почета» — Г.И. Александров, А.К. Андреев, А.В. Васильев, В.В. Ганкевич, Д.С. Гольдгор, А.А. Грушке, А.В. Жук, А.Е. Левинсон, А.И. Прибульский; медали «За трудовую доблесть» — А.С. Гецкин.

Архитектор А.К. Андреев. 1965 г.
Фотография из архива А.К. Андреева

ты Академии художеств, Ленинградского инженерно-строительного и Московского архитектурного институтов. С сентября 1942 года техническое, научное и художественное руководство этим процессом было возложено на Л.А. Ильина, а после его гибели — на В.Ф. Твелькмейера.

С сентября 1941 года Александр Михайлович участвовал в работах по восстановлению здания Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С.М. Кирова (ныне Мариинский театр), разрушенного во время одной из первых бомбежек Ленинграда. Он выполнял обмеры с натуры разрушенных частей, разрабатывал проект восстановления. К концу 1941 года вчерне здание было восстановлено. Но Александр Соколов вследствие крайнего истощения и дистрофии слег на больничную койку и только в марте 1942 года смог продолжить работу в качестве руководителя архитектурной мастерской Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда.

Одновременно с проектной деятельностью Александр Михайлович продолжал преподавательскую деятельность в ЛИСИ (весь институт 14 марта 1942 года был эвакуирован в Ессентуки, осенью того же года в Барнаул, а в осажденном Ленинграде факультетом руководил В.Ф. Твелькмейер, при этом в городе оставалась объединенная кафедра, на которой работали и преподавали И.И. Фомин, Г.Д. Гримм, В.И. Пилявский, А.М. Соколов), а также в Ленинград-

ском институте коммунального хозяйства и в Академии художеств.

В марте 1943 года разрозненные бригады архитекторов были объединены в Обмерный цех производственной группы ГИОП, состоявший из 7, а затем 8 архитектурно-творческих мастерских, руководство которыми поручили Я.О. Рубанчику, А.П. Удаленкову, С.Е. Бровцеву, Л.М. Тверскому, А.М. Соколову, В.П. Яковлеву, В.В. Степанову, Н.Н. Белехову.

В июле 1942 года в профессиональном сообществе обсуждался вопрос, каким образом проводить необходимые государству строительно-технические, археологические, архитектурно-технические и реставрационные обмеры памятников в столь трудный для страны момент — трудный, в том числе с финансовой точки зрения. Архитектор Соколов, основываясь на опыте обмеров Павловского дворца-музея и учитывая «условия опасности ближайшего времени», предложил проводить фиксацию графически. По его мнению, следовало отказаться от парадности в архитектурной фиксации прежних времен и сосредоточить усилия на полной и быстрейшей обмерной фиксации большинства зданий, имевших статус архитектурных памятников. В тяжелейших условиях блокады научные сотрудники Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда, включая Александра Соколова, не жалея сил трудились над составлением исторических справок о зданиях-памятниках. Обмерные чертежи, созданные специальными бригадами архитекторов, стали основными исходными документами, позволившими по окончании Великой Отечественной войны воссоздать многие памятники.

Сложное военное время не помешало ему участвовать в конкурсах на проекты

Архитектор А.С. Гецкин. 1946 г.
Фотография из архива семьи А.С. Гецкина

Станция метро «Пушкинская». Проектное решение.
1951 г. Бумага, акварель, тушь. ГМИ СПб. Инв. № 1-Б-1483-ч

восстановления разрушенных домов на углу Невского и Фонтанки (1943), памятника прорыва блокады в Ленинграде (1943), типовых проектов здания правления колхоза и здания сельсовета (1944). Вплоть до июля 1943 года Александр Михайлович участвовал в разработке ледовой трассы через Ладожское озеро – легендарной «Дороги жизни».

В мае 1943 года по решению Ленгорисполкома была образована Городская комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и по учету причиненного ими ущерба. Александр Соколов работал в составе экспертного бюро как главный эксперт по музейному комплексу Павловска. Вместе со своими коллегами он обследовал поврежденные и разрушенные здания, собирал документальные материалы и показания очевидцев, определял суммы нанесенного ущерба, устанавливал объем и содержание необходимых восстановительных работ. В 1944 году началось возрождение пригородов Ленинграда, включавшее также реставрацию дворцово-парковых ансамблей.

В период с 1944 по 1948 год он работал руководителем архитектурно-планировочной мастерской треста «Леноблпроект». Это была одна из структур, чьими силами разрабатывались новые генеральные планы городов Ленинградской области: Колпино, Гатчины, Луги и др. Архитектор Соколов работал над проектом восстановления Тихвина – города, в котором он родился.

Красная ветка Ленинградского метрополитена

Ленинградский ордена Ленина метрополитен имени В.И. Ленина стал вторым в Советском Союзе после московского. Датой начала его работы считается 15 ноября 1955 года, когда был торжественно введен в эксплуатацию первый участок Кировско-

Инженер О.В. Иванова (слева) и архитекторы А.М. Соколов и А.К. Андреев (сидят), рассматривают образец гранита для отделки первого этажа наземного вестибюля станции «Технологический институт». Начало 1950-х. Фотография Н.П. Янова из архива А.К. Андреева

Станция метро «Нарвская». 1955 г.

Станция метро «Нарвская»

Красная линия ленинградского метрополитена

Постоянные, штатные сотрудники авторских коллективов, авторы станций метрополитена:

- «Технологический институт» – профессор Александр Михайлович Соколов, Александр Кузьмич Андреев (впоследствии заслуженный архитектор РСФСР, кандидат искусствоведения, доцент института им. Репина);
- «Кировский завод» – Александр Кузьмич Андреев;
- вестибюля станции «Пушкинская» – Андрей Александрович Грушке, Арон Соломонович Гецкин, Валентина Петровна Шувалова.

Привлеченные заслуженные архитекторы, авторы станций:

- «Автово» – лауреаты Государственной премии СССР профессор Евгений Адольфович Левинсон и Андрей Александрович Грушке (впоследствии кандидат архитектуры, доцент ЛИСИ);
- «Нарвская» – Сергей Борисович Сперанский (впоследствии народный архитектор СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Ленинской премии), Александр Викторович Васильев (впоследствии заслуженный архитектор СССР), Давид Семенович Гальдгор (впоследствии заслуженный архитектор РСФСР);
- «Балтийская» – Михаил Константинович Бенуа, Анатолий Иванович Кубасов (впоследствии доцент ЛИСИ), Федор Федорович Олейник;
- «Пушкинская» – Леонид Михайлович Поляков (действительный член Академии архитектуры СССР), Василий Александрович Петров (впоследствии заслуженный архитектор РСФСР, доцент ЛВХПУ им. Мухомовой);
- «Владимирская» – Георгий Иванович Александров, Александр Владимирович Жук (впоследствии заслуженный архитектор РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии СССР), Анатолий Исаакович Прибульский (впоследствии заслуженный архитектор РСФСР);
- «Площадь Восстания» – Вера Владимировна Ганкевич, Борис Николаевич Журавлев, профессор Игорь Иванович Фомин (впоследствии народный архитектор СССР, действительный член Академии художеств СССР).

Выборгской линии от станции «Автово» до станции «Площадь Восстания» протяженностью 10,8 км. Работы по устройству строительных площадок и проходке шахт велись еще в 1941 году, однако с началом Великой Отечественной войны пришлось их прекратить, а заложенные шахтные стволы – затопить.

Александр Михайлович Соколов пришел в научно-исследовательский проектно-изыскательский институт «Ленметрогипротанс» (тогда он назывался «Ленметропроект») в 1948 году и сначала был начальником отдела архитектурного проектирования; с 1950 по 1959 год он проработал главным архитектором организации, имел ученую степень кандидата архитектуры. В период 1951–1957 годов Александр Михайлович Соколов, будучи беспартийным, трижды избирался депутатом Областного и Городского советов депутатов трудящихся, был награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд». За строительство первой очереди Ленинградского метрополитена – орденом Трудового Красного Знамени.

Вместе с ним работали замечательные люди, прошедшие Великую Отечественную войну, которые отстаивали свободу и независимость своей родины в тяжелых боях, а теперь горели желанием отдавать силы и талант строительству счастливой жизни в мирное время.

Начало архитектурного проектирования Ленинградского метрополитена было положено в 1948 году проведением двух конкурсов: закрытого (заказного), с привлечением ряда известных в то время ленинградских зодчих, и открытого, в котором приняли участие архитекторы Ленинграда, Москвы, Киева, Свердловска.

«...Задача увлекала москвичей и киевлян, ленинградцев и свердловчан. В архитектурных мастерских далеких от Ленинграда городов в чертежах и эскизах возникали

образы будущих станций. Большинство авторов работало группами – по два-три человека. Результаты конкурсов подвергались всестороннему обсуждению, по отдельным вопросам разгорались дискуссии. Отобрать лучшее было не так-то легко. В жюри поступило в общей сложности 123 проекта – почти по 15 на каждую станцию!»

(Из статьи А.М. Соколова «Путешествие под землей»)

В начале 1950 года 11 авторских коллективов выполнили 23 форпроекта. Из них были одобрены проектные предложения для шести будущих станций первой очереди. Два проекта – для станций «Пушкинская» и «Владимирская» – разрабатывались позднее по дополнительным конкурсам. Таким образом, были окончательно определены авторы-архитекторы, которым доверялась дальнейшая разработка архитектурных проектов.

На Александра Михайловича Соколова было возложено исполнение обязанностей главного архитектора «Ленметропроекта», а с июня 1950 года – общее руководство архитектурным проектированием во всех отделах, в том числе увязка и согласование всех работ привлеченных архитекторов.

Также Александр Михайлович был членом технического совета «Ленметропроекта», возглавлял архитектурную секцию совета. Помощником Соколова в те годы был Арон Соломонович Гецкин. В 1939 году он с отличием окончил Ленинградский институт инженеров промышленного строительства (ЛИИПС) по специальности «Архитектура». Военную службу А.С. Гецкин проходил в инженерных войсках на Тихоокеанском флоте, где молодому архитектору пришлось заниматься строительством береговых укреплений. Там и застала его Великая Отечественная война. В 1948 году, желая работать по специальности, архитектор демобилизовался в звании инженер-майора, вернулся в Ленинград и поступил

на работу в архитектурный отдел «Ленметропроекта».

При проектировании станций метро Соколов стремился к образности, единству пространственных систем, общности с окружающей средой. В соавторстве с Александром Кузьмичом Андреевым им был выполнен проект одной из первых станций и вестибюля метро «Технологический институт-1» в Ленинграде, осуществленный в 1955 году. На оформление станции, решенной с использованием мотивов ордерной архитектуры, повлияло близкое соседство здания самого Технологического института, получившего неоренессансный облик в процессе его перестройки в конце 1890-х годов архитектором А.П. Максимовым. На станции «Технологический институт» впервые в мировой практике с момента открытия метро в Лондоне в 1863 году для удобства пассажиров проектировщиками было введено новшество, которое заключалось в пересадке с первой линии на вторую на той же платформе, лишь на другой ее стороне, исключая коридоры и эскалаторы со спусками и подъемами. В 1958 году совместный проект Соколова и Андреева получил Гран-при на знаменитой Всемирной выставке в Брюсселе.

«Многим, вероятно, памятны первые дни пуска метро в нашем городе. Об этом событии ленинградцы говорили на службе и

дома, в приятельских беседах по телефону и при встречах на улице. Возле станций метрополитена выстраивались очереди. Кого только не было в этих веренищах людей! Даже старики, давно не переступавшие пределов своего двора, отважно пускались в подземное путешествие. Теперь эти дни прошли. Удобный, быстрый, безотказно действующий вид транспорта стал неотъемлемой частью города. В метро ездят на работу и в гости, к вокзалам и в магазины... Первая очередь Ленинградского метрополитена имени В.И. Ленина завершена. Пройдет небольшой срок, и подземная трасса протянется дальше. Она пересечет Неву, свяжет последний из пяти ленинградских вокзалов Финляндский с центром города. Сейчас творческая мысль зодчих направлена на то, чтобы построить красивые, благородные по архитектурным формам сооружения с наиболее экономичными решениями...»

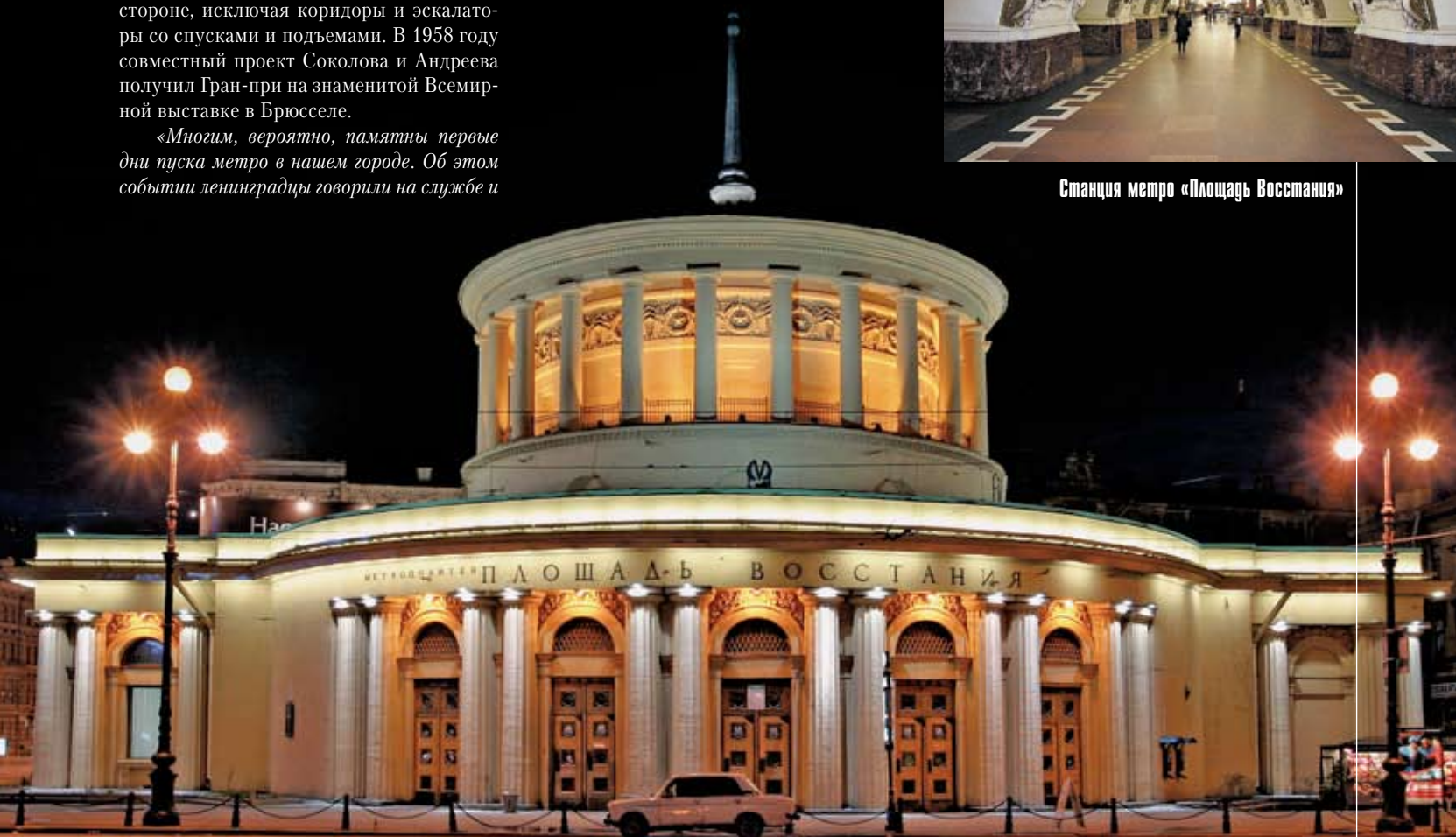
(Из статьи А.М. Соколова «Путешествие под землей»)

Почти все из работавших в «Ленметропроекте» в первые десять лет прошли тяжкие и скорбные дни Отечественной войны, многие защищали наш город, отстояли его в 900-дневной блокаде. Это было поколение победителей, которое с огромным энтузиазмом в послевоенные годы работало во имя мирного светлого будущего.

Сегодня почти всех сотрудников, о которых можно сказать «они были первыми», нет в живых. Но то, что создано их трудом, талантом, порой невероятным напряжением всех сил, и сегодня служит нам, прошедшим им на смену. Все остается людям!

Станция метро «Площадь Восстания»

Второго декабря 2014 года исполнилось 89 лет Николаю Викторовичу Варламову – действующему профессору кафедры управления СПбГАСУ, доктору технических наук, академику Российской и Санкт-Петербургской инженерных академий, члену-корреспонденту Петровской академии наук и искусств, советнику Российской академии архитектуры и строительных наук.

В день рождения, коллеги Николая Викторовича по НИП «Балтийский строительный комплекс» обратились к нему со словами признательности за добросовестный труд и ответственное отношение к делу. «Мы преклоняемся перед Вашими ратными заслугами, силой духа и воли. Вы – человек высоких моральных качеств и благородных стремлений. Ваш вклад в развитие науки сложно оценить, мы глубоко гордимся тем, что Вы являетесь частью нашего коллектива», – так звучало торжественное поздравление членов НИП «БСК».

В конце 2015 года друзья и коллеги Николая Варламова смогут пожелать ему крепкого здоровья и творческого долголетия уже в связи с 90-летним юбилеем.

В учении и в бою

Николай Викторович Варламов родился 2 декабря 1925 года в деревне Цибаки Гаврилов-Ямского района Ярославской области. В графе «Социальное происхождение» в его анкете значится: из крестьян.

ВОЗРАСТ МУДРОСТИ

В 1955 году он с золотой медалью окончил Военно-транспортную академию в Ленинграде, получив специальность «Строительство и восстановление автомобильных дорог» (квалификация – военный инженер путей сообщения). В 1978 году стал выпускником Высших академических курсов руководящего состава при Военной академии Генерального штаба ВС СССР по специальности «Управление соединениями и объединениями с использованием автоматизированных систем».

Николай Варламов – участник Великой Отечественной войны, прослужил в рядах Вооруженных сил с 1943 по 1983 год, генерал-майор в отставке. Награжден двумя орденами и 20 медалями, в том числе медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С июня 1943 по декабрь 1945 года был курсантом, а затем командиром взвода курсантов Калининковского военно-пехотного училища, воевал в составе Второго Белорусского фронта. Особенно дорога Николаю Викторовичу юбилейная медаль «65 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков», которую он получил от белорусских властей.

Производственная деятельность

Сразу после войны, в 1949–1950 годах, он стал сотрудником органов местного военного управления и секретариата заместителя председателя Советской военной администрации в Германии по политическим вопросам.

По окончании Военно-транспортной академии Николай Варламов применял полученные знания в разных регионах Советского Союза. Он участвовал в строительстве автомобильных дорог в Татарстане, первой очереди Московской кольцевой автомобильной дороги, а также в реконструкции дороги Ленинград– Москва на участке от Чудово до Новгорода в качестве заместителя командира – главного инженера отдельного батальона механизированных работ. Был командиром отдельной дорожно-строительной части при проектировании и строительстве объектов на Украине, в том числе для космической отрасли, за что получил медаль имени К.Э. Циолковского.

С 1972 по 1983 год Николай Варламов принимал участие в проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию государственных и региональных пунктов управления с использованием вычислительной техники по техническому заданию Организационно-мобилизационного управления Генштаба СССР.

С 1983 по 2001 год в интересах Ленинграда – Санкт-Петербурга он выполнил ряд крупных проектов, в том числе разработку и внедрение первой и второй очередей АСУ ГлавАПУ, АСУ проектно-ремонтного объединения «Ленавтодор», нескольких строительных организаций, по совершенствованию системы управления строительным комплексом, городским хозяйством Санкт-Петербурга, пилотного проекта «Автоматизированная система управления

инвестиционно-строительной деятельности Санкт-Петербурга» и т.д.

В интересах Министерства строительства разработал концепцию и техническое задание на интегрированную систему проектирования и управления реконструкцией и техническим перевооружением предприятий стройиндустрии России.

Путь педагога

За свою долгую педагогическую деятельность (которая активно продолжается и сегодня!) Николай Варламов прошел путь от старшего научного сотрудника до руководителя крупного научно-исследовательского института. В высшей школе он с 1960 года. Преподаватель, старший преподаватель, а затем профессор Военной академии тыла и транспорта. Профессор кафедры организации, планирования и управления Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ, ныне СПбГАСУ), в течение 15 лет заведующий кафедрой автоматизированных систем проектирования и управления в ЛИСИ – СПбГАСУ, которую сам же и создал в 1984 году. В последнее время является профессором и профессором-консультантом кафедры управления СПбГАСУ.

Николай Викторович подготовил 69 кандидатов технических, военных и экономических наук, в том числе для других стран – Вьетнама и Китая, а также 16 докторов и гранд-докторов философии в области управления в условиях риска. Многие из выпущенных им специалистов со временем заняли руководящие должности – начальников НИИ, руководителей центрального аппарата, крупных проектных и строительных организаций. Среди именитых воспитанников Николая Варламова – бывший губернатор Санкт-Петербурга Владимир Анатольевич Яковлев, многие вице-губернаторы Северной столицы, директор СРО НП «БСК» Владимир Леонидович Быков, первый проректор СПбГАСУ Александр Николаевич Вихров.

Одним из важных достижений Николая Викторовича стала организация обучения на основе системы целевой интенсивной подготовки специалистов с использованием вычислительной техники и современных информационных технологий. Было создано пять филиалов базовой кафедры при управлениях автоматизации Главленинградстроя,

ЛенНИИпроекта, Ленпромстройпроекта, Ленгипроинжпроекта и Гипрошахта. Эти филиалы, работавшие под руководством Николая Варламова и его коллег, имели современное программное обеспечение и привлекали для проведения занятий специалистов с высоким уровнем подготовки в области САПР и АСУ. Благодаря такой системе обучения инженеры-строители получали знания по совершенно новым дисциплинам, которых раньше в ЛИСИ не было: «Системный анализ», «Системы автоматизированного проектирования объектов строительства», «Автоматизированные системы научных исследований», «Автоматизированные банки данных и знаний», «Гибкие автоматизированные производства», «Робототехнические комплексы» и т.д. После обучения выпускникам присваивалась квалификация не просто «Инженер-строитель», а «Инженер-строитель – пользователь САПР и АСУ».

Научно-исследовательская деятельность

И это все о нем: старший научный сотрудник; заместитель группы военнотехнических сотрудников по решению проблем управления тыловыми соединениями и частями с использованием ЭВМ; начальник научно-исследовательского центра по автоматизации управления тылом ВС СССР; председатель координационного научнотехнического центра для выполнения проектов по автоматизации всех звеньев управления. Затем начальник головного НИИ по направлениям «Военная экономика и стратегия развития Вооруженных сил в СССР» и «Автоматизированные системы управления, моделирование больших систем управления, программное развитие техники (специальной и двойного назначения)».

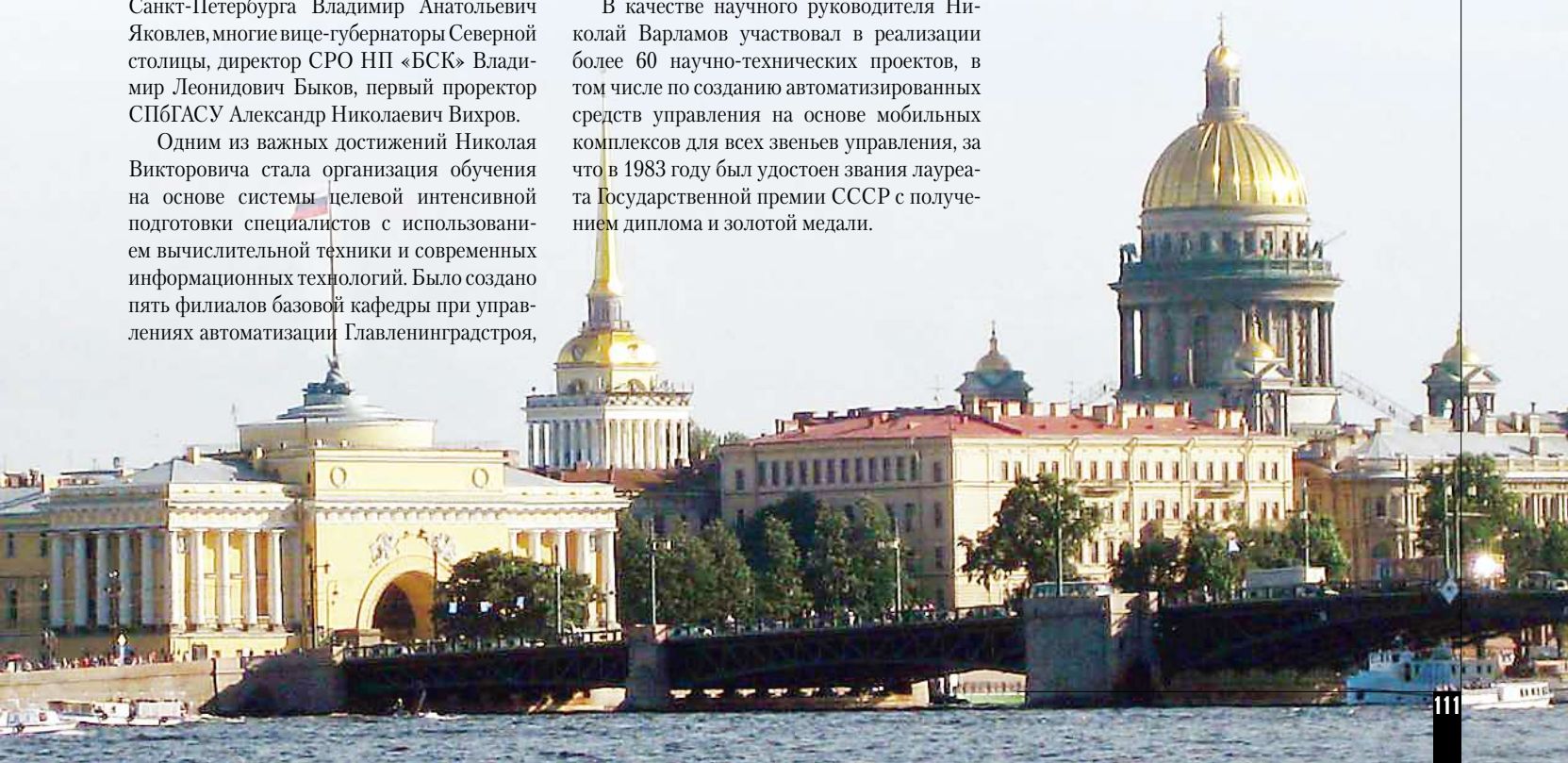
В качестве научного руководителя Николай Варламов участвовал в реализации более 60 научно-технических проектов, в том числе по созданию автоматизированных средств управления на основе мобильных комплексов для всех звеньев управления, за что в 1983 году был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР с получением диплома и золотой медали.

Под его руководством было выполнено шесть научно-исследовательских проектов для совершенствования системы управления ЛенСпецСМУ, которое из небольшой организации с 20 строительными бригадами превратилось в современную холдинговую компанию.

Публиковать свои работы Николай Викторович начал еще во время обучения в академии. Всего с 1953 года издано более 300 его научных работ, в том числе 16 монографий, 6 учебников, 75 учебных пособий по применению систем автоматизированного проектирования и управления с использованием ЭВМ, 6 научно-методических сборников по разработке САПР и АСУ. Более 150 статей Варламова вышли в различных журналах, в том числе международных. Опубликовано более 160 тезисов его докладов на региональных, всероссийских и международных научных конференциях и симпозиумах.

Он участвовал в разработке пяти энциклопедий: «Строительное производство» (20 статей), «Большая транспортная энциклопедия» (1 статья), «Российская архитектурно-строительная энциклопедия» (3 статьи) – за их разработку награжден медалью и дипломом Российской академии архитектуры и строительных наук; «Энциклопедия по качеству» (2 статьи) и «Энциклопедия систем автоматизированного проектирования» (2 статьи).

За эти и другие заслуги в научно-исследовательской деятельности Николаю Варламову в 1996 году указом Президента РФ присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РФ». За участие в разработке проектов Российской инженерной академии он получил почетное звание «Заслуженный инженер России».

Издательство «Зодчий» выражает особую признательность Александру Гавриловичу Леонтьеву, первому заместителю председателя Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга за бесценную помощь и поддержку в разработке и подготовке цикла тематических номеров журнала. Действительный член Союза архитекторов РФ и Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга, Александр Гаврилович стал идеологом этого проекта, вдохновил коллег и профессиональное сообщество, сумев «заразить» своими идеями коллектив редакции.

Александр Гаврилович, примите нашу благодарность и искреннее восхищение Вашим профессионализмом!

Этим номером журнала «Вестник «Зодчий.21 век» мы открыли цикл, посвященный сразу нескольким знаменательным датам: в 2015 году наша страна отмечает 70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 70-летие советской реставрации и всемирно известной ленинградской реставрационной школы; 70-й юбилей со дня основания ЮНЕСКО и 25 лет со дня внесения первых объектов, находящихся на территории РФ, в список Всемирного наследия ЮНЕСКО; 50 лет со дня основания ИКОМОС и 50-летний юбилей Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

Июньский выпуск нашего издания будет посвящен 70-летию ленинградской реставрационной школы. Мы расскажем о ее истории формирования и методологии, охране памятников архитектуры в Ленинграде, а также о создании системы художественного и реставрационного профессионального образования, современной системе высшего реставрационного архитектурного образования и повышения квалификации специалистов. Подробнее расскажем о послевоенном восстановлении

памятников Ленинграда и пригородов, и развитии реставрационной теории и практики в 1960–70-е годы. Поговорим о достижениях, проблемах и перспективах развития в области реставрации в конце XX – начале XXI века.

В ноябре главной темой журнала станет 25-летие включения Санкт-Петербурга в список Объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Вы узнаете немало интересного о строительстве Санкт-Петербурга Петром I и формировании уникального мегаполиса, сохранившего к началу XXI века аутентичную застройку в историческом центре, пригородах и на территории области. Расскажем о формировании научной базы по изучению, анализу и выработке подходов к охране объектов культурного наследия, а также об охранных зонах Ленинграда – Санкт-Петербурга. Затронем правовые аспекты и основные проблемы охраны памятников сегодня.

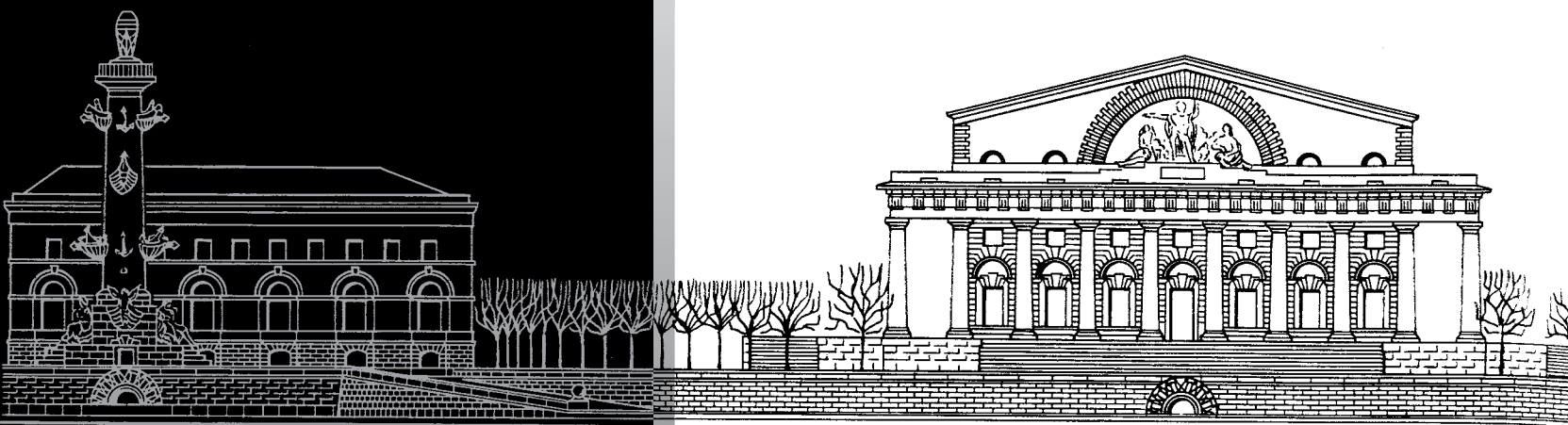
Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга и издательство «Зодчий» предлагают принять участие в новых тематических выпусках журнала «Вестник «Зодчий.21 век» и приглашают к сотрудничеству всех желающих.

Если вам есть что рассказать, если вы готовы поделиться знаниями и мастерством – присоединяйтесь!

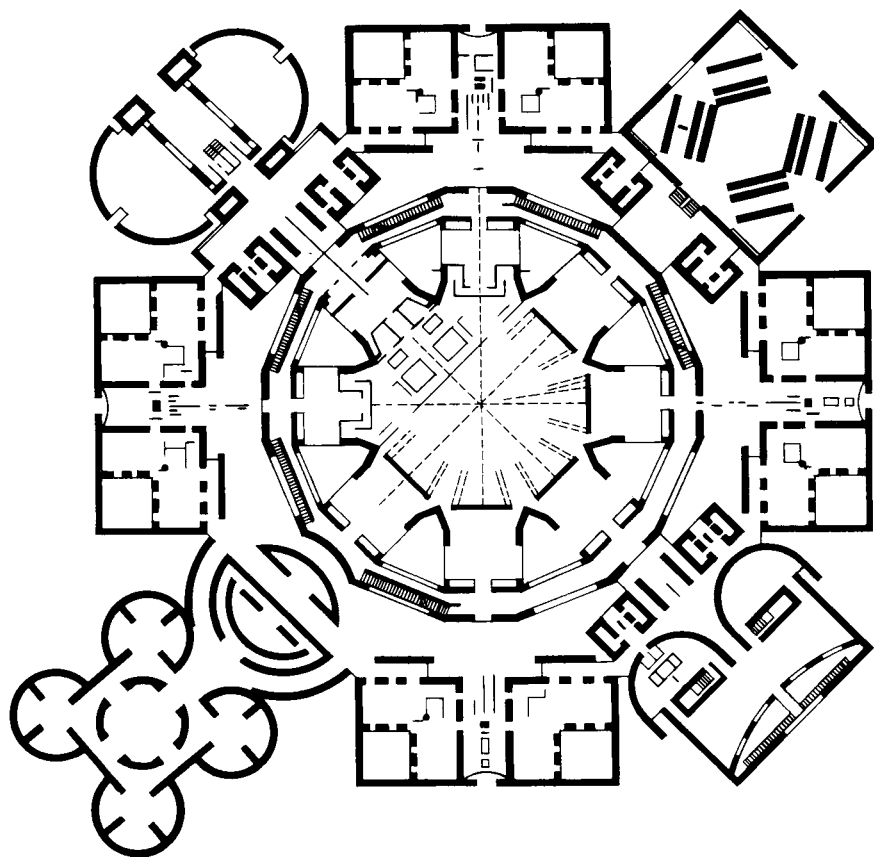

...Настанет день,
и, радуясь, спеша,
ещё печальных не убрав развалин,
мы будем так наш город украшать,
как люди никогда не украшали.

О. БЕРГТОЛЬЦ

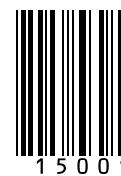
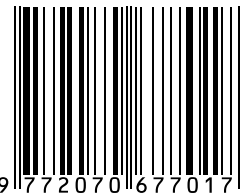

Мемориал «Разорванное кольцо»

www.zodchig21.ru

ISSN 2070-6774

9 772070 677017

1 5 0 0 1